

10 335

1957

საქართველოს
ბიბლიოთეკა

1

10335

ЛИТЕРАТУРНАЯ

ГРУЗИЯ

1957

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Литературно-художественный
и общественно-политический
журнал

ОРГАН
СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
ГРУЗИИ

СО Д Е Р Ж А Н И Е

57.218

1

О нашем журнале	3
ХУТА БЕРУЛАВА. Ленину. Стихи	4
ШАЛВА ДАДИАНИ. Семья Гвиргвилиани. Роман.	5
СУЛЕЙМАН РУСТАМ. Новая песня моя. Стихи.	30
ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ. У Дарьялгэса. Стихи.	31
ТИЦИАН ТАБИДЗЕ. Орпирский комсомолец в Кремле. Стихи	32
НИКОЛАЙ ТИХОНОВ. Цхнетские вечера. Рассказ.	34
ВАЖА ПШАВЕЛА. Жалоба меча. Ожидание. Стихи.	43
АЛИО МИРЦХУЛАВА. Лук и лира. Стихи.	45
ГЕОРГИЙ НАТРОШВИЛИ. Вновь весна на Иори. Рассказ.	46
МУРМАН ЛЕБАНИДЗЕ. Отец. Стихи.	62
ГАФЕЗ. Иней. Стихи.	65
МИХАИЛ ЛАКЕРБАЙ. Маленькие рассказы	66
ГЕОРГИЙ САЛУКВАДЗЕ. На кукурузном поле. Стихи.	70
ТОГАР БРОЕВ. Журавли. Стихи.	71
МАКВАЛА МРЕВЛИШВИЛИ. На восходе солнца. Книжка стихов. Стихи.	72
СЕМЕН СТАЦЕНКО. Вечер на родине. Новый дом. Стихи.	74
МИХАИЛ ЛОХВИЦКИЙ. В летний день. Рассказ.	75

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ГОДЫ

В. ЭСАИШВИЛИ. В. И. Ленин и большевики
Грузии. 81

(См. на обороте)

ИЮНЬ
1957

ОЧЕРКИ

ИЛЬЯ ДУБИНСКИЙ. Город, люди, конфликты. . . 94

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

- ✓ СОФЬЯ КАВТАРАДЗЕ. Луи Арагон о грузинской литературе. 102
- ✓ ГЕОРГИИ ЛОМИДЗЕ. Вопросы национального своеобразия литературы 108

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

- ✓ Беседа А. М. Горького с рабкорами, селькорами и военкорами в Тбилиси 27 июля 1928 г. . . . 114

ГРУЗИЯ НА СТРОЙКЕ

- М. НЕФЕДОВ. Газификация Тбилиси. Статья. . . 122

СРЕДИ КНИГ

ВЛ. МАЧАВАРИАНИ — Воспоминания и статьи Геронтия Кикодзе; Л. БРАЙЛОВСКАЯ — Герои бессмертны; М. АНДРЕЕВ, Т. ХОШТАРИЯ — Историко-экономический очерк Грузии; В. ГОЦИРИДЗЕ — На суд товарищей; М. ЗАВЕРИН — Так пелось мне...; Д. СТУРУА — Новые встречи, новые впечатления; С. ГВЕЛЕСИАНИ — Дорогами жизни. . . . . 126—132

НА РАЗНЫЕ ТЕМЫ

- Г. БЕБУТОВ. К истории одного знакомства. . . 133
- Ш. ГОЗАЛИШВИЛИ. Страничка прошлого . . . 134
- Г. ДЕМИРХАНОВА. Первая печатная грузинская книга 135

ХРОНИКА

- Перед декадой 136
- Коротко об авторах 138

Редактор **К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ**

Редакционная коллегия:

Э. АНАНИАШВИЛИ, М. ЗЛАТКИН, А. КУЗЬМИЧЕВ (заместитель редактора),
А. КУТЕЛИЯ, В. МАЧАВАРИАНИ, Э. ФЕЙГИН, Д. ШЕНГЕЛАЯ

Адрес редакции: Тбилиси, ул. Махарадзе, 14, тел. 3-87-88.

В большую семью литературно-художественных и общественно-политических журналов, издающихся в нашей стране, «Литературная Грузия» вступает в знаменательный год — год сорокалетия Великой Октябрьской социалистической революции. Рождение нашего журнала — новое свидетельство неустанной заботы партии и правительства о дальнейшем подъеме многонациональной советской литературы, о повышении идейного и культурного уровня трудящихся, о развитии и укреплении дружбы народов СССР.

Наш журнал призван знакомить русского читателя со всем лучшим, что создает грузинская советская литература. Журнал будет публиковать произведения русских писателей, живущих и работающих в Грузии. Рядом с романами, повестями, рассказами и стихами мастеров прозы и поэзии мы широко покажем творчество нашей талантливой молодежи и тем самым поможем ей совершенствовать художественное мастерство. Редакция привлекла к сотрудничеству в журнале квалифицированных переводчиков, которые, мы надеемся, смогут донести до русского читателя индивидуальные особенности и творческую манеру писателей Грузии.

Главная тема журнала — жизнь и труд нашего современника — строителя коммунизма. В ярких художественных образах раскрыть богатый и сложный духовный мир советского человека, воспитанного социалистическим строем, мудрой Коммунистической партией — наша основная задача. Мы расскажем читателю о том, как, преодолевая трудности, труженики Советской Грузии добиваются под руководством Коммунистической партии все новых успехов в социалистическом строительстве.

Советская литература — самая передовая в мире — всегда развивалась в тесной связи с широкими читательскими массами. Мы надеемся, что и у «Литературной Грузии» появятся многочисленные друзья — требовательные и взыскательные — и с их помощью мы сумеем внести свой посильный вклад в общенародное дело развития и укрепления дружбы братских советских литератур.

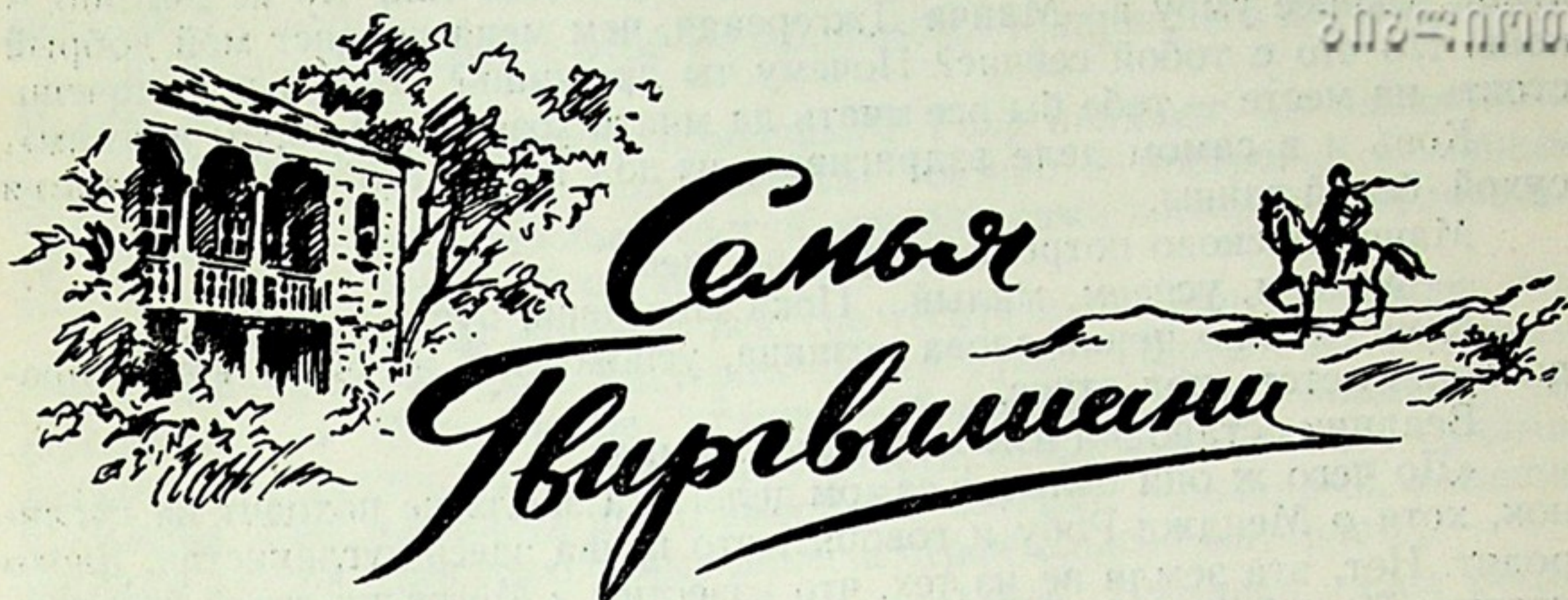
ЛЕНИНУ

Перевод с грузинского А. Межирова

На камне гробовом от века
Две даты ставились всего:
Одна — рожденье человека,
Другая дата — смерть его.

Одной единственной датой
Венчает время жизнь твою —
Год восемьсот семидесятый
Я прославляю и пою.

Грохочет горным водопадом
Десятилетий череда,
Но встать с твоим рождением рядом
Смерть не посмеет никогда.

РОМАН

Перевод с грузинского Наты Чхеидзе.

СЕЛО БЕРТЕМИ

Уж первый луч забрежжил.
Тяните плуг, волы!
Рассвет нам улыбнется
И сгинет царство мглы.

Народный стих.

I.

На опушку леса выехал всадник. Голова его была на мегрельский лад повязана башлыком, за спиной из-за откинутого края бурки торчал ствол ружья. Выехав на склон, всадник остановил коня и посмотрел на восток. Его взору открылась деревня Ледзадзамэ, вся утопавшая в садах — всюду снежная россыпь ткемали и вишен, розовые облака цветов персика.

На всадника повеяло дыханьем весны. Эти живительные струи текли из дремучего леса, оставшегося позади... Но и тут, рядом с ним, уже вспыхнули в кустах лиловые и желтые огоньки цветов рододендрона, их терпкий аромат пьяняще льнул к ноздрям.

Высоко над селом, на трех пригорках, за голыми еще ветвями деревьев, виднелись, подобно трем голубятням, беленые известью церквушки. Чувствовалось, что там, на высоте, весна еще не вступила в свои права.

Вдруг до слуха всадника донесся протяжный звук трубы.

Он насторожился.

«Видимо, сзывают сход — но для чего? Уж не пожаловал ли пристав на село вести с народом беседу о моей поимке?»

Но всадник тут же посмеялся над своим предположением. «Говорят, испуганный пес лает на луну. Так и со мной. Завтра же вербное воскресенье, священник оповещает народ о наступлении праздника. Ведь в наших краях большими колоколами богат один лишь монастырь Мартвили. А в обычных сельских церквах обходятся маленькими колоколами, кото-

рые слышны лишь на расстоянии каких-нибудь десяти шагов. Оттого-то в канун праздников у нас трубят в старинные трубы, сзывают сельчан. К этим дням, обычно, в деревню приезжает и пристав. Но ведь я-то сейчас нахожусь между деревней Ледзадзамэ и Менджи-Робу¹ — далеко от нашей канцелярии. К Менджи-Робу примыкает этот вековой лес. Если даже и настигнут нас здесь, мой Кескенджи умчится так, что не догонит и птица. Скорее умру я—Манча Джгереная, чем меня предаст мой добрый конь. Но что с тобой сейчас? Почему ты дрожишь? Ага, ты не хочешь стоять на месте — тебе бы все мчать да мчать хозяина по горам и лесам».

Конь и в самом деле вздрагивал, из-под копыт его сыпались комья сухой белой глины.

Манча ласково потрепал друга по шее.

— Успеем, успеем, милый... Пока еще день, пусть стемнеет.

Конь, словно поняв слова хозяина, успокоился, но сухие комья продолжали лететь под откос.

Всадник остановил взгляд на этих комьях.

«До чего ж они белые, в самом деле! Эта земля не походит на суглинок, хотя о Менджи-Робу и говорят, что почва здесь суглинистая, плохородит. Нет, эта земля не из тех, что известны в Мегрелии своей бесплодностью. Правда, на этих склонах растет один лишь голый папоротник, но дальше горы покрывают густые леса с вековыми деревьями. В лесах преобладают вяз и бук, дуб попадается реже. В изобилии водятся дикая яблоня и груша. Значит, земля эта не бесплодна. Да ведь и предки ледзадзамцев когда-то с успехом разводили здесь огороды.

Что же это за глина, белая, как известь? Но это не известь».

Манча еще от дедов слышал, что в этих горах таятся богатые залежи белого камня.

Знает Манча и то, что здешние помещики Гвиргвилиани не раз приглашали сюда иностранных промышленников, чтобы ознакомить их с месторождениями руд и камней, а потом запродать им или хотя бы сдать в аренду исконные дедовские земли.

Таким путем надеялись Гвиргвилиани разбогатеть. Этой надеждой жили они после падения крепостного права, на это уповают и сейчас: авось, даст бог — и судьба улыбнется им...

Манча рассмеялся и перевел взгляд на окрестности Бертеми.

Уже смеркалось, но внизу отчетливо виднелась Бертемская долина и вьющаяся на дне ее голубая, прозрачная река Техури. Вдоль берега тянулась шоссейная дорога, ведущая к уездному городу Ахали-Сенаки, над ней террасой — в три ряда высился двор, окаймленный густой зарослью ежевики, с разбросанными по нему добротными строениями и лачугами, крытыми осокой. За рекой виднелись горы Накалакеви, Джолеви и Абедати, за ними в отдалении — обрывистый кряж Кваути. Поближе к северо-западу выдавалась вперед широкой грудью гора Лебаркалэ, вершущи которой еще рдели в багряных отблесках заката. Солнце уже зашло, прозрачный свет его растаял, исчез, как призрак уходящего счастья, которое ускользает из твоих рук — и ты уже не в силах догнать его...

Манча подумал: «Как и моя судьба. Я еще так молод — как же ускользает от меня вся радость жизни?»

Но Манча не стал задерживаться на этой мысли. Ведь не в первый раз он задумывался над своей судьбой.

До слуха его донесся глухой плеск реки.

«Вот, кому я должен подражать. Неустанная борьба, неустанное»

¹ Менджи-Робу — название местности.

действие, движение вперед. — Хм, — горько усмехнулся Манча, — вести борьбу в одиночку, не имея даже убежища...»

За рекой уже почернели громады окружавших долину гор. Впрочем, нет, это не чернота, а легкая синяя дымка, тончайшее покрывало, накинутое на плечи этих любимых с детства кряжей.

Взгляд Манчи упал на мельничный канал, проходивший по ближайшей околице деревни.

Дольщиком в обороте этой мельницы был товарищ его детства Парна Бжалава.

Мельница принадлежала помещикам Гвиргвилиани, но пайщиками состояли также две-три крестьянские семьи. В постройке мельницы крестьяне принимали больше участия, нежели сами господа; усерднее же всех потрудился Парна Бжалава.

Никто в округе не умел так искусно тесать мельничные жернова, как Парна. Недаром он слыл мастером на все руки. Парна был отличным строителем, и большинство домов — бревенчатых и дощатых, не только в его родном селе, но и в округности, было возведено его руками. Мельница тоже построена им, совместно с другими сельчанами, помещики лишь внесли известную сумму денег и строительный материал...

Манча с детских лет был привязан к Парне Бжалава. Они росли вместе и дружба их росла и крепла с каждым годом. На это были особые причины. Одно лишь печалило друзей: они не могли видеться так часто, как хотели.

Манча был абреком. Вот почему, боясь навлечь на семью друга подозрения властей, он лишь изредка наведывался к нему домой. Гораздо чаще он вызывал Парну через надежного человека в условленное место.

Сегодня Манче до зарезу нужно свидеться с другом, но он не сумел предупредить его. Пробраться к нему домой? Но для этого должна наступить не ночь, а тьма кромешная. Правда, черные тучи уже бродят по небу, но к западу, в сторону моря, оно зеркально чисто. А может, ветер все же принесет влагу с гор?

Над деревней Салхино черным-черно, там, видать, уже льет дождь.

Мысли Манчи снова возвращаются к Парне Бжалава, к детским годам.

Манча был жителем деревни Мохаша, граничащей с Бертеми и Лездзамэ, так что приятели-подростки без помехи шлепали друг к другу босиком, особенно в часы, когда нужно было выгнать скот в заросли Менджи-Робу или покормить корову на изумрудных выгонах близлежащей низины.

Здесь друзья играли, резвились, соревнуясь в ловкости и силе, здесь они и мечтали. И как свежи, наивны, радостны были их ребячьи мечты.

Грамоты тогда не знал ни один из них, читать и писать уже позже выучила их жена Барама Гвиргвилиани, которую сельчане называли ангелом доброты.

Манча, живший в сравнительно благоприятных условиях, более успел в учебе, пристрастился к книгам. А Парна — стоило ему только найти в поле, в лесу, на дороге гладкий валун — тут же садился, доставал из кармана шило, завернутое в тряпку, и принимался рисовать. Поначалу он изображал домики и церкви, потом — деревья, цветы, пригорки, а потом расхрабрился и перешел к предметам одушевленным. И, наконец, нарисовал человека.

И уж как радовались тогда, как смеялись оба мальчика!

Манче не раз приходило в голову, что если бы условия благоприят-

ствовавали его другу — из него бы непременно вышел художник или зодчий.

Но где были эти условия? Кто бы дал «понюхать» воздух училища нищему крестьянину, к тому же сыну хизана¹? Да и разве отец Парны настолько понимал значение учебы, чтобы, работая из последних сил, все же дать способному сыну возможность окончить школу? А ведь такие вещи нет-нет, да и случались в ту пору.

Взять хотя бы вдову Луки — беднее ее в деревне не встретишь, а вырастила же она своего сына. Все село помогало вдове, чуть ли не милостыню она собирала, но зато сын служит теперь лекарем в уездном городе. Но такие случаи бывали редко, и отец Парны не очень-то задумывался над ними. Бедной крестьянской семье нужны были рабочие руки — и кого он мог найти лучше своего шустрого, расторопного сынишки?

В ту пору вкус к знанию еще не пробудился в людях, подобных Парне. Это пришло в Мегрелию позже, в конце девяностых годов, когда и в крестьянской среде зародилась тяга к учению. А в описываемое время крестьяне, казалось, примирились со своей долей.

Восстание пятидесятых годов под водительством Уту Микава было разгромлено. Та же участь постигла мегрельских повстанцев в семидесятые годы. Крестьяне, восприняв эти события как горький урок, успокоились, но затаили в душе гнев и возмущение против рабства, выражая глухой протест лишь в своем же, тесном крестьянском кругу.

Поток воспоминаний нахлынул на Манчу, горько и печально стало у него на душе.

Но удивительна мысль человеческая!

С какой легкостью порхает она с предмета на предмет! Она то взмывает вверх, то стремительно низвергается вниз, делает головокружные повороты. Порою кажется, что нет единства в движении этих мыслей, но если приглядеться, то увидишь, что они подобны стройным четкам, в которых рядом с янтарем, кораллом и гишером тускло поблескивают простые стекляшки — все они нанизаны на одну нить.

Еще глубже задумался Манча.

«Мне подолгу приходится размышлять, и волей-неволей — всегда одному. А собеседники мои — ручьи и родники, рокочущие о необычайном. Эти деревья, шелестящие ветви которых раскинулись надо мной, общаются со мной к мудрости природы. И этой силой я живу и мыслю... Ну, а человек? С ним мне редко приходится встречаться, разговаривать, хоть я и стремлюсь к нему всей душой, потому что он превыше всего живого. Но несчастье заключается в том, что жизнь человека плохо устроена. Оттого и бывает, что мне частенько не хочется встречаться с людьми».

Манча бросил взгляд на Техури, прислушался.

«Ого, в Техури поднялась вода. В горах уже хлещет дождь и маленькие речушки с разлету кидаются к большой реке, берут ее приступом. Техури ярится, не принимает в свое русло мутные воды. Техури неуклонно течет на запад, в сторону Поти, чтобы сбросить в море и погубить этих дерзких пришельцев. Это нужно сделать и нам, людям. Надо очиститься от мути».

Облака низко нависли над горными кряжами, совсем стемнело. Но Манча отчетливо увидел вдали двух ехавших по шоссе всадников.

Он слегка пнул ногой лошадь, опустил поводья и, спустившись в овраг, притаился за густой листвой деревьев.

¹ Хизаны — безземельные крестьяне, селившиеся на помещичьих землях на условиях вечной аренды и натурального оброка.

Один из всадников был одет в чиновничий сюртук с желтыми пуговицами. В правой руке он держал набитый бумагами портфель, в левой — большой черный зонт.

Спутник его, в чохе, перетянутой серебряным поясом, на котором спереди висел кинжал, а сзади — длинный револьвер в кобуре, ехал, мурлыча что-то невнятное себе под нос.

Неожиданно он подхлестнул лошадь чиновника. Та вскинулась на дыбы и чуть не сбросила всадника.

— Ты что это, с ума сошел, Бандзги, — обиженно проговорил человек в сюртуке.

— Торопитесь, сударь, видать, дело к дождю, тогда уже трудно будет перейти через реку. А Техури в эту пору вздувается — не приведи господи. Поспешите, уважаемый Евтихий, не пришлось бы нам плохо.

— Лошадь моя идет как может, большего от нее и требовать нельзя. А ты все же не должен был хлестать ее. Я чуть не свалился. Как это ты позволил себе?

— Да что уж там позволил, сударь, к залятому месту подъехали мы, истинно залятому. Мы ведь у Менджи-Робу.

— Ну, и что из того?

— А то, что опасное это место. Здесь, говорят, логово разбойников!

— Каких там разбойников—уездный начальник навел порядки, постарался, чтоб и духу их не было в нашей округе.

— Что вы, что вы, на нас с вами хватит одного Манчи Джгереная. Господи прости, что поминаю такого!

— Вот, скажет тоже! Какой же Манча разбойник? Он, говорят, никого не трогает. Человек просвещенный, знает что к чему...

— Хорош просвещенный, пропади он пропадом. Он одно время окопачивался в Батуми, убил там директора завода, а потом удрал и заделался разбойником.

— Ну, вот и значит, что разбойник он особого толку. Как же ты, человек, опытный в жизни, не знаешь такой простой вещи?

Только успел Евтихий произнести эти слова, как на него неожиданно налетел какой-то всадник и столкнул вместе с лошадью в придорожный овраг.

Бандзги мигом сообразил, в чем было дело, и схватился за кобуру, но не успел выхватить револьвер, как Манча Джгереная приставил дуло своего револьвера к его груди со словами:

— Ни с места! Снимаю оружие!

Бандзги стал медленно расстегивать пояс, а Манча держал дуло у его груди, пока тот не сбросил всего оружия. Потом, заставив Бандзгу выложить все имевшиеся при нем деньги, Манча сказал:

— Скачи — и не оглядывайся! — и вскинул к плечу ружье.

Бандзги, не мешкая, пустил лошадь вскачь.

Манча соскочил с седла, подобрал с земли оружие и деньги и спустился в овраг. Лошадь Евтихия, освободившись от всадника, стояла у обочины и, казалось, торжествующе глядела на своего жалобно стонавшего внизу хозяина.

Манча подошел к Евтихию, помог ему подняться, вывел избитого и помятого чиновника на дорогу и стал извиняться:

— Я, кажется, немного побеспокоил вас?

Евтихий горько усмехнулся:

— Еще и смеешься надо мной! Не ожидал я от тебя, братец! Ты же Манча Джгереная?

— Я самый.

— Так ты, насколько я знаю, человек идейный, как же ты разрешаешь себе заниматься грабительством? Про тебя говорят, что ты даже не абрек.

— Я знаю, кого граблю. Никакой несправедливости я не учинил. А вам, интеллигентному человеку — стыдно. Именем суда и закона вы-то как раз и чините несправедливость, помогаете этому кровососу Бандзге разорять бедняков. Я знаю вас — вы судебный пристав, Евтихий Бацеладзе. Как же вам не совестно? Вы даже служили одно время учителем — а теперь принялись грабить народ.

— Что поделаешь, сын мой! У меня дети мал мала меньше, двенадцать душ в семье. Надо же кормить их. На жалованье учителя не больно проживешь: месяцами не получали мы жалованья, не жизнь — маята одна. Несчастнее нашего брата, учителя, нет на свете. Я и не выдержал...

Евтихий проглотил слезу, но тут же рассердился на себя: «Что это со мной, перед кем я оправдываюсь, да еще при каких обстоятельствах!»

Но он не успел еще отдать себе отчет в своих словах, как вдруг услышал властный голос:

— А теперь пожалуйста мне портфель!

Евтихий сразу даже не понял, чего от него требовали, но когда Манча снова неумолимо потребовал отдать ему портфель — чиновник заскулил, и в голосе его прозвучали жалкие нотки:

— Что ты, что ты, сын мой! Как я могу отдать тебе портфель? Поверь мне, денег в нем нет, одни деловые бумаги.

— А я денег и не прошу: я сам могу вам дать, ежели нужны на расходы. Может, Бандзги не уплатил вам за труды?

— Куда он скрылся, этот Бандзги, будь он трижды проклят! — хныкал чиновник, оглядываясь по сторонам.

— Бандзги не ищите — ему теперь не до вас. А вот портфель, будьте любезны.

— Да что ты, это же государственные документы — исполнительные листы!

— Они-то мне и нужны.

— Как можно, сын мой! Ты губишь меня! Уволят меня, без суда в Сибирь сошлют, — и Евтихий упал на колени тут же, посреди дороги.

Манча нахмурился и взял его за руку:

— Встаньте, встаньте! Можно ли так пугаться? — он поднял чиновника с земли. — Никуда вас не сошлют и со службы никто не уволит. Придите в себя, а это передайте мне.

Манча почти силой вырвал портфель из рук ошеломленного Евтихия, потом, смягчившись, сказал:

— Скажете, что на вас напал разбойник и ограбил вас. Бандзги это с удовольствием подтвердит. Все в порядке — вы ни в чем не виноваты. Теперь идемте, я подсажу вас на лошадь.

Лошадь Евтихия хоть и была взнуздана, но все же пощипывала траву на скате оврага. Манча взял ее за узду, подвел к хозяину, спустил стремяна и усадил совершенно одуревшего от страха Евтихия в седло. Потом он сам вскочил на своего Кескенджи, пожелал чиновнику доброго пути и пустил коня вскачь.

Дул резкий встречный ветер. Манча, скакавший во весь опор, с удовольствием подставил лицо прохладным струям и подумал: «Вот бы мне обладать силой такого ветра, чтобы сдунуть с лица земли кого хочу!»

Немного погодя он остановил коня у небольшого опрятного домика своего друга Парны Бжалава.

Евтихий, с трудом придя в себя, повернул лошадь и направился к деревне Бертеми.

Уже совсем стемнело. Изволь-ка в такую ночь добираться до Сенаки. Отсюда до города двадцать верст, езды верхом часа четыре. Сейчас девять, значит, на месте он будет лишь к полуночи. Но пробираться впотымах, да еще под мартовским промозглым ветром — того и гляди простудишься, схватишь воспаление легких. Что станется тогда с семьей, с детьми? У него уже и сейчас зуб на зуб не попадает. Кроме того, кто знает, какие еще опасности подстерегают его в пути. Ну, скажем, встретится какой-нибудь другой абрек. Хоть он и похвалился давеча, что уездный начальник истребил их всех, теперь же, грешным делом, думает, что они, возможно, притаились еще где-нибудь. Не все же таковы, как этот Джгереная, от него-то Евтихий легко отделался. А насчет портфеля правильно заметил Манча. Портфель отнят у него абреком. И свидетели имеются у Евтихия: тот же Бандзги.

Бандзги! Ну и имена встречаются у мегрелов! Ведь Бандзги по-мегрельски значит—передряга. Вот и попал Евтихий в передрягу из-за этого негодяя...

Всадник провел рукой по пояснице и ощутил острую боль в боку. Хорошо бы теперь лежать в уютной комнате в теплой постели. Но где же, где? В этой деревне у него ни одной знакомой души.

Евтихий уже спустился в самую пойму Бертемской долины, откуда был виден стоявший на высоком берегу реки Гурдземии большой двухэтажный дом княгини Нектарины Гвиргвилиани.

Евтихий обрадовался. Из окон лился яркий свет многочисленных ламп. В эту мгlistую ветреную ночь дом так и манил к себе усталого путника. Евтихий повернул в сторону поместья.

Он думал:

«Княгиня не помнит меня? Ну, и что из этого? Я ведь знаком с ней. Раза два даже был у нее. И уж как она гостеприимна, как радушна! На всю Мегрелию славится она своим хлебосольством. Особенно любит княгиня принимать у себя людей чиновных — начиная с губернатора и кончая приставом. Он, Евтихий, ведь тоже пристав — правда, не полицейский, а судебный»... Тут у Евтихия больно сжалось сердце.

«Нет хуже моего ремесла — никто не радуется моему появлению. Всякому кажется, что я пришел описать имущество за долги и тому подобные ужасы. Эх, будь она проклята, такая жизнь!» — размышлял Евтихий, подъезжая к воротам обширного двора княжеской усадьбы.

4.

На целых полверсты раскинулось поместье княгини Нектарины Гвиргвилиани.

От ворот до лестницы дома тянулась прямая, как стрела, аллея высоких пирамидальных тополей. И гость, вошедший в ворота, никак не мог бы укрыться от взоров людей, живущих в княжеском доме.

Было темно, но при свете ламп, щедро лившемся из окон, Евтихий различил на балконе человека, смотревшего в его сторону. И хотя Евтихия не так-то легко было заметить в темном дворе, стоявший на балконе человек продолжал внимательно следить за ним.

Евтихий остановил лошадь под шатром вековой липы на небольшой площадке, неподалеку от дома, и уже собирался спешиться, как вдруг услышал возглас:

— Господину Евтихию — долгой жизни и удач!
Евтихий от неожиданности даже вздрогнул, но, обернувшись, узнал местного священника, отца Тэдорэ Сисордиа.

— Я, кажется, испугал вас, извините великодушно! Но когда вы въезжали во двор, я ехал за вами следом и даже узнал вас, но лишь сейчас нагнал...

Пока Евтихий высвобождал из стремени ногу, священник проворно соскочил со своего низкорослого мула и ухватил за уздечку лошадь Евтихия.

— В наших краях изволили быть? И так поздно, в такую непогоду! Хотя, видать, дождя больше не будет, ветер разогнал тучи и скоро появится луна. Вот вам и март, сумасшедший месяц!

Так тараторил словоохотливый батюшка, привязывая к ветвям липы поводья лошади и мула.

— Оно верно, не велено привязывать лошадей к этой липе, княгиня воспретила. Ну, да ничего. Сейчас ночь, к тому же и Гутати здесь. Вон тот, что стоит на балконе. Скажем ему — и он прикажет слугам отвести лошадей во внутренний двор. Вы знаете Гутати?

— Гутати? — переспросил после некоторой паузы Евтихий. — Это, кажется, управляющий княгини.

— Да, да, — тут Тэдорэ лукаво хихикнул и таинственно зашептал Евтихию в самое ухо, — Гутати в этом доме и управляющий и... все прочее. Словом, он тут является всему началом и концом. Ежели у вас дело к княгине, то оно не минует его никак. Да, да, без Гутати здесь ничего не делается. Ну, а теперь пошли.

Пристроив лошадь и мула, гости встряхнули одежду и стали подниматься вверх, по заросшему травой подъему.

Тэдорэ заговорил снова:

— Вы, верно, переночуете здесь, господин Евтихий? Хотя у княгини гостей нынче пропасть. Так что в этом случае милости прошу ко мне, — неожиданно изменил тему разговора отец Тэдорэ, — устрою вас как нельзя лучше.

— Очень вам благодарен, но раз уж я заехал сюда, то повидая княгиню Нектарину. Ну, а в случае чего — придется мне побеспокоить вас.

— Милости прошу, дорогой! Непременно! Вы-то повидайте, конечно, княгиню. Упаси бог узнает, что были здесь и отправились ко мне, не навестив ее. Мне потом ступить нельзя будет на этот порог. А снести ее гнев не вмоготу не то что мне, но и повыше меня стоящим людям.

— Да, да, знатная княгиня, властная, что и говорить! — начал было Евтихий, но священник сделал ему знак замолчать.

Они уже подошли к главной лестнице дворца. Евтихий не утерпел и шёпотом спросил:

— А кто такие гости-то?

— Очень важные гости. Приехала компания иностранцев — Леварси привез из Поти.

— Это бывший торговец?

— Да, да. Прицениваются к лесным угольям княгини, что в горах. И к Менджи-Робу тоже.

— К Менджи-Робу?

— Ну, да. Эти места, говорят, богаты рудой.

— Ох, будь оно проклято, это Менджи-Робу! — неожиданно вырвалось у Евтихия.

Отец Тэдорэ не понял смысла этого проклятия, но не стал ни о чем

расспрашивать, так как они уже поднялись на балкон дома, где их встретил управляющий.

Гости княгини Нектарины собрались в большом зале. В одном его конце, за круглым полированным столом, среди группы иностранцев сидела сестра хозяйки дома Минадора, вдова барона Иксуль-Штанга, приехавшая погостить к сестре на пасхальные праздники.

Минадора, дочь именитого грузинского князя, была еще маленькой девочкой увезена в Петербург и зачислена в Смольный институт.

В те времена случалось, что благодаря большой протекции или особой монаршей милости в привилегированные учебные заведения попадали и дочери грузинских князей. Таким образом была принята в Смольный институт и маленькая Мина.

По окончании института молодая девушка, отличавшаяся редкой красотой и умением держать себя в обществе, была взята фрейлиной ко двору Александра III.

Вскоре Минадора вышла замуж за богатого русского аристократа барона Иксуль-Штанга, пленившегося красотой и открытым характером молодой девушки. С этого дня карьера баронессы Иксуль-Штанг была обеспечена. Благодаря природному уму, а также влиятельной родне и связям мужа, Минадора заняла в петербургском свете такое видное место, что для людей, имевших дело в высших судебных или придворных инстанциях, для всех домогавшихся продвижения по службе она была самым необходимым человеком. Особенно охотно помогала Минадора молодежи, студенчеству.

Любя всей душой свой родной край, Минадора неизменно оказывала покровительство живущим в Петербурге грузинам. Время от времени она приезжала в Грузию, где навещала всех своих многочисленных родственников. Но более всего любила Минадора гостить у своей сестры Нектарины, «окунуться», как она выражалась, «в лоно примитивной деревенской жизни». Высоко ценила Минадора и природное изящество и вежливость, присущие мегрелам, почти дипломатическую гибкость их отношений. Нередко она с восхищением думала о том, что мегрел, будь он даже простой, неграмотный крестьянин, никогда при прощании не покажет собеседнику спину, а поворачивается, чтобы уйти, лишь отступив на большое расстояние. Баронесса особенно ценила этот обычай как проявление высшей вежливости народа.

В последние годы, после смерти мужа, Минадора стала приезжать к сестре каждую весну и оставалась здесь до осени. Как раз в это время начинались пасхальные праздники, а вслед за ними в течение целой недели по всей Мегрелии устраивались народные гулянья, задавались пиры, царило нескончаемое веселье.

На этот раз баронесса приехала в деревню со своей молоденькой дочерью Дагмарой и ее сверстницей и подружкой Мариной Рябининой, сиротой, приходившейся дальней родственницей барону.

В этот вечер Марина и Дагмара сидели в зале в обществе инженера Волкова, сопровождавшего приезжих иностранцев в качестве специалиста по горнорудному делу.

Волков, молодой инженер из Петербурга, подтянутый, изысканно одетый, развлекал своих собеседниц салонными каламбурами.

В стороне от них, за маленьким столиком, играли в нарды потийский торговец Леварси Квизиния и деверь хозяйки дома Барам Гвиргвилиани.

Тут же возле столика стоял, внимательно следя за игрой, младший брат Барамы, Беги. Он весело смеялся каждый раз, когда Леварси проигрывал. При этом торговец краснел, обливался потом и беспокойно ер-

зал на стуле. Барам же, напротив, играл невозмутимо, почти беспечно и при каждом выигрыше с благодушной улыбкой, неторопливым движением подвигал к себе выигранные деньги, чем, видимо, приводил в ярость партнера. А Беги своим смехом подливал масло в огонь. Время от времени Леварси выкрикивал:

— Будь трижды неладен тот, кто выучил меня этой гиблой игре!

— Ты житель портового города, тебе и карты в руки. У вас там перед кофейнями чуть ли не каждый играет в домино и нарды, — с улыбкой заметил Барам.

А с уст Леварси все продолжали слетать проклятия, словно кто-то другой был повинен в его сегодняшней неудаче. В то же время он не думал вставать, желая, видимо, отыграться — и каждый новый раз играл с еще большим азартом.

Но вот к столику подошла молодая девушка с прелестным тонким лицом, стройная, как тростинка, — приемная дочь княгини Нектарины, и склонилась над плечом Барама.

Квизиния поднял голову и, увидев молодую девушку, смешался и перепутал ход. Он сидел так несколько мгновений, не в силах оторвать взгляда от высокой, тугой груди и тонкого стана девушки.

Она же, видимо, испытывала неприятное чувство под устремленным на нее пристальным взглядом. Застенчиво опустив глаза, она слегка повернулась к своему дяде Бараму. Тот, занятый игрой в нарды, не обратил на нее внимания.

За него спросил Беги:

— Тебя не мама ли прислала, Толисквами?

— Да, дядя, — едва слышным голосом произнесла девушка.

Но что это был за голос! В нем звучали нотки стыдливости, даже испуга — казалось, она боялась вымолвить слово, обеспокоить людей. И в то же время голос этот проникал в самую душу, покорял своей наивностью и детской чистотой. Услышав этот голос, Леварси Квизиния совсем запутался, прервал игру и даже передал нечаянно выигранные деньги своему противнику.

Квизиния еще внимательнее оглядел стройную фигурку девушки. С тех пор, как он ее видел в последний раз, она как будто еще более определилась, расцвела, вся лучилась обаянием женственности. У него мелькнула мысль: «Неужели княгиня не отдаст за меня свою приемную дочь? Правда, я не князь и даже не дворянин. Я из бывших крепостных, но разве в наше время на это обращают внимание?»

В самом деле, всем хорошо известно, что Квизиния — обладатель весьма порядочного имущества, что он, видный в округе подрядчик, может купить всех этих дворян и князей. А чем располагают они, несчастные? Высоко в горах, где-то у черта на рогах — какими-то лесными угольями, а здесь, в Бертеми — рудой. И компанию иностранцев опять-таки привел к ним в дом Леварси. Может, хотя бы благодаря этой сделке дела их немного поправятся.

«Я блага им хочу, — думал Леварси, — и неужто они не оценят меня за это?»

Так, постепенно, все шире разрастался круг мыслей Леварси Квизиния.

Барам и Беги направились к княгине Нектарине, беседовавшей в своей комнате с помощником старосты.

Толисквами отправилась вместе с ними, и вслед ей устремились самые сокровенные и в то же время дерзкие помыслы Леварси Квизиния.

В зал вошли отец Тэдорэ и Евтихий Бацеладзе.

Их появление не привлекло ничего внимания, лишь одна баронесса слегка кивнула им издали.

Гутати, вошедший в зал вслед за Евтихием и батюшкой, представил их, но и это не произвело на собравшихся никакого впечатления. Один только человек в черном сюртуке, сидевший за большим овальным столом, в кругу иностранцев, превежливо поклонился пришедшим. Те, со смущенным видом, ни с кем не здороваясь за руку, прошли через зал и сели в укромном углу.

Евтихий тотчас же осведомился у Гутати относительно человека в сюртуке:

— Кто это?

— Как, ты не знаешь? — удивился Гутати. — Это Вамех Гвиргвилиани.

— Вамех? Тот, что был на каторге?

— Он самый. И при всем том — это очень уважаемый человек.

— Знаю, знаю, я слышал о нем много хорошего, но не видел его никогда.

— Вот и познакомься, это интересный человек, — и с этими словами Гутати вышел из зала.

Евтихий внимательно пригляделся к Вамеху. Тот не походил на Барама и Беги, с братьями его роднили лишь одни глаза и брови, которыми издавна славился род Гвиргвилиани.

Большие, слегка миндалевидные, глаза эти не западали глубоко в орбиты, но и не были навывкате; самой большой их особенностью был цвет — темно-серый с лазурным отливом, словно заимствованным у техурской волны. Такие же глаза были и у Барама, Беги, у всех их двоюродных братьев. Прибавьте к этому брови, круто изогнутые, не слишком густые, но и не тонкие, как бы наведенные чьей-то искусной кистью.

Этими глазами Гвиргвилиани выражали любовь, этими глазами сердились и метали молнии, этими глазами пленяли и привлекали к себе людей. Эти глаза несли в себе груз мятежной и долгой жизни рода Гвиргвилиани. Эти глаза не раз спасали их от испытаний жизни.

Лишь один раз не спасли Вамеха его глаза: он был сослан на каторгу и вернулся в Грузию двадцать лет спустя, лишенный гражданских прав и всего принадлежавшего ему имущества.

Евтихий с особенным интересом смотрел теперь на человека, поставленного жизнью почти вне закона. И все же, с каким достоинством держался Вамех! На лице его лежала тень печали и даже недовольства миром, и все же чувствовалось, что страдание не сломило его. Плотный, коренастый, с красиво подстриженной черной бородкой, он был не по летам здоров и моложав. Одна лишь легкая проседь выдавала его возраст, но и она делала его еще более привлекательным. Весь облик этого человека, казалось, говорил о его сдержанности. Одет он был в черный, наглухо застегнутый сюртук, поношенный, но опрятный.

Евтихий подумал: «Шутка сказать — провести на каторге двадцать лет! Там характер его мог замкнуться, но удивительно, что он не пал духом, не опустился — белоснежный воротник сверкает из-под черной бородки и манжеты безукоризненно чисты. Он, кажется, бессемейный. Но кто же тогда заботится о нем?»

— У кого он живет? — спросил Евтихий собеседника, — и чем живет?

Отец Тэдорэ оживился.

— Это престранный человек, скажу я вам. Когда он вернулся, княгиня и все его братья предложили ему поселиться у любого из них, предложили поделить с ним доход от имения, но он отказался, чем даже обидел княгиню. Они и сейчас еще не в ладах между собою. А сегодня он здесь лишь по случаю приезда иностранцев. Его пригласили как своего, к тому же образованного человека. Да, он больших познаний человек! В свое время работал с Нико Николадзе и Акакием Церетели.

— Неужели?

— Я вам говорю! Он считался самым умным и образованным человеком во всей Мегрелии.

— Да, знаю, наши сельчане всегда обращались к нему за советами.

— Наши сельчане? Говорю вам, во всем нашем уезде не делается ни одного дела без его участия. Проводят ли у нас дорогу, строят ли школу, выбирают ли старосту — по всем этим вопросам неизменно обращаются к нему за советом.

— А-а, теперь-то я понял, чем он живет. Он выступает как адвокат и уж, конечно, имеет от этого дела немалый доход.

— Нет, представьте, в суде он не выступает.

— Хотя да, будь это так — я бы знал об этом, я ведь днюю и ночью там, — рассмеялся Евтихий, — да и человек, лишенный прав, не может выступать в суде. Он, верно, пишет сельчанам деловые бумаги, прошения — этим и кормится.

— Нет, уважаемый Евтихий, он никому ничего не пишет, а только дает советы, разъясняет, как лучше поступить в том или ином случае. И не только в судейских делах. Он, например, беседует с крестьянами о том, что лучше разводить в хозяйстве. Недавно он посоветовал сельчанам посадить чай.

— Чай?

— Ну, да. В наших краях — и чай? Я слышал, что где-то в Китае он растет, но, повторяю, Вамех какой-то особенный человек. Этим своим чаем он немного насмешил людей, но не поверить ему совсем не могли, потому что он, вообще говоря, дает всегда полезные и дельные советы.

— Ну да, за эти советы он, наверное, и берет с сельчан.

— Что вы, что вы! Полнейший бессребреник! Более того — нуждающимся, бедным он помогает сам.

— Из каких же средств?

Словоохотливому батюшке только того и надо было — и он начал рассказывать. Присутствующие не обращали на наших собеседников никакого внимания — так что времени для разговора у них было достаточно.

— А вот из каких. Тотчас по приезде, это было два года назад, он принялся разводить кур.

— Кур?

— Послушайте-ка меня. Поселился он в семье Иосэ Хубуная — это бывший крепостной его отца — и принялся за дело. Видели бы вы, как преобразилось хозяйство бедного крестьянина! Ведь Иосэ был беднейшим из наших сельчан, кое-как перебивался рыбной ловлей — за что его и прозвали Иосэ-рыбак. Ну, а после приезда Вамеха Иосэ с женой стали усердно помогать ему в разведении кур и получать от этого дела немалый доход. Так что Иосэ теперь уже нельзя назвать бедным. Правда, хибарка у него все та же — маленькая, крытая осокой. Вамех заставил Иосэ прорезать в южной стене окно и вставить стекла, а в самой хибарке поставить вместо очага русскую печь. Преимуществ очень много: печь и отопляет жилье, и приготовить в ней можно разом несколько блюд. У Вамеха

57.218

в комнате стоят собственной работы стол и красивая деревянная кровать. Шкаф его полон книг и журналов — он, по-моему, единственный, кто в нашей округе получает газеты. Раз в неделю, по вечерам, — либо у себя дома, либо на мельнице, где он частенько бывает, он читает крестьянам газеты, рассказывает, что происходит на белом свете. Он еще и плотник, и слесарь, одним словом, мастер на все руки. В нашей кузнице он мастерирует иногда такие топоры и мотыги, что лучше некуда. Минуты не сидит человек без дела — то читает, то пишет, то работает на огороде. Он выписал откуда-то отличные семена, вспахал и удобрил почву, взмотыжил гряды и развел прекрасный огород. Собрал потом дыни и тыквы всем на удивление. Каждая тыква весила не менее пуда. Некоторые из наших сельчан взяли с него пример — и у них теперь тоже отличные огороды.

— Видно, и в самом деле интересный человек, — заметил Евтихий.

— Не человек, а клад, сущий клад! И вот, еще скажу насчет кур. Каких только нет у него пород — и местных, и выписанных из-за границы. Теперь у него завелись какие-то ящики с лампами, в которых выводятся цыплята, а от яиц он получает большой доход, отсылая их для продажи в Тбилиси. Он говорит, что где-то в Европе есть маленькое государство, которое существует почти исключительно на доходы, получаемые от продажи яиц.

Теперь он собирается создать в уезде целое общество и обратился прежде всего к братьям и к невестке, но те отнеслись к предложению холодно — Гвиргвилиани-де никогда не были куроводами. Лучше и самому Вамеху бросить эту затею, не срамить свой достойный род...

Так пошел и пошел отец Тэдорэ расписывать Вамеха.

Между тем, инженер Волков уже успел наскучить своим собеседникам. Он свел разговор к предметам довольно сомнительного свойства и, наконец, рассказал весьма пошлый анекдот.

Марина Рябинина кинула на него взгляд, полный отвращения, и сказала резко:

— Невежа! Не умеете вести себя с дамами, — и отошла.

Дагмара, не понявшая смысла волковского анекдота, была озадачена недовольством подруги, но чувствовала, что произошла какая-то неловкость. Однако Волков не дал ей опомниться.

— Как раз этого я и хотел, — сказал он, — отлично сделала, что ушла. Простите меня, но она, видно, порядочная выскочка. Хорошо, что мы остались одни и я могу, наконец, поговорить с вами.

Дагмара смутилась еще больше, и все же, почти против воли, у нее вырвалось:

— О чем вы можете говорить со мной?

Но Волкову так и не удалось высказаться — в этот момент Дагмару позвала к себе баронесса и мягко отчитала ее — по-видимому, Марина успела сообщить ей о бестактности Волкова.

Инженер встал и, подойдя к Вамеху, сидевшему в обществе иностранцев, бесцеремонно облокотился на спинку его кресла. Тот обернулся, недовольно взглянул на подошедшего, но ничего ему не сказал и возобновил прерванный разговор. Иностранцы слушали Вамеха из вежливости, а Марина Рябинина, казалось, вся превратилась в слух. У Вамеха был чудесный, низкий, мягко рокочущий баритон, невольно привлекавший слушателей. Помимо того, Марину заинтересовала и тема его беседы.

Вамех говорил:

— Вы хорошо сделали, что пожаловали в наши края. Эти нетронутые горы нуждаются в том, чтобы к ним прикоснулась рука мастера, кото-

рая извлечет таящиеся в их недрах сокровища и щедро одарит ими человечество.

— Ого, даже человечество? — насмешливо переспросил Волков.

— Да, человечество — потому что минералы и руды, лежащие в глубине этих гор, могут взять первенство на мировом рынке.

Волков иронически хмыкнул, Вамех обернулся и кинул на него недовольный взгляд.

— Вы, вероятно, думаете, что у нас в Грузии нет ничего, кроме марганца, но, уверяю вас, в этих горах щедро рассыпаны железо, медь, золото, цинк и другие ценные металлы и руды. А о минеральных водах и говорить не приходится. У нас в любом уголке бьют целебные источники. Но, к сожалению, все эти богатства не только не использованы, но даже не изучены пока.

— Так было, так будет и впредь, — не унимался Волков, словно какой-то бес мучил его и подзуживал сказать что-нибудь наперекор Вамеху.

Волков, казалось, был неприятно поражен тем, что в захолустном селе, где-то в дебрях Кавказа, он встретил европейски-образованного человека — и невзлюбил его с первого взгляда.

Это не укрылось от Марины Рябининой и она с самого же начала очень вежливо посоветовала Волкову быть обходительным с этими людьми. Однако тот, словно желая поддразнить молодую девушку, — продолжал:

— То же самое доказывал нам в Поти тамошний городской голова, господин Николадзе. Но разве можно изменить что-нибудь в этой стране?

К общему столу незаметно, стараясь никого не беспокоить, подошел Евтихий Бацеладзе.

У баронессы же невольно вырвалось:

— Ой, ой, ой, что вы говорите, молодой человек!

Волков раскрыл было рот для ответа, но Марина кинула на него укоризненный взгляд, как бы умоляя его не сказать чего-либо еще более грубого и бестактного. Но Волков уже спохватился.

— А господин Николадзе мне понравился — безусловно умный, образованный человек. Я полагаю, он у вас единственный в Грузии.

Вамех понял, что этот намек относился к нему, но не обратил на него внимания и продолжал:

— Вы познакомились с одним из славных наших деятелей и оценили его по достоинству, но, к счастью, в Грузии он не один. У нас имеются и другие выдающиеся деятели, которыми мы по праву гордимся, — это наши писатели. Вот, взять хотя бы Акакия Церетели и Илью Чавчавадзе. Это люди высокообразованные, с широким кругозором, полные кипучей энергии.

Теперь уже все внимательно слушали Вамеха, за исключением одного лишь отца Тэдорэ. Сидя в сторонке, он откровенно дремал. Уж такая за батюшкой водилась привычка: если его не занимал разговор, он тут же незаметно засыпал.

А иностранцы слушали Вамеха с все возрастающим вниманием. Их удивляла разносторонняя подготовленность этого человека, и чем дальше, тем более они проникались к нему уважением. Однако в последний диалог между Вамехом и Волковым они предпочли не вмешиваться, как бы соблюдая нейтралитет. Один лишь бельгиец стал доказывать Волкову, что они приехали сюда для дела, а не для болтовни и зубоскальства. Да и какое им дело до всех этих разговоров о Грузии. В конце концов, на них ведь возложена не дипломатическая миссия, они приехали к этим людям

с торговой целью и не собираются портить с ними отношений из-за взглядов одного инженера, даже самого талантливомго.

Так сказал Волкову бельгиец, стараясь «умаслить» нужного им посредника-инженера.

К баронессе подошла Марина и стала упрашивать ее сыграть что-нибудь для развлечения гостей.

Минадора вначале отнекивалась:

— Ну да! Нет у меня другой заботы, как заставить скакать инженера Волкова.

Но в это время к ней подошли иностранцы, и баронесса, решив поднять настроение гостей, согласилась.

Она села к пианино. Раздались стремительные звуки мазурки Венявского.

Этого, казалось, только и ждал Волков. В былые годы, еще будучи офицером, он очень увлекался танцами.

Пламенные звуки польской мазурки оживили его, и он, скользя, разлетелся к дамам. Однако гости были немало удивлены, когда он пригласил не Дагмару, а Марину Рябинину.

Волков уже успел извиниться, и Марина, сменившая гнев на милость, грациозно пошла рядом с ним.

Иностранцы восхищенно зашептались, любуясь изяществом танцующих.

— Вот подходящая пара! Глядя на них, я лучше понял содержание мазурки. До сих пор я мало приглядывался к этому танцу. Это же целая поэма юной любви!

— Восхитительно, — отвечал другой, — очень хвалят также их национальный танец. Кажется, он называется лезгинкой. В нем, говорят, еще больше грации и целомудренности.

— Не видел, не знаю.

— Нам, вероятно, покажут и этот танец. Вот, кстати, пожаловали и князя.

В залу вошли Барам и Беги. Войдя, оба остановились, но Беги не утерпел и увлек танцевать Дагмару. Они тоже оказались прекрасными танцорами...

Чоха и архалух Беги, его высокие мягкие сапоги придавали танцу экзотический оттенок.

Волков, танцуя, шептал на ухо Марине:

— Значит, вы простили мне мою грубость?

— Вы хорошо сделали, что извинились, а то вели себя, как бушмен.

— Бушмен? — со смехом переспросил Волков и, стоя на одном колене, обвел Марину вокруг себя.

— От вас, во всяком случае, я этого не ожидала. Вы же воспитанный человек: сами говорите, что были гвардейским офицером.

Марина и Волков снова умчались в один из углов просторного зала.

Марина продолжала донимать инженера своими отнюдь не шутливыми замечаниями. Глядя на ее оживленное лицо и сиявшие весельем глаза Волкова, люди могли подумать, что они объяснились в любви.

Марина говорила:

— Я знаю, я читала и слышала не раз, что Грузия в прошлом была очень культурной страной. Она описана древними греками, византийцами, французскими и итальянскими миссионерами.

Волков громко расхохотался.

— Вы что, историк, что ли?

— Нет, но когда я ехала сюда, я немного познакомилась с историей

этого края. И вас, как просвещенного человека, не должно удивлять, если вы встретите здесь европейски-образованного мегрела.

— Но все же их песенка спета; если они не растворятся среди нас, они пропали.

— Ну, это уж другое дело, — ответила Марина.

Волков, танцуя с Рябининой, присоединился к Беги и Дагмаре, с тем чтобы, сделав вместе несколько туров, обменяться дамами.

Марина заметила Волкову:

— Теперь вы достигли своей цели. Будете танцевать с Дагмарой.

— Мне нравится вы, а не Дагмара.

— Неправда! Я не героиня вашего романа, — ответила Марина, блеснув в улыбке ослепительными зубами, и доверчиво вложила маленькую, точеную руку в широкую, мужественную ладонь Беги Гвиргвилиани.

Собравшиеся некоторое время любовались танцами молодежи, а потом, разбившись на отдельные группы, стали оживленно беседовать.

Вамех присоединился к иностранцам, Барам — к Евтихию и отцу Тэдорэ.

Иностранцы удивлялись:

— Как хорошо играет баронесса!

— Да, она с детства проявляла способности к музыке. Учителя пророчили ей будущность виртуоза. И не принадлежи она к высшему сословию, непременно стала бы музыкантшей. Баронесса великолепно исполняет и серьезную музыку.

— А вы любите музыку? — спросил Вамеха один из иностранцев.

Тот почему-то смутился, но все же ответил просто:

— Люблю.

— И, верно, играете сами?

— Да, — тут Вамех и вовсе сконфузился, — так, бренчу иногда от нечего делать.

— А было бы хорошо, если бы вы сыграли с баронессой в четыре руки.

— С удовольствием. Но пока пусть повеселится молодежь...

— Разумеется, разумеется, — согласился иностранец.

Немного погодя, один из иностранцев заметил:

— Какой прекрасный инструмент!

Вамех рассмеялся:

— Вас удивляет, что здесь, в глухом краю Кавказа, вы встретили людей, «выкрашенных» под европейцев, говорящих по-французски «дикарей» и... такой прекрасный инструмент.

Иностранец слегка смешался:

— Я вовсе не хотел сказать этого.

Вамех объяснил ему, что этот инструмент баронесса прислала своей сестре с тем, что если даже никто из ее близких и не выучится играть на нем, то хоть сама она, приезжая сюда, сможет поверять ему свои чувства и настроения. Ей хотелось и здесь, на лоне природы, приобщаться к поэтическому миру композиторов, и если хотите, к их возвышенной философской мысли.

Иностранцы снова молча переглянулись и лишь один из них заметил:

— Пианино великолепно настроено. Ни одного фальшивого звука. Уж не вы ли настраиваете его?

Вамех снова усмехнулся:

— Нет, я не так искусен в этом деле. Об этом заботится моя невестка, княгиня Нектарина. Она ежегодно приглашает из Кутаиси настройщика.

— А-а-а! Кстати, мы сегодня после обеда еще не видели княгиню Нектарину. Уж не сердится ли она на нас?

— Что вы, что вы! Княгиня после обеда, обычно, бывает занята делами.

— Великолепная женщина. Вот, кому к лицу повелевать!

— Да, характер у нее твердый, — подтвердил Вамех.

— Простите меня, — добавил второй иностранец, — но она и сейчас превосходит баронессу красотой и величественной осанкой.

Между тем, мазурка кончилась и кавалеры усадили своих дам.

Иностранцы и Барам снова выразили свое восхищение мазуркой, хвалили изящество и грацию женщин. Евтихий тоже осмелел и пробормотал несколько слов, выражавших удовольствие.

Но вот баронесса обвела собравшихся взглядом, повернулась к пианино и, словно впервые прикоснувшись к клавишам, задумчиво взяла несколько мелодичных аккордов. Раздалась венгерская рапсодия Листа.

Стоило только княгине заиграть — все окружающие из вежливости умолкли. Да и все ли могли понять, что она играла?

Беги, никогда не слышавший подобной музыки, внимательно заглядывал в глаза Марине.

Барам тоже не был большим знатоком музыки, он слушал ее, опершись на руку щекой, — и бог знает, где в это время витали его мысли.

Отец Тэдорэ уже проснулся, подошел к Бараму сзади и стал что-то шептать ему на ухо. Тот неохотно отвечал ему.

Дагмара не слушала музыки, но сидела не шелохнувшись, как бы выполняя необходимую обязанность.

Зато иностранцы слушали с широко раскрытыми глазами, их удивляла блестящая игра баронессы. Однако мало-помалу их лица стали выражать равнодушие. И лишь один из них напряженно вслушивался в музыкальные пассажи. Он, видимо, мучился, оттого что плохо понимал их.

По-настоящему были увлечены музыкой лишь Вамех и Марина.

Ведь это — семидесятые годы Европы, победа буржуазии. Вот она достигла своей цели — один мощный аккорд — и звуки замерли. Потом вспыхнули пляски, самозабвенное веселье. Так понимала эту музыку Рябинина, но Вамех услышал в ней и нечто иное. Вот, послышались пока еще отдаленные, но постепенно все усиливающиеся звуки, они доносились словно из совершенно другого мира. Это же Коммуна, Парижская Коммуна. Она уже гремит, гул ее все нарастает, она уже вступила в схватку с врагами.

Вамех был мыслями далеко — ему вспомнились слова Ильи Чавчавадзе:

О боже, дай мне этот голос
В родной услышать стороне.

Но композитор Лист прервал грозную схватку — и завершил музыку пляской.

Вамех глубоко вздохнул. Оно и верно: Лист не мог поступить иначе. Он же был сыном своего времени, принадлежал к определенной среде и отдавал свой талант служению именно этой среде.

«Хм, — подумал Вамех, — какие звуки услышала деревня Бертеми! Но разве может понять вон та, вьющаяся по ольхе виноградная лоза или наши вековые чинары и липы — какая гармония пролилась на эти окрестности? А как столпились у балкона парни и девушки — челядь княгини Нектарины! С каким замиранием слушают они неведомую им, волшебную музыку Листа? Понимают ли они что-нибудь?»

В это время Леварси Квизиниа и Гутати сидели на заднем балконе княжеского дома и разговаривали вполголоса.

Гутати мягко упрекал собеседника:

— Какой ты несговорчивый, Леварси! Будто сам не знаешь, какой доход можно получить от пахотного поля княгини. А что для тебя какая-то тысяча под залог участка, он ведь с лихвой окупит эти деньги за два года, если не раньше. Ты, верно, уже слышал — тяжбу с хизанами господи наши выиграли. Сюда направлен властями землемер, а это значит, что все земли хизанов окончательно перейдут в руки княгини. В этом случае она вернет тебе деньги и раньше. Так что согласись, Леварси, не упорствуй!

— Я и не упорствую, — начал было Квизиниа, но Гутати снова перебил его.

— Сам понимаешь, княгиня может заложить не то что пахотное поле, но и все свои земли. У нее даже как-то возникла эта мысль, но она не решилась, видя, как легко проедают дворяне деньги, взятые в банке, и остаются потом без гроша. А все оттого, что не платят вовремя процентов. Правда, с княгиней это не случится, она, знаешь сам, женщина с головой, но...

— Зачем ты говоришь мне все это, Гутати? Княгиня Нектарина может найти деньги и помимо меня, не так ли? Но мне известно, что деньги ей нужны сейчас. Приближается пасха, в доме у вас почетные и нужные гости. Заложить земли в банке она не успеет — на это требуются и время и предварительные расходы. Все это я хорошо знаю.

— Ну, и дай тебе боже всяких благ! — начал снова подлаживаться к подрядчику Гутати. — Ты ссудишь нас деньгами, а мы дадим тебе под залог наилучший участок. Чего тебе еще? У тебя наличными, поди, не тысяча, а больше. А нет, так снарядим человека в Потти — дело за этим не станет. А помимо всего, ты же сам говорил не раз, что глубоко считаешь княгиню.

— Истинная правда! — горячо подтвердил Леварси. — Княгиню я уважаю с малых лет. Другой, равной ей по состоянию, красоте и уму, не сыщешь не то что в нашем селе, но и во всем уезде, но...

— Что это за «но», скажи мне, ради бога? И какой ты нерешительный, Леварси, в чахотку меня вгонишь да и только!

Леварси рассмеялся.

— Ты, брат, крепче дракона, тебе никакая чахотка не страшна. Но в чем заключается мое «но», сказать я тебе не могу.

— А что это такое, чего нельзя сказать?

— Это могу открыть лишь одной княгине.

— Эге, друг Леварси, да у тебя что-то коварное на уме, — произнес в замешательстве Гутати, — но только то, что ты задумал, — напрасная, брат, надежда. Не то, что ты — появишься у нас сам аглицкий принц, и тот уйдет отсюда несолоно хлебавши.

— Нет, нет, сохрани меня бог! — совершенно искренне вырвалось у Леварси, — как ты мог даже подумать! — Квизиниа придвинулся ближе к Гутати и зашептал ему в самое ухо:

— В этом деле, друг, с тобой и тягаться некому.

Гутати чуть вздрогнул, отстранился от подрядчика и произнес не то шутя, не то сердито:

— Пшел вон, негодник! Чтоб я не слышал больше от тебя таких вещей!

Вообще говоря, Гутати считал себя рыцарем, и когда ему не то что так, напрямик, но и обиняками давали понять о его отношениях с кня-

гиней, он, быть может, радовался в душе, но отмалчивался и уж никогда в таких случаях не позволял себе бахвалиться.

Наступило неловкое молчание. Однако, поскольку Леварси не дал определенного ответа относительно денег, а нужда в них была велика, Гутати снова приступил к делу.

— Ну, так что ты скажешь, Леварси? Тебе за тысячу рублей дается пахотное поле сроком на два года, деньги будут возвращены с процентами...

— С какими это процентами? — возмутился Леварси. — За кого ты меня принимаешь? Я что, по-твоему, ростовщик Бандзги, что ли?

— А то как же, братец? Торговому человеку нельзя без прибыли.

— Ростовщичеством я не жил и жить не собираюсь. Я денег в рост не даю. Я подрядчик и следую в своих делах примеру европейских промышленников.

Гутати не очень-то понял деловые расчеты подрядчика и, говоря по правде, даже несколько удивился его бескорыстию. А тот продолжал:

— Если княгиня соизволит принять от меня некоторую сумму, то я готов... И даже не в виде долга, и не одну тысячу, а много больше... Но только мое условие совсем особое.

Гутати совершенно перестал понимать собеседника, но все же сказал ему поощряюще:

— Ну, выкладывай это свое условие.

— Это уж я сам доложу княгине, ты только введи меня к ней.

— И не подумаю, — решительно отрезал Гутати. — Если ты хочешь того, о чем я догадываюсь, то знай — выставлю тебя по приказу самой же княгини! Здесь не посмотрят на то, что ты привел к нам нужных людей и заслуживаешь благодарности и уважения. Ну, а если у тебя деловое предложение, то запомни: княгиня без меня не решит никакого дела.

— Так не введешь меня к ней?

— Нет.

— Тогда я сам найду случай сказать княгине то, что хочу.

— Говорю тебе, княгиня непременно спросит меня.

— В самом деле?

— Будто не знаешь.

— То, что я хочу сказать, касается только самой княгини... и еще кой-кого. А не говорю я этого тебе и другим, потому что не хочу, чтобы все стало известно до времени. Я, может, получу отказ, а в неловкое положение ставить себя не хочу.

— Ты, Леварси, меня еще не знаешь, но в одном, брат, должен быть уверен — тайну мне всегда доверить можно. Уж кажется, нет секретов семьи Гвиргвилиани, которых бы я не знал. Да и любой из сельчан мне первому поверяет все самые сокровенные мысли, знает, что его тайна останется при мне. Уверяю тебя, если ты пришел к княгине с секретным делом, — я могу быть тебе очень полезным.

На балконе было темно. Лишь свет из окна слабо освещал лица собеседников.

При этом бледном свете Леварси взгляделся в лицо Гутати — словно он был тонким психологом и мог по выражению его лица понять, что у того на уме.

Убедившись, по-видимому, что на собеседника можно положиться, Леварси начал:

— Ну так слушай. Я хочу просить у княгини руки ее приемной дочери Толисквами.

Гутати, не ожидавший такого оборота дела, расхохотался.

— Что такое? — спросил задетый за живое Леварси. — Что тут смешного? Разве только то, что я бывший крепостной князей Гвиргвилиани?

Гутати тотчас же спохватился, поняв, что такой откровенный смех сейчас неуместен. Но он так ничего и не смог произнести в ответ, кроме несвязных «да» и «нет»...

— И очень даже хорошим буду зятем, — принялся доказывать Леварси. — А ну-ка поразмысли сам, и ты убедишься, что лучшего мужа, чем я, княгиня для своей приемной дочери не сыщет. Птичье молоко — и то будет к ее услугам, а уж сама княгиня станет жить, как царица.

Гутати был не лишен практического ума и предложение Леварси пришлось ему по душе. Он даже подумал: «И в самом деле, за кого же выдает княгиня свою Толисквами? За какого-нибудь из наших князей или дворян — обедневших, разоренных до нитки? Ведь, не то что богатые, но и мало-мальски состоятельные князья почти перевелись в нашем уезде. И что же получится, в конце концов? Зять войдет в семью Гвиргвилиани и поглотит в какие-нибудь два-три месяца доход, который с такой бережливостью и экономией расходуется годами. Что я, не знаю наших дворян, что ли? Хорошая лошадь, чоха с архалуком, празднества, гульба, кутежи, игра в карты — вот, куда пойдет весь доход. Да, таких зятьев не сравнишь с Леварси Квизиниа. Он не только не разбазарит добро, но еще приумножит его и даст возможность этой именитой семье жить по-царски. А я? И у меня будет отличное положение. Я тоже выиграю от дружбы с таким человеком. Что может быть лучше? Но княгиня? Княгиня непременно зартачится. Она ни за что не отдаст свою приемную дочь за бывшего крепостного. О-о, как трудно убедить ее! Да и потом, она уже решила выдать Толисквами за сына своего деверя, за Тайю. Он на днях будет здесь — гимназистов распускают на пасхальные каникулы, и княгиня ждет его с нетерпением. Она всячески способствует сближению Тайи со своей приемной дочкой, хочет через год, когда Тайя окончит гимназию, обвенчать их. И Толисквами, я знаю, давно уже любит Тайю. Хотя... Что понимает девушка в любви? Да и кто ее спросит... Главное уговорить самое княгиню».

Все эти мысли с быстротою молнии промелькнули в сознании Гутати. Он обратился к Леварси.

— Будь уверен, твоя тайна останется при мне. Но говорить наедине с княгиней все же не советую. Дело это все-таки доверь мне. Сначала я доложу ей, и уже потом...

— Ну, так значит, поживем — увидим?

— Нет, нет, деньгами ты нас все же ссуди! Сам знаешь — за нами не пропадут. А твое дело поведу я, так будет лучше, уверяю тебя.

Леварси не стал долго раздумывать и только спросил:

— Так деньги нужны сейчас?

— Еще спрашиваешь? Сам же ты сказал — пасхальные праздники подходят...

— Ладно, ладно. Ты понимаешь, денег я захватил даже больше — иностранцы-то требуют расходов. Привезти их сюда, показать им нужные места — все эти хлопоты я взял на себя и тем завлек их, а то они уже направлялись в Кахетию. Значит, тысячу рублей, не так ли?

— Да.

— Отойдем куда-нибудь к свету...

— Войдем сюда, — и Гутати ввел своего собеседника в небольшую комнатку. Когда они подсели к столику, чтобы сосчитать деньги, Леварси напомнил:

— Вот деньги, но моя судьба теперь в твоих руках, Гутати. Как хочешь, а ты должен устроить мне это дело.

— Вот, что я тебе скажу, братец, — начал Гутати уже совсем серьезно, — скрывать мне нечего, дело трудное, но если я его обделаю.

Леварси понял:

— Говорить не надо: озолочу. Для начала подарю тебе вороного с богатым седлом и дорогую чоху с архалухом.

И оба стали пересчитывать новенькие, хрустящие в руках ассигнации. А баронесса в это время продолжала играть.

Отец Тэдорэ, уже успевший придти в себя после давешних танцев молодежи и непривычных его уху бравурных звуков, был явно чем-то обеспокоен и время от времени задавал вопросы сидевшему рядом с ним Бараму Гвиргвилиани. Тот сообщил священнику, что в скором времени сюда прибудет землемер, что после обмера участков помещики еще прочнее утвердятся в своих владениях, — этим будет положен конец нескончаемым тяжбам между крестьянами и господами. Разрешится вместе с тем и дело хизанов.

Ох, уж эти хизаны!

Десятки лет кочует их дело из одной судебной инстанции в другую и до сих пор еще не получило окончательного разрешения. Сам отец Тэдорэ, когда к нему обращались с вопросами по этому делу, бывал вынужден говорить неправду. Впрочем, он и не знал толком всех обстоятельств, хотя ему, как духовному лицу и одному из просвещенных людей деревни, полагалось быть осведомленным в таких вопросах. Он попадал в очень неловкое положение, когда ему приходилось толковать на этот счет с крестьянами, особенно с Парной Бжалава. Парна явно превосходил священника острою соображения и знанием дела — и отец Тэдорэ, желая уклониться от неприятного разговора, говаривал обычно со смехом:

— Ты, батенька мой, сам хизан и обязан знать свои дела лучше всякого другого.

Сейчас, в связи с приездом землемера, отец Тэдорэ хотел окончательно разузнать о судьбе хизанов, но попал явно в неурочное время. Барам шепотом посоветовал ему обратиться к Вамеху — тот объяснит все досконально.

Но к Вамеху теперь вряд ли можно было подступить. Сидя обособленно в сторонке, он весь отдался во власть мимолетных звуков — и бог весть, куда унеслись теперь его мысли и чувства. Если бы ему сейчас напомнили не то что о хизанах, но даже о самом дорогом в жизни, он бы воспринял это как наказание.

Мысли Вамеха витали где-то далеко. Марина обратила на это внимание и поделилась своим наблюдением с Беги. Тот согласился, что брат его, видимо, погружен в какие-то очень дорогие его сердцу воспоминания. Быть может, он вспоминал свою юность, когда сам с увлечением играл на пианино, поверяя музыке томления и радости первой любви.

Но вот, аккорды постепенно затихли, наступила необычайная тишина. В этот момент неожиданно открылись двери зала и тишину нарушил грохот мужских сапог.

В залу вошел Бандзги.

Евтихий, увидевший его первым, раскрыл было рот, чтобы крикнуть: — «Эй, куда ты?» — но баронесса уже прервала игру.

Все обернулись в сторону дверей.

Бандзги вошел и развязно поклонился:

— Господам — мое почтение!

И, видимо сочтя, что он уже выполнил долг светской вежливости, твердым шагом направился к Евтихию Бацеладзе.

Между тем, иностранцы и Волков подошли к баронессе, стали просить ее не обращать внимания на грубую выходку Бандзги и продолжать игру — но тут же почувствовали, что она не может больше взять ни одного аккорда — и перестали настаивать.

Баронесса закрыла пианино и вышла на балкон. За ней последовали иностранцы, Волков и Дагмара.

В небе сияла полная луна, изливая на окрестности свой волшебный, обманчивый свет.

В зале оживленно беседовали Марина и Беги.

— Как, ловить рыбу ночью? — удивленно сказала Рябинина.

— Именно ночью. У нас большей частью так ее и ловят — в темноте она легче ловится. Ведь весной рыба мечет икру.

— Ну, и что из этого?

— А то, что ловят ее в эту пору пудами! Рыба выплывает на поверхность воды, мечет икру на гладкий камень. Она в это время как пьяная, ее можно брать голыми руками. Почти вся деревня собирается на ловлю.

— Ах, как это интересно! — с увлечением воскликнула Марина. — Нельзя ли нам посмотреть такую ловлю?

— Отчего же, если только вы пожелаете. До ужина еще много времени, мы успеем.

— Ах, это будет чудесно! — и Марина, выбежав на балкон, весело закричала: — Господа, господа, слышали, что сказал князь Беглар, — тут поблизости устраивается рыбная ловля, пойдемте!

— Рыбная ловля? — отозвалась после некоторой паузы баронесса. — Да, это занятное зрелище, идите, посмотрите. Я-то бывала не раз и прежде. Но ты видишь, Марина, какая волшебная ночь, какая тишина разлита вокруг? Видишь ту скалу? Это же скала, не правда ли, Беги? — и баронесса протянула руку в сторону обрывистой скалы, высившейся над шоссе.

Все обернулись в ту сторону и Беги подтвердил, что это действительно скала.

— Вы видите, она похожа на какой-то необычайный, сказочный дворец.

— А вон и колонны, — восторженно подтвердила Дагмара, — желтые мраморные колонны. А чудесную лестницу, что спускается вниз, — видите?

Волков громко рассмеялся.

— Вижу, вижу, она выстлана красным атласом, по которому вас в подвенечном наряде сводит какой-то очень изящный молодой человек.

— Ха-ха-ха! — рассмеялись все, кроме Марины, которая с восхищением смотрела на далёкие, сверкавшие снегами вершины.

— Какие чудесные горы! А как они называются? — спросила она у Беги.

— Асхи, Чхвиндигула, — пояснил тот.

— Обвенчайте меня с этими горами! — со звонким смехом воскликнула Марина.

— Взбалмошная головка! — ласково заметила баронесса.

В этот момент на балкон вышли Вамех и Барам. Барам, услышав слова Рябининой, сказал с улыбкой:

— Обвенчать вас с горою, не знаю, можно ли, Марина Ивановна, но что оттуда может выйти абрек, который похитит вас, — это вполне вероятно.

— Ну и что же, — не унималась Марина. — Разве это плохо?
— Чудесные девушки! — воскликнул один из бельгийцев.
— Да, Марина Ивановна — чистый алмаз, — поддержал иностранца Волков, а потом, обратясь к баронессе, добавил: — а ваша Дагмара — это нежная жемчужина.

Комплимент, видимо, не произвел на присутствующих особого впечатления, так как все отмолчались, а баронесса привлекла к себе Дагмару и нежно поцеловала ее в лоб.

Из зала доносились громкие голоса, но никто из сидевших на балконе не обратил на них внимания.

Бандзги, между тем, уже перешел в наступление.

— Я требую, господин Евтихий, чтобы вы сейчас же приступили к исполнению своих обязанностей.

— Да ты что, в своем уме? Не видишь, дом полон гостей, близится светлое христово воскресение. Как хочешь, братец, а я в такое время беспокоить княгиню не могу.

— Станный ты человек, Бандзги, — в свою очередь вмешался в разговор Тэдорэ, — время ли сейчас приставать к людям с денежным долгом?

— А ты, поп, чего суешься в мои дела? Вот когда я позову тебя на свадьбу или на крестины — тогда и отслужишь свои молебны. А в моих расчетах что ты смыслишь? Да еще заявляешь мне, что я не вовремя пристаю с долгом.

Священник обиделся.

— Тебе, Бандзги, лучше бы внять благому совету своего пастыря.

— Я ни в чьих советах не нуждаюсь.

— Не нуждаешься? Тогда вот тебе судебный пристав и поступай, как знаешь! — уже сердито сказал батюшка и отошел в сторону.

— А как же ты думал? — продолжал кипятиться Бандзги. — Сейчас самое время требовать свои деньги. Сюда прибыла компания иностранцев и княгиня должна получить солидную сумму. Господин Евтихий, вот вам исполнительный лист и приступайте к описи!

— Где это видано? Надо же знать время, когда требовать долг от таких особ. А получить с них всегда успеется. Ты что же это, вздумал осрамить княгиню перед почтенными гостями?

— Какое осрамить, я денег своих требую! Кстати, здесь сейчас Леварси Квизинна, пусть княгиня возьмет деньги у него и вернет мне долг.

— Ты, как хочешь, братец, а я сейчас к этому делу приступить не могу.

— Не можешь?

— Нет.

— А, чтоб тебя! Негодный ты человек, оказывается!

— Но, но, не расходишь! Прикуси язык, говорю тебе!

— Сам ты помалкивай! Смотри, пожалуюсь на тебя — куда ты тогда денешься?

Началась довольно шумная перебранка.

В это время открылась боковая дверь и в зал вошла княгиня Нектарина.

Грозы не было, но голос ее прозвучал подобно грому:

— Кто это притащился сюда? Это Бандзги-ростовщик? Гутати, Гутати, где ты? — крикнула княгиня. — Ты слышишь, Гутати? Поддай ему пинка — и вышвырни вон! Как это он посмел, несчастный! Я же все слышала! Из-за каких-то жалких грошей он вздумал осрамить меня перед дорогими гостями. Эх ты, несчастный! Не знаешь разве, что я не боюсь ни тебя, ни твоей описи! Ну-ка, посмей, опиши!

В зал один за другим вошли Гутати, Леварси и няня княгини.

— Гутати, где же ты, наконец? Не видишь, что он хочет сделать, этот прощельга! Опишу, говорит, все! Что же ты ждешь, Гутати? Горе мне, вдове горемычной, нет у меня заступника в жизни.

Гутати подошел к княгине.

— Не достаивайте его разговором, госпожа, пожалуйста в свою комнату! А я с ним разделаюсь! — и Гутати свирепо скопил на ростовщика глаза.

Бандзге это пришлось не по вкусу. Он знал силу кулаков Гутати, но, направляясь сюда, был так увлечен своими расчетами, что совершенно забыл об управляющем княгини.

А отец Тэдорэ все это время не отрывал глаз от княгини.

«Какая женщина! Царица, истинная царица! Какая удивительная, неотразимая, даже в минуту гнева! Хочется пасть к ее ногам, сложить за нее голову, броситься со скалы, сгореть в пламени».

К княгине подошел Леварси, стал успокаивать ее, а Гутати напомнил, что могут вернуться гости и будет неловко, если они застанут здесь переполюх. Подошел к княгине отец Тэдорэ и тоже посоветовал ей не вступать больше в разговор с Бандзгой. Им втроем с трудом удалось успокоить возмущенную Нектарину — и она вернулась в свои покои.

Тогда Гутати, недолго думая, подошел к ростовщику и, схватив его одной рукой за пояс, другой уже собрался взять за шиворот, чтобы выкинуть вон, но Леварси, словно движимый чувством великодушия, остановил его и попросил уступить Бандзгу ему. Гутати отстранился и Леварси, отведя ростовщика в сторону, принялся в чем-то убеждать его, а потом проводил до лестницы.

Видимо, уговоры подрядчика подействовали, так как очень скоро повеселевший Бандзги убрался восвояси.

В княжеском доме воцарилась тишина. Слуги принялись накрывать на стол, но в эту минуту с балкона в зал с веселым смехом ворвалась компания во главе с баронессой, которая объявила, что они направляются на рыбную ловлю. К ним присоединились и Евтихий с батюшкой.

Только все общество двинулось к выходу, как в зал с криком и воплями вбежала старая няня княгини, Дзилхана.

— Ох, бедный, бедный наш Иосэ! Горе несчастной семье его!

Первым встревожился Вамех.

— Что такое? Что случилось с Иосэ?

— Врагу не пожелаешь того, что случилось с ним!

И старуха снова заголосила, перемешивая свои горестные охи и вздохи с рассказом о судьбе злосчастного Иосэ Хабуная.

Узнав о случившемся, Вамех вскочил и стрелой вылетел из зала, даже не попрощавшись с иностранцами.

Те были немало удивлены плачем старухи и неожиданным уходом Вамеха, но им объяснили, что Вамех жил в доме Иосэ и был его большим другом. Иосэ, деревенский рыбак, страдал тяжким недугом — падучей болезнью. Сегодня вечером, когда он уже вошел в реку, с ним случился припадок. Видимо, он пытался выйти на берег, но не успел — упал и захлебнулся в воде тут же, у самого берега.

— Горстью воды захлебнулся — в недобрый час родила его мать! — причитала старая Дзилхана.

С трудом удалось успокоить старуху. Но Барам, Беги, Тэдорэ и сама баронесса были явно удручены ее рассказом. Остальные из вежливости тоже притихли, не зная, как рассеять тягостное впечатление.

Баронесса сказала печально:

— Бедный Иосэ! Я знала его — каждый раз, когда я приезжала, он непременно приносил мне в подарок свежую рыбу!

— Хороший был человек, — вполголоса добавил Барам, — тихий, незлобивый, никто не может сказать о нем плохого.

Волков удивился, что князя так тепло и душевно поминают какого-то простого крестьянина. Он даже высказал свое удивление Рябининой, но та на этот раз ничего ему не ответила.

— Но мы все же пойдем на рыбную ловлю, не правда ли? — спросила она Беги.

Тот живо откликнулся:

— Обязательно, но только надо захватить с собой что-нибудь потеплее, пока еще холодно.

— Конечно, конечно, — подтвердила баронесса, — особенно на берегу. Ну, теперь отправляйтесь, но только не опаздывайте к ужину.

Несколько минут спустя все находившиеся в зале, за исключением баронессы, отправились на берег реки Гурдземни, протекавшей тут же, ниже княжеского дома.

Один лишь отец Тэдорэ отстал, и Гутати окликнул его:

— Куда ты, батюшка? Ты же любишь полакомиться рыбой, а завтра вербное воскресенье.

Но священник поделился с ним своей заботой. Он скорбел о том, что один из его прихожан ушел из жизни без причастия. Батюшка хотел отслужить по усопшему маленькую панихиду. А Евтихию священник сказал:

— Вас, как видно, без ужина не отпустят. А отдохнуть, ежели не устроитесь здесь, милости прошу ко мне. Я, во всяком случае, еще наведаюсь сюда и тогда сделаем, как будет лучше.

Леварси тоже отправился на рыбную ловлю, внимательно ища глазами Толисквами.

Но она в это время вышла на освещенный луной балкон, села и отдалась своим девичьим думам.

(Продолжение следует).

Новая песня моя

Перевод с азербайджанского И. Оратовского

Прошел я по градам и весям Кавказа.
О том, что я встретил, спросите меня.
О песнях, идущих от самого сердца,
О горном рассвете — спросите меня.

Я шел над отвесным ущельем Кавказа,
Я воду пивал из Куры и Араза,
Я слышал напевы чонгури и саза,
А что я ответил — спросите меня.

Мои побратимы, грузины, армяне!
Пусть дружбу большую ничто не туманит!
Пусть мужество наше никто не обманет!
Что крепче на свете? — спросите меня.

Нет крепче рабочей руки всемогущей,
Нет краше земли нашей, вечно цветущей,
Нет клятвы надежней, к победам зовущей.
О нашем обете — спросите меня.

Встаю, поседелый, над дружеским кругом,
Во всем—с армянином, с грузином, как с другом.
Пред миром, подверженным грозам и вьюгам,
Всегда мы в ответе — спросите меня.

Есть капля моей нехладеющей крови
На ленинском знамени, капля сынóвья.
И песню слагаю о верности вновь я,
О дружбе великой — спросите меня.

უ დარჯალა

Перевод с грузинского Ю. Левитанского

«На холмах Грузии лежит ночная мгла».

Пушкин.

Шли тучи за Арагву и Куру.
Курился Кайшаури в отдаленьи.
И плащ гудел, как парус, на ветру.
И Пушкин загляделся в изумленьи...
    Был полон первозданной красоты
    Мкинвари, не стареющий под ношей
    Своих снегов. И, прынув с высоты,
    Тропинки обрывались у подножий.
И он стоял часами на скале...
А мы всем этим дышим с колыбели.
На нас лавины рушились во мгле,
Для нас вершины эти голубели.
    Орлы над нами сызмальства парят.
    Родимый воздух терпок и прохладен,
    И на дорогах осени горят
    Оранжевые солнца виноградин.
А Пушкина в горах застала мгла.
И было очевидным для поэта,
Что эта мгла устойчивой была —
Еще не близко было до рассвета...
    Моя многострадальная земля!
    Ты нас потом сторицей одаряла,
    Чтоб озарил вечерние поля
    Высокий свет, идущий от Дарьяла.
Я славлю горный воздух этих лет
И солнце над студенными волнами,
И вешний цвет,
    и негасимый свет
Дарьяльской гидростанции над нами.

Орпирский комиссар в Кремле

Перевод с грузинского О. Ивниской

Я не один. Со мной поет Колхида,
Когда мой голос внутренний поет.
Из хижины я на дорогу выйду —
По миру нынче ваш поэт пройдет.
Двором. Поселком. По былым приметам
Иду вперед. Орпири весь со мной.
Здесь каждый житель сразу стал поэтом,
Цветущим полем, воздухом, страной.
Одним дыханьем, пульсом, поворотом
Мы все в одном. Я понимаю сам,
Что, заглянув в небесные ворота,
Я тоже верен этим небесам.
Свои мечты мы воплощаем сами,
Их голоса издалика зовут.
...Здесь зашумят тугими парусами
Деревья, что из детства приплывут...
Осуществленное величье плана:
Вон роща цитрусов. Как нам, им не до сна.
Зима повисла ключьями тумана.
Здесь, что ни сад, то вечная весна.
Не только все мечты, все мыслимые блага
В страницы Конституции вошли,
Покорно уложились на бумагу
И стали вдруг законами земли!
...С ближайшими соседями в Орпири
Я обсудил бы наши все дела...
Ведь чувства не вмещаются в квартире
У сердца моего, хоть площадь не мала.
Я вижу Кремль. Выходит парень стройный.
Он — мужество и сила во плоти;
Узнаю земляка по поступи спокойной,
Он замысел народа воплотил.

Расскажет он, как покорял Риони,
Как с наводнением у себя в селе
Боролся сам, как будет жить сегодня,
Уж на советской молодой земле.
Он искренен, горяч и честен в споре.
Он с нами весь, и сам я с ним стою.
Как влагой облако, плывущее над морем,
Он полон верой в партию свою.
Плеск тысяч рук в прибое отдаленном,
И тысячеголосый шум вдали:
На площадь движется поток краснознаменный —
Неразлично море от земли.
Встает моя Колхида в славе новой,
Богатства тайные ей шли из рода в род.
И, выйдя в мир, об этом силой слова
Поэт теперь оповестит народ.
Сосед поздравит брата и соседа —
Ведь гордость всем, не одному дана.
Он победил, и это их победа.
Он комсомолец, а за ним страна.
Так будет явью сон, что тушью по бумаге
Прочертит мачты Альп над волнами полей.
Всплывет Колхида, обгоняя флаги
Пиратских беспокойных кораблей.
И память лишь останется о том, как
Уныло предки причитали здесь.
И песня новая принадлежит потомкам
О том, что счастлив мир,
что он свободен весь.

Цхнетские вечера

Дорогие друзья!

Я был чрезвычайно рад узнать, что в Грузии будет выходить новый журнал «Литературная Грузия». Давно следовало ожидать появления этого журнала. Он будет местом встречи грузинских и русских литераторов и даст возможность многим авторам печатать свои рассказы и стихи непосредственно в Тбилиси, что еще более усилит нашу дружескую связь.

Для журнала «Литературная Грузия» я посылаю свой рассказ «Цхнетские вечера».

Приветствую всех друзей от всего сердца.

Николай Тихонов.

Цхнетские вечера я никогда не забуду. В прохладной пустынности, в глубокой отъединенности этих вечеров лежал тот пояс тишины, который так нужен для всякого творческого сосредоточения. В их тишине не было ничего особо значительного, но это была тишина, в которой хорошо говорилось о стихах и о природе перед лицом самой природы. Весь мир оставался где-то внизу, и там, на самом дне полыхали угли золотого костра. Это переливались огни вечернего Тбилиси.

Здесь же наверху, земля, усеянная золотисто-янтарными листьями, становилась маленькой, как будто вся она кончалась у обрыва, а обрыв был рядом. Над нами же подымалось, жило и заполняло все пространство неохватное небо. Под ним, как будто совсем рядом, темнел всклокоченной гривкой лес на склонах, а домики, рассеянные между деревьями и кустами, казались игрушечными, расставленными где попало.

Этот размах небесного пространства был заполнен движением бесчисленных облаков, неустанно громоздивших свои ряды, менявших очертания и краски. Вдруг движение этих разноцветных полчищ прекращалось, как будто по невидимому сигналу они останавливались, замирали в последнем нагромождении, и темнота, сначала голубовато-синяя, потом дымчато-черная, начинала поглощать их. Эта темнота подымалась как из кратера, дышавшего совсем близко за деревней, черными, тяжелыми парами.

Наступал тот неповторимый час заката, когда формы и краски облаков были такой отчетливости, что темнота как бы начинала звучать и перед ней все другие звуки вечера исчезали. Тишина звенела в ушах. Далекие горы великого хребта засыпали на глазах. Их каменные тела становились невесомыми, а огоньки, зажженные лучами заката на острых ска-

лах, потухали один за другим, точно закрывались хищные и полные страсти глаза великанов, засыпавших среди вершин.

Не было слышно ни детских криков, ни шума деревни, расположенной ниже под нами, ни пастушеских голосов, ни смутного шороха стада, ни собачьего лая.

Полосы последних солнечных лучей походили на золотые водопады, узкие, тонкие, косые. Они стекали по плечам облаков, и от этого вспыхивали голубыми сияниями небесные края причудливых облачных громад, и трепетание этой горячей голубизны обнажало какие-то бездны и ущелья в провалах неба.

В эти часы смутного покоя, ненарушимой тишины мы с Георгием Николаевичем Леонидзе выходили на прогулку. Мы медленно шли по неровной, чуть пыльной тропинке через поляну к обрыву и говорили о стихах, о природе, о жизни. Весь долгий осенний солнечный день, уединившись на двух противоположных концах маленького домика, мы трудились, не замечая часов.

Мы жили, захваченные в плен чудесами осенней природы и стихами. Он писал большую поэму, я занимался переводами. Наши муки творчества одинаково видели маленькая, выбеленная простая комнатка, в которой он боролся с трудностями темы, и старый, маленький балкон, на котором я работал, ел и спал. Только вечером, гуляя на закате по тихой, полусонной земле, окруженные исполинскими видениями неба, мы отдыхали, обменивались мыслями, спорили, шутили, вспоминали свои молодые годы, делились планами.

Было великолепно погружаться в волны вечерней тишины, следить за быстро меняющимися эффектами облачного моря, чувствовать великую мощь земли, отдыхающей после трудового дня в осеннем изнеможении и победоносной усталости.

Мы проходили по тонкой тропинке, как лунатики по краю острой крыши. Нас опьяняла тишина, пряный прохладный воздух, пропитанный запахами отцветших горных лугов, запахом вянущих листьев, пространство, как будто уносящее вдаль с такой ясностью, что стоило закрыть глаза, и сразу вы чувствовали, как действительно все это великолепие летит, медленно кружась, навстречу чему-то удивительному.

Я пришел к этим Цхнетским вечерам через горы Главного хребта, я увидел их после шума горных бурь, неумолчного шума больших лесов, ущелий, где даже в горные ночи в темноте глухо бормочут своё бессонные потоки, где дальний грохот обвала долго передается из щели в щель, я пришел на этот тихий уголок земли, повисший над обрывом, от берега моря, где в эту пору штормы уже рвали на куски высокие волны, разбивая их о прибрежные скалы.

В Цхнетских вечерах было еще одно очарование. Они прекрасно заканчивали день, и когда усталость давала себя чувствовать, они, как ласковый хозяин, приглашали в необъятные хоромы великого покоя. Перед тем как добраться до этих гостеприимных холмов, я работал над сценарием, посвященным судьбе Карла Либкнехта, трагической и мрачной жизни, переполненной опасностями, преследованиями, тюрьмами, и сам немного черпнул этой трагичности и мрачности.

Цхнетские вечера уводили меня в другой мир — в мир трудового покоя, радостей простой сельской жизни.

Я видел детей, целый день бегавших по Цхнетской поляне, кричавших, как птицы, и как птицы засыпавших на закате, я видел школьников, которые предавались всевозможным забавам, свойственным их возрасту,

гонявшихся друг за другом, возившихся, шумевших изо всех сил, угомонявшихся к вечеру и расходившихся по домикам на отдых.

Я видел рабочих — плотников, каменщиков, штукатуров, работавших на верхней площадке в Доме отдыха. Они собирались в кружок, и всегда находились парни, которые хотели попробовать свою силу. Они боролись под задиристые крики окружавших их товарищей, а потом танцевали пляски своей деревни или пели песни, звучные, красивые, мелодичные, и далеко были слышны в сиреневом сумраке их уверенные, молодые голоса.

Днем я писал обычно на маленьком балконе, выходившем в сад, но иногда работал в другой половине этого сада, рядом с широкой белой дорогой, уходившей в горы. Она шла мимо кладбища. Через дорогу из сада были хорошо видны кресты, урны, надмогильные украшения старых и новых лет.

Иногда к вечеру я сидел в саду в тени больших ореховых деревьев и смотрел на кладбище, веселое, живописное, легкое кладбище, все утонувшее в зелени. По дорожкам и крестам прыгали птицы и собирали крошки, щедро рассыпанные на могилах.

Деревня лежала значительно ниже по холму, и люди из деревни нечасто подымались на кладбище. В этот вечер я увидел, как, медленно, тяжело ступая, несколько человек шли по дороге к кладбищу. Каждый изшедших нес какой-нибудь музыкальный инструмент. Может быть, предстояли чьи-то поминки, или музыканты просто проходили мимо кладбища и решили немного отдохнуть.

Они взошли на кладбище, молчаливые, в черных поношенных одеждах, в запыленных сапогах, и направились в сторону свежих могильных холмиков. Нашли нужную им могилу. Тогда они положили инструменты на зеленую траву, развязали принесенные с собой узелки, вынули оттуда хлеб, зелень, куски арбуза, яблоки, мясо. У одного из них было вино в бурдюке. Он расставил стаканчики на могиле, прямо на утрамбованном песке наверху холмика.

Разложив все свои яства на могиле, как на столе, они налили полные стаканчики и первый вылили на могилу. Держа в руках стаканчики и притронувшись только слегка рукою к руке соседа, они разом выпили и закусили. Так они, что-то говоря, чего я не слышал, выпили несколько раз.

Потом, утерев губы и вытирая руки о цветные платки, тихо отошли от могилы, сели против нее и, настроив инструменты, начали играть. Единственным слушателем и зрителем этого концерта был я, о чем они никак не подозревали. Да они и не оглядывались. Они погрузились в игру так самозабвенно, как будто играли в разгаре праздника в переполненном народом духане.

• Они играли без перерыва одну за другой такие чудесные песни, что весь воздух был пронизан звуками этой нежной, глубокой, народной поэзии, точно она являлась из деревьев старого кладбища, выходила из травы, из кизилых кустов, простая, естественная и неотразимая.

Когда песня достигала полной мощи такого веселья, что инструменты вот-вот грозили разлететься на куски от перенасыщения радостью жизни, казалось, на этот могучий призыв веселья откроются могилы и появятся танцоры былых времен, проснувшиеся от волшебной музыки.

Потом вдруг песня становилась торжественной и требовавшей полноты чувств от слушавшего. Слезы сами щипали глаза и что-то внутри закипало, непонятное и тревожное, мучительно-печальное.

Иная песня плыла над кладбищем, как большая белая птица, мед-

ленно шевеля длинные, раскидистые крылья. Этот удивительный концерт, слушателями которого, кроме меня, были старые ореховые деревья, мшистые надгробия, кусты и травы, продолжался долго, но уже с перерывами.

В перерывах музыканты пили вино, лили его на могилу, закусывали и снова возвращались к музыке. И долго сидели они перед уже потемневшим небом, и долго раздавались удары бубна, как будто разбивавшегося вдребезги, и слышались звонкие взлеты зурны и длинные серебристые плески тари.

Потом музыканты поднялись все разом, выпили по последнему стаканчику, в наступившей тишине убрали в платки остатки еды, завязали бурдюк, поклонились одинокой могиле, ничем не украшенной. Остались на ней арбузные корки, крошки хлеба и полоски красного вина, которые сухая земля жадно впитала.

Музыканты ушли, как пришли, неизвестно откуда и куда, ушли тяжелым, степенным шагом людей, привычных к долгой ходьбе по крутым тропинкам.

В этот вечер мы прогуливались с Георгием Николаевичем по нашей заветной тропе, несколько раз уходя от обрыва и снова возвращаясь к нему.

Тишина вечера была особенно полнозвучной. Даже треск электрического движка у самого края обрыва прервался, движок часто портился. Мы в этот вечер разговаривали о народных преданиях и поверьях, о том, что еще много есть обычаев, оставшихся от старины, и до сих пор их держатся, как бы боясь потерять что-то ценное.

Я рассказал поэту о том, как сегодня музыканты на кладбище играли сами для себя, но почему на кладбище, мне это было непонятно.

— Они играли не сами себе, — отвечал Леонидзе: — нет, жил, знаешь, там внизу в деревне один человек, одинокий. Он всегда приходил в духан, где играли эти музыканты. Они играли ему его любимые песни, а он с ними вместе веселился, угощал их и за песни выставлял вино, деньги давал, кутил. Он умер. Ну, его похоронили, а родных нет. Ходить на могилу некому. В поминальный день поминать некому. Они говорят между собой: хороший, слушай, он был человек, песни любил, веселье любил, нас любил. Теперь ему скучно. Один он. Никто не придет, доброго слова не скажет. Пойдем, как родные, сыграем ему те песни, что он любил, пусть порадуется. За его здоровье выпьем. Он любил нас слушать — пойдем к нему, ему будет приятно. Он там скажет: вот не забыли меня добрые люди, пришли, попели, покутили со мной, спасибо. Так они и приходят к нему в поминальные дни, играют ему и пьют его здоровье. Это по-грузински, у нас так принято. Хорошо, правда, по народному...

— Хорошо, — сказал я: — это даже и по-русски хорошо. У нас тоже раньше на могилу поесть-попить носили и только за здоровье покойника не пили, это запрещалось, а за свое — пей сколько хочешь. Все побаивались при этом, конечно, того света. А вдруг, чем чёрт не шутит, а вдруг он в самом деле есть. А как туда дорога ведет, тоже никто не знает.

Вдруг Георгий Николаевич засмеялся при этих словах, а когда он смеется своим богатырским смехом, то все его могучее тело содрогается, и грохот смеха далеко слышен.

— Вот, — сказал он, указывая на небо, — вот дорога на тот свет. **Смотри!**

Я посмотрел, куда указывала его десница, и увидел огромное скопление облаков, уже окрашенных в умирающие цвета последних закатных минут.

— Не туда, правее, вон смотри, где как синий туман извивается между громадных башен. Нашел?

Я наконец нашел то место в небе, на которое он указывал. Это был круглый вход в облачное ущелье. Как будто сжатое скалами со всех сторон, скалами, нависшими в самых умопомрачительных положениях, оттенков самых разных, от перламутрового, жемчужно-голубого до устрашающей синевы в глубине. Да, это действительно походило на вход в тайны неба. На чудовищной высоте висела эта облачная дверь, окруженная непроходимыми стенами. И синяя тьма сгущалась у этого входа в небесное царство. Все вокруг меркло и погружалось в тяжелый сумрак, а эта сиявшая таинственным синим излучением круглая дверь, как будто составленная из синих колец, приглашала в неведомое путешествие.

— Это называется в народе солнцем мертвых, — сказал Леонидзе, — этот последний луч солнца показывает вход в небесное царство и души мертвых уходят в эту дверь, в эти синие кольца...

Я не отрываясь глядел, как постепенно все исчезало в темном море ночи и только странный голубой отблеск еще отмечал место, где жило последним трепетом солнце мертвых.

Еще немного постояли мы под впечатлением увиденного и пошли домой, повторяя: — Какая тишина, какой покой на небе и на земле...

У нашего домика стояло несколько человек. До нас долетел тихий смешок и какой-то урезонивающий голос... Потом новый короткий взрыв смеха и сердитый громкий возглас в ответ на смех. Мы подошли ближе. Около домика стояли наш сторож, соседский садовник, две девушки и почтальон. Этот маленький, худой, как гвоздь, человечек, в синей кепке, в старенькой куртке, с тяжелой сумкой через плечо бежал по нашей поляне всегда легкими ногами, как бы негнувшийся, синий кузнечик, с письмами, телеграммами, газетами и журналами. Над ним безобидно потешались, и он также легко, как бегал, переносил шутки, но иногда все-таки обижался и тогда он тяжело дышал, снимал кепку, вытирал розовым платком пот на лбу и громко, сердито отвечал обидчику.

Сейчас над ним подтрунивали, и он сердился. Мы захотели узнать в чем дело.

— Мы говорим ему, — засмеялась одна из девушек, — что он носит газеты сюда навверх с почты, а сам их, наверно, никогда не читает. Вот газету «Комунисти» носит, а даже не знает, что в ней напечатано...

— Как не знаю, как не знаю, — почти закричал наш синеплечий кузнечик: — все знаю, это вы не знаете...

— Подожди, — сказал засмеявшись Леонидзе, — ну, а если ты читал, скажи, что там сегодня интересного?

Надо заметить, что мы давно не получали газет из Тбилиси и порядком отстали от новостей. Но Леонидзе хотелось тоже пошутить над серьезным почтальоном.

— Ничего там нет интересного, — сказал, вытирая пот на лбу, почтальон.

— Э, — закричал сторож, — как это так — в газете и ничего интересного!.. Ты просто не читал, как всегда, — добавил он.

— В самом деле, — Леонидзе слегка тронул за рукав почтальона: — скажи нам, братец, ну, хоть что-нибудь в мире происходит? Мы тут совсем отсталые, редко газету видим. Не может быть, что в мире ничего нет.

— Да он ответить ничего не может, — засмеялся садовник: — он только носит газеты, зачем же ему еще читать их. Он ничего не знает.

Вон у него какой вид, ясно, что он не ответит нам сегодня ничего насчет того, что где происходит.

Тут наш почтальон разволновался не на шутку.

— Что интересного, — сказал он громко и чихнул при этом: — война идет, а кому это интересно?

— Какая война, кацо? — воскликнула девушка. — Где война, в Азии где-нибудь!

— Это старые новости, — сказал садовник: — это Чан Кай-ши там воюет, он всегда воюет...

— Не Чан Кай-ши воюет, — закричал почтальон, — все воюют, друг с другом...

Тут смех пронесся над поляной.

— Вот насмешил нас, вот это так. Все воюют... Ну, и прочитал он в газете новость!..

— Я правду говорю, — отвечал разобиженный почтальон: — все, все воюют, бомбят Варшаву, там Париж бомбят, Берлин, что ли, горит, Лондон, я точно не помню. Все воюют, вот не верите... все воюют. Берлин или Париж, все горит, бомбы бросают...

Дружный смех обратил почтальона в бегство. Он, видя, что его сообщение не вызывает никакого впечатления кроме смеха, пошел по дорожке вниз, что-то бормоча себе под нос и сердито размахивая руками.

— Он немного выпил сегодня лишнего, — сказал садовник. Девушки продолжали смеяться.

Все разошлись кто куда. Уже давно смолкли шаги старого почтальона, по каменистой тропинке спускавшегося в деревню.

Мы сидели с Георгием Николаевичем дома. В домике было особенно тихо, потому что женщины и дети уехали в город и должны были приехать через несколько дней. Мы были одни. На меня произвело большое впечатление «солнце мертвых». Я закрывал глаза и снова видел этот синий, светящийся вход в небо, куда следовали души умерших. Я вспомнил, что в одном стихотворении осетинского поэта Коста Хетагурова описан этот вход: туда входит богатырь-нарт. И потом почему-то из головы не выходили добрые музыканты, игравшие на кладбище своему старому другу любимые его песни.

Леонидзе завел патефон. Он брал наугад пластинки и ставил их. То я слышал модную песенку, то вдруг в скромных стенках маленького домика звучало:

«...Уйдем мы далеко, далеко от грешной земли...»,

«Спалив бригантину султана...
И к милой с турецкою раной,
Как с лучшим подарком приплыл...»

— Гогла, — сказал я: — тут нет телефона рядом где-нибудь?

— Нет, — сказал он: — тут телефона нет. Он есть на почте в деревне. А зачем тебе ночью телефон?

— Нет, я так, — ответил я: — а как же ты говоришь с городом?

— Я говорю с Тбилиси очень просто, спускаюсь в деревню на почту и звоню...

Зазвучала новая пластинка:

«Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»,
Пощады никто не желает...»

Было тихо и полутемно, в комнате горела свечка, электричество не действовало. Песня звучала как трагическое начало, как «солнце мертвых», геройское солнце...

— Гогла, — сказал я: — а все-таки что он читал?

— Кто он? — спросил Гогла, громко перебивая песню.

— Наш малютка-почтальон!

Гогла снял пластинку, которая довертелась до конца, и, перебирая пластинки, сказал:

— Он читал какой-нибудь фантастический роман о будущей войне.

— Подожди заводить дальше, — я встал и прошелся по комнате. Освещаемая свечой, воткнутой в бутылку, комната стала какой-то декоративной и тревожной.

— А может быть, нам все-таки позвонить и вызвать машину завтра утром, Гогла?

Леонидзе перестал возиться с пластинками. Он вышел из-за стола и его огромная тень заняла полдомика.

— Тебе нужно что-нибудь в городе? — спросил он.

— Нет, мне особенно ничего не нужно, но вдруг он все-таки прочитал про то, о чем рассказал?

Гогла ничего не ответил, сел напротив меня, и его лицо стало серьезным. Потом он тряхнул головой: — «А, ничего там нет. Это они его раздражили, и он, чтобы напугать, все выдумал. Ну, посмотри сам: бомбят Варшаву, Париж бомбят, Лондон бомбят, Берлин горит. Кто же с кем воюет, чтобы так все бомбить. Это чепуха!»

Мы сидели и молча курили.

Леонидзе сказал: — «Тут есть еще одна бутылка киндзмараули — хорошее вино, знаешь, одна осталась, про нее мы забыли... Давай выпьем».

Мы пили тончайшее вино большими глотками. Я сказал: — «Поедем в Тбилиси завтра, Гогла...»

Он не смеялся. Его тень на стене была неподвижна. Мышка выбежала на свет из-под кровати и остановилась, зажмурив черные, как бусинки, глазки. Казалось, она хочет услышать ответ Леонидзе.

— Я спущусь рано утром на почту, — сказал он спокойно и тут же добавил: — хорошее вино, правда? — И без паузы продолжал: — а если мы будем дураки...

— Ну и будем дураки, — сказал я, выпивая сразу полстакана: — надо проверить, а то это, как его ты называешь, «солнце мертвых» не даст жить. Оно еще приснится.

Я вышел на балкон. Ночь была прохладная. По небу бежали нелепо белые облака, как будто их подсвечивали снизу.

— Спи в комнате, — сказал Гогла.

— Нет, — отвечал я с порога: — я привык на дворе. Еще совсем тепло. Тут воздух ароматный.

— Ну, как знаешь, я пойду к себе, еще немного поработаю.

Мы расстались. Я лег и накрылся одеялом, но уснуть не мог. Темная, хоть и небольшая зелень сада скрывала от меня нашу поляну. По небу скатилась звезда, и казалось, что за ней еще трепещет синий след. Странный стук заставил меня приподняться. На другом конце балкона стоял стол, за которым мы обедали. Между моим топчаном и столом дверь вела в комнату, а в сад спускалась лесенка, маленькая и скрипучая. Сейчас на этой лесенке стоял зверь с красными глазами, с черной взъерошенной шерстью и смотрел на меня. Я сел на кровати. Я сначала ничего не понял.

Я пригляделся к неподвижно стоявшему зверю. Это была черная собака, жалкая, худая, но храбрая, готовая схватиться с любым врагом. Я вспомнил, что это за собака. Мы несколько ночей ловили ее, но она исчезала, как тень. На шее у нее болтался кусок толстой веревки. Она походила на чёрта, особенно странно-красными глазами. Я вспомнил, что мне рассказывали про нее. Эта собака принадлежала тому одиночке, который был таким любителем песен и веселья. Собака была взята кем-то и привязана далеко отсюда в горах. Она перегрызла веревку и живет около могилы хозяина, лежит днем на его могиле, ночью обегает соседние дачи и ищет каких-нибудь остатков пищи, роется в навозных кучах, дерется с собаками из-за костей.

Под столом лежала кем-то уроненная за обедом кость. За ней она и пришла. Ей нельзя было уйти без кости. И она смотрела на меня как на врага, с которым надо сейчас вступить в схватку из-за кости. Но я старался сохранить полную неподвижность. Собака заворчала, потом так медленно, как только можно, она добралась до стола, юркнула под стол, схватила кость и стремительно слетела с балкона. Она почему-то оглянулась, сбегая с последней ступеньки, и я снова увидел красный огонь ее больших, неестественно расширенных от голода и тоски глаз. Потом она исчезла в черноте поляны.

Утром мы приехали в Тбилиси. По дороге мы говорили с шофером о чем угодно: о последнем футбольном матче, о погоде, о винограде, о его родной деревне в Кахетии за Диди-Лило, о Мцхета и о том, что когда-нибудь под Тбилиси будет свое море. Никакого почтальона не было в наших разговорах. Но он жил где-то гораздо глубже — в нашем сознании.

По улицам города, как всегда, шли люди по своим делам, магазины были открыты, чистильщики сапог приглашали почистить туфли, мчались машины, гудели солидные автобусы, звенели трамваи.

В Литературном музее все было на месте. Тишина и прохлада осеннего утра. Люди заняты своим делом. Мы прошли в кабинет. Не сразу мы могли спросить то, что мы хотели увидеть. После ряда незначительных вопросов безразличным голосом, Георгий Николаевич попросил дать подшивку за последние десять дней.

— Какой газеты? — спросила сотрудница, и по ее обыкновенному голосу можно было судить, что совершенно безразлично, какую газету просматривать.

— Дайте «Правду» и «Известия», — сказал Леонидзе. — И дайте «Комунисти», — добавил я.

Девушка вернулась и положила солидный сверток на большой стол. Она ушла. Леонидзе запер дверь и подошел к столу. Я следовал за ним, как будто мы должны были сейчас узнать что-то удивительное, чего еще никто не знает.

Мы упали на газеты, как ястреб падает на добычу — стремительно и яростно. Мы листали газеты горящими руками. Прежде чем погрузиться в чтение, мы безмолвно взглянули друг на друга и пока читали не сказали ни слова. То, что летело нам навстречу со страниц газет, было совершенно невероятно, необычайно и потрясающе.

Маленький, синеплечий кузнечик-почтальон был прав. Он действительно читал газеты. Он сказал нам правду. Уже неделю, целых семь дней шла мировая война. Вторая мировая война. Горела Варшава, германские танки по всем направлениям рубили, как хотели, обманутую, преданную панскими генералами польскую армию, тысячи беженцев устремились по всем дорогам, их расстреливали с воздуха. Правительство бежало первым. За ним вился дымный хвост сжигаемых на ходу государственных архи-

вов. В газетах было написано, как по улицам городов летят лохмотья важных бумаг, недогоревшие листы государственных приказов и законов. Фашистская орда сметала все со своего пути. Лондон и Париж объявили войну гитлеровской Германии. Воздух гудел от тысяч самолетов и содрогался от ударов бомб и снарядов.

Солнце мертвых встало над миром. Дочитав последнюю газету, мы сидели молча. С улицы доносился шум большого города, в соседней комнате стучала машинка. Чей-то голос диктовал размеренные строки, как будто диктовалось стихотворение. Я не мог быть дольше в здании. Я хотел на воздух, к людям, к тихим Цхнетским холмам, тихим, мирным вечерам. Их больше не было.

Я поднялся на гору Давида, я смотрел на город, лежавший в свете сентябрьского солнца, древний город славы и искусства, труда и мира. Куда бы я ни бросал взгляд в это скопление домов, садов и улиц, всюду я находил уголки, связанные с воспоминаниями, с хорошими, добрыми днями, с хорошими, добрыми людьми. Как древний язычник, я вознес моление к небу, чтобы война не коснулась красоты этого города, не превратила ее в груды развалин.

И небо услышало мое моление. Война не коснулась красоты Тбилиси.

Апрель 1957 г.

Жалоба меча

Перевод с грузинского Н. Заболоцкого

— Заржавел ты, славный горда¹,
Плесень тронула ножны.
Иль тебя хозяин гордый
Снять не хочет со стены?
— Сгинул, сгинул мой хозяин,
Пал в сраженьи за Шамхор.
Сорок раз в бою изранен,
Пролил кровь у края гор.
Удалец Тамар-царицы
И защитник очага,
Он, зажав меня в деснице,
Устремлялся на врага.
Нынче мир подобен лавке,
Доблесть нынче не в цене,
Оттого и я в отставке
Плесневею на стене.
Здесь меня в уплату долга
Часто лавочник берет.
И тогда лежу я долго
На прилавке возле счет.
Миновало семь столетий
С той поры, когда картвел,

---

¹ Горда — меч.

Просыпаясь на рассвете,
И точил меня и пел.
Почему на радость людям
Вновь не скажет мне герой:
«Меч! Коль славы не добудем,
Не воротимся домой!»

1890 г.

Օջիւճանիւ

Как пушинка, к вершине горы
Прилепилась полоска тумана
И задумалась там до поры,
И в пути задержалась нежданно.
Привлекаемый запахом скал,
Веет там ветерок с небосвода.
Как Иуда себя проклинал,
Так себя прокликает природа.
— Что ж ты, тучка, прижалась к скале
И чего ожидаешь в тревоге?
— Приглядишь, человеке, к земле:
Враг стоит у меня на дороге.
Иль не видишь, что засухой здесь
И поля и сады опалило,
Что народ убивается весь
И житье ему больше не мило.
Вон с какой безутешной мольбой
Взор ко мне устремило селенье,
Дескать, дождиком землю омой,
Упаси от беды — разоренья!
И задумалась я и гляжу,
И молю всемогущее небо,
И прибавить мне силы прошу,
Чтоб поля не оставить без хлеба.
Нагруженная тяжким дождем,
Я бы стала великою тучей
И на всем протяжении моем,
Как поток, разразилась могучий.
Я хочу, чтобы пел соловей,
И, склонясь на груди перевала,
Я с зажженной свечою моей
Перед господом богом стояла.

1892 г.

Лук и ЛИРА

Перевод с грузинского Е. Евтушенко

Воин и охотник,
шел он лугом
над речной гремящей быстринной.
Шел один,
вооруженный луком,
деревянным луком и стрелой.

В племени своем охотник первый,
он слышал не раз уже,
не два,
как, стрелу выбрасывая,
пела,
пела,
замирая,
тетива.

Но сегодня,
вдруг отдернул руку,
удивленный этим лишь сейчас,
и, желая продолженья звука,
тетиву он тронул
еще раз.

Звук был тихий,
робкий,
осторожный...
Позабыв ушедшую стрелу,
человек стоял —
большой,
тревожный,
тетиву понявший,
как струну...

Вновь весна на Иори

РАССКАЗ

Перевод с грузинского А. Джапаридзе

Реки Иори и Алазань сливаются друг с другом, чуть выйдя за пределы Грузии. Луга, раскинувшиеся выше слияния этих кахетинских рек в Иорской долине, там, где расступаются Вашлованское и Пантишарское ущелья, издревле служат зимними пастбищами.

Действительно, может ли мечтать овцевод о лучших зимних пастбищах? Траву авшани, обильно растущую на этих лугах, не в силах заморозить самые жестокие холода, не в состоянии сжечь знойное летнее солнце, превращающее другие травы в сухие былинки, легко уносимые ветром. Авшани так высока, что и снег не покрывает ее. Поэтому отары кахетинских колхозов всегда зимуют на иорских лугах. Эти вымеренные до единой пяди земли значатся в прошнурованных актовых книгах колхозов зимними пастбищами, так же, как значились они некогда в средневековых грузинских летописях.

Места эти расположены неподалеку от Ширакского плоскогорья и районного центра Цители-Цкаро, но попадая на пастбища, чувствуешь, что сердце твое почему-то охватывает тяжелое сознание оторванности от всего мира. Ты находишься совсем вблизи от многоголосой, полной жизни страны, а кажется, будто попал куда-то далеко, за тридевять земель, в неприступный, суровый край.

Возможно, что это ощущение вызывают горы, загородившие долину, а может быть странные цвета трав — серой авшани и красноватой, словно раскаленный песок, хурхумо. Их необычный, дурманящий аромат настраивает на острую и беспричинную душевную тоску. Может быть, ощущение оторванности от всего привычного вызывает и здешняя весна, не похожая на другие, знакомые людям весны. В здешней природе нет обычной зимы, весны, лета и осени. Когда весной зацветают кусты желтинника, сероватые окрестности окутываются пурпурным маревом; осенью их листва так краснеет, что все кругом кажется охваченным пожаром, а густо усеявшие склоны гор гребенчук и держи-дерево становятся темно-желтыми. Все эти цвета и создают основные тона природы в любое время года, даже зимой. Здешнюю зиму прозвали «маленькой весной» еще те грузины, что в незапамятные времена соорудили здесь овчарни.

И сейчас, как и раньше, чуть только кончится зима, и вода в Иори вскипает и мутнеет, словно забродившее молодое вино, чабаны и пасту-

хи начинают готовиться к перегону овец — надо скорее уходить от невыносимо жаркого лета.

Еще неделя — отары уйдут, и долго здесь не будут слышны шаги человека, не будет никого — одно солнце да побуревшие от его лучей травы. Лишь случайно забредший сюда охотник изредка услышит в прибрежных зарослях вой шакала, нападет на след кабана или заметит несколько джейранов.

Летом, в безжалостную жару, вы можете умирать от жажды — и никто не принесет вам воды. А коли умрете — никто вам глаз не закроет. Все кругом пусто, бины овцеводов безлюдны и унылы.

* * *

Была весна.

Чатмские горы уже покрылись светом утренней зари, а в долине только рассеивался туман.

Проводив чабанов, старый Иорам невольно вздохнул — у него было подавленное настроение. И не из-за скучных, надоевших ему хозяйских хлопот по бине. На душе у старика было тяжело потому, что ему не доверяли уже ничего другого. И это ему, саркалу¹, никогда не имевшему себе равного. «Ты уже состарился, — сказали ему, — тебе будет тяжело бродить по горным тропинкам».

И вот Иорам хлопочет по хозяйству в бине.

Как всегда, по утрам, он первым делом заглянул в кидобани² — в нем не было даже куска хлеба. Надо выпечь хлебцы — вот-вот чабаны пригонят сытых овец, а сами придут с волчьим аппетитом, злые от голода, и вопрошающе глянут на деда Иорама. Он и выложит им свежеспеченные хлебцы, да сыру молодого нарежет. Это и есть весь завтрак чабана.

Иорам снял со стены гоби³ и покачал головой — на дне его присохло тесто. Вчера вечером сворачивали хинкали⁴ и забыли потом соскрести тесто. Эх, и это оставили на деда! С той поры, как ему запретили сопровождать овец, никто в бине и пальцем не пошевелит. И про очаг забыли — весь полон золы, дровами не запаслись. Хотя бы хворосту натаскали эти окаянные, что у них руки отсохли бы, что ли?

Старик вспомнил, что во дворе валяется огромное бревно. В прошлом году, в ту, недоброй памяти, зиму, когда овцам пришлось худо и Иорам вернулся из города, на помощь чабанам пришли люди из МТС. Они-то и приволокли трактором дубовый ствол с берегов Иори.

С того времени валяется ненужное никому бревно во дворе овчарни. Взяв топор, Иорам впервые внимательно присмотрелся к бревну. Жалко было пускать его на дрова. В овчарне прогнила балка и из этого дуба можно вытесать отличный брус. А бревно уже замшело и травой заросло. Возле утолщенного конца его горит, словно свеча у изголовья гроба, желтая ромашка.

Нет, не стоит портить дуб, хорошая балка из него выйдет. Иорам только пообрубаёт его топором осторожно, чтобы добыть немного щепы для костра. И этого будет достаточно.

Старик долго мучился, но ничего не смог сделать с затвердевшим от зноя и непогоды бревном. Оно сопротивлялось, словно живое, и Иорам злился, ожесточенно рубил его топором, что-то бормоча себе под нос. Чувствовалось, что он сердит не только на бревно.

Иорама больше всего обижала та страшная перемена, которая

¹ Саркал — главный чабан.

² Кидобани — сундук для хранения хлеба.

³ Гоби — деревянное блюдо для замешивания теста.

⁴ Хинкали — род пельменей.

произошла в его жизни. Вот-вот овец поднимут для перегона на летние пастбища, а Иорама на Триалети не берут. Об этом ему уже сказал Тариман, прибавив: тебя, дескать, бережем, жалеем старого, не сможешь шагать по дальним дорогам.

Как будто ласково сказал. Но не нужно мне такой ласки! Что стоят одни пустые слова? У этих ребят сила буйвола, а пальцем шевельнуть поленились, одной связки валежника не захотели принести из лесу. Старик больше всего обижен на Таримана. Это он оставляет его здесь. Ну и что из того, что Тариман — саркал, кстати, его теперь бригадиром называют, а не саркалом. А что из того? Какой толк в названии? Кем хотят, тем пускай и называют. И все-таки нет у Таримана необходимой расторопности, вялый он, неповоротливый. Через неделю они должны отправиться в горы, а стрижку овец еще и не начинали. Когда же успеют, о чем думают, чего ждут?

Но разве старик обижен только на Таримана? Еще больше обидел его председатель колхоза — Нико. Ребятам он дал полную волю, а Иораму сказал: ты, мол, теперь полежи на боку в тени ореха, отдохни. Да и не только на Нико, на жизнь в обиде Иорам. Он в обиде на годы, отнявшие силы у его ног и рук, на годы, которые похитили его ловкость и сноровку, словно пустив их по течению Иори.

И это проклятое бревно тоже душу его вымотало. Иорам сердился на него, словно на упрямого и непослушного человека:

— Ах ты, окаянное! Состарился Иорам, да? А вот увидим, коли состарился! На тебе, на! — и со злостью рубил дуб топором, — вот тебе еще! — Иорам на секунду остановился, перекинул топориче из руки в руку и ответил сам себе вместо бревна:

— Конечно, состарился, молодым себя считаешь, что ли?

Из Иорского ущелья подул прохладный ветерок, обдав лицо старика острым, родным и знакомым запахом авшани. Это был запах самих волн Иори, смешанных с ароматом земли. Иорам стоял, будто одурманенный. Его зеленоватые, словно неспелый грецкий орех, полные печали глаза, засветились. Старик бросил топор и посмотрел на раскинувшиеся перед ним заросли.

Вдали, по ту сторону реки, возвышались зеленые горы Чобан-дага, закрывшие долину от мира. Иори отсюда не было видно, река словно спряталась за прибрежными зарослями. По этому берегу тянутся луга, поросшие авшани. Оттуда и доносится пряный аромат.

— Иди, говорят, домой. А разве там подует этот ветерок, разве принесет он туда этот блаженный запах авшани, барбариса и пшати¹? Никуда он не пойдет, и шагу не сделает. На кого он оставит все? Ведь Иорам следит и за ягненком и за овцой, и за яловой и за дойной, и за старой и за молодой. Иди, говорят! вспомните вы деда Иорама, когда трудно придется!

Только сейчас Иорам заметил, что невольно думал вслух.

И этим уже стал страдать последнее время! Опечалившись еще больше, старик схватился за топор. Желая наверстать потерянное время, Иорам замахнулся изо всей силы.

Остро отточенный топор чуть срезал кору бревна и скользнул к ноге старика, словно готовая укусить злая собака. Иорам смутился и бросил топор — не дай бог, кто-нибудь увидит его и покачает головой — гляньте, Иорам совсем состарился, одряхлел, бедный.

На просторном дворе никого не было; старик облегченно вздохнул и отер шершавой рукой пот со лба. Нет, не одолеть ему бревна. Иорам

¹ Пшати — дерево с душистыми цветами и мучнистыми плодами.

присел на пень. Он смотрел вдаль ничего не видящими глазами. Изборженное морщинами лицо его выражало глубокую задумчивость.

Нет, хватит, больше уж не обмануть Иорама — ведь он однажды познал такую горечь, оставив эти места. Ошибся тогда, и это ему наука. Он послушался в тот раз своего сына Левана, чуть ли не силой забравшего отца в Тбилиси.

Старик не впервые был в Тбилиси. Сколько раз приходилось ему, перегоняя отары на зимние пастбища и обратно, проходить по окраинам города. И каждый раз старик, бывало, заглянет на квартиру сына, проводит малышей. Лишь последние годы он не бывал у сына. И когда Иорама навсегда поселили в квартире Левана, он не выдержал, затосковал, хотя и сын, и невестка, и внуки — Мито и Ламара окружили старика теплой заботой.

* * *

— Ламара, это телефон или у дверей звонят? — слышалось из кухни, и в коридор выглянула худощавая женщина средних лет.

— У дверей, мама! — ответил детский голос.

— Погляди, кто там, генацвале, — и женщина вернулась в кухню.

Из комнат выбежала длинноногая, угловатая девочка лет четырнадцати, сломя голову бросилась по коридору, отодвинула задвижку, открыла дверь и остановилась удивленная. Приехал отец, а с ним высокий, худой старик с лицом, изборожденным морщинами, и с обвисшими белыми усами; из-под густых седых бровей на девочку смотрели грустные глаза.

— Кто это был, Ламара? — снова слышался из кухни женский голос.

Не получив ответа, женщина направилась к дверям.

— Что, дочка, не узнаешь дедушку? — спросил Леван девочку, неподвижно стоявшую у отворенных дверей.

Ламара, наконец, узнала своего деда, которого видела очень редко. Девочка помнила, — когда она была еще совсем маленькой, — дед привез и подарил ей красивого ягненка. Потом в доме много раз вспоминали дедушку — сколько она слышала о нем! И все же, обычно смелая и бойкая, девочка застенялась.

Ничего не видела Ламара: ни отца, стоящего здесь же в коридоре, ни матери, вышедшей из кухни и вытиравшей руки о передник, чтобы встретить свекра, ни дворника, поднявшего по лестнице тяжелые хурджины¹. И снова услышала голос матери:

— Ламара, да пропусти же их! — и Нелли обратилась к старику: — Как доехали, папа? Разве можно так забывать нас? Вот видите, ребенок даже не помнит вас.

Все вошли в комнаты. Вскоре Леван побежал на работу, а Нелли хлопотала на кухне. Оставшись вдвоем со стариком, Ламара стала смелее и разговорилась со своим старым дедом. «Смотрите, оказывается, помнила, любила меня», — подумал Иорам и сморщенное лицо его осветилось тихой улыбкой.

Скоро вернулся из университета и Мито. Он сердечно и ласково поздоровался с дедом, расцеловал его и даже предложил ему папиросу; однако старик покачал головой — не курю, дескать.

Вечером, когда к ужину собралась вся семья, началась та обычная общая беседа, в которой каждый высказывает свои впечатления от прошедшего дня. Ламара в который раз уже рассказывала о том, как срезался по истории какой-то ее одноклассник, затем занялась книжкой,

¹ Хурджин — ковровый мешок для переноски вещей.

отец и сын — Леван и Мито сперва беседовали о футбольном матче, расходясь в оценке отдельных игроков, потом сели за шахматы. Нелли продолжала хозяйничать на кухне. Начав накрывать на стол, она увидела, что старик сидит в сторонке и уже дремлет.

— Как это вы деда одного оставили! — упрекнула Нелли мужа и детей.

Все вновь придвинулись к Иораму. Заговорили о деревне. Леван стал вспоминать знакомые ему с детства иорские берега. Это больно укололо сердце старика. Как раз в эту минуту он думал об иорских пастбищах, и сын словно заглянул ему в душу.

Поужинав, все легли спать.

Долго не мог заснуть Иорам, кряхтел, поворачивался с боку на бок. Лежать на мягкой постели было непривычно, да и мысли печальные одолевали.

Иорам заснул поздно, но утром проснулся раньше всех. После завтрака Леван ушел на работу, Мито — в университет, Ламара — в школу, а Нелли — на базар. Старик остался один и с тоской подумал о том, что ему уже не надо никуда торопиться.

Так было один день, второй, третий...

И тогда Иорам понял, что без дела он жить не может. Попросил сына найти ему какую-нибудь подходящую работу. Леван стал искать отцу службу, и спустя неделю старый саркал был сторожем обувной фабрики.

Стоял Иорам в воротах фабрики и проверял всех входивших и выходивших.

Легкое было дело, но старику оно давалось с трудом, хоть ему и дали тысячу наставлений, из которых главное было — не впускать никого из посторонних, следить, чтобы никто не вынес с фабрики кожу. Но могли ли старик позволить себе проверять чьи-либо карманы? Он верил чести и совести каждого человека.

Вскоре из закройного цеха пропал кусок кожи. Поднялся переполох, началось следствие, виновников не смогли найти и, в конце концов, на Иорама подали в суд, заявив ему, что он проворонил воров.

Врагу не пожелаешь того, что пережил старик.

Каждый раз, как Иорам вспоминает тот день, его пробирает дрожь, и он, тряхнув головой, отгоняет назойливые воспоминания. Но они не покидают его, снова и снова упрямо стоят перед его глазами, мучают и терзают...

Какой это был нелепый день! У старого майдана, близ базара, толпилась масса народу, словно люди специально пришли посмотреть на старика, словно они знали, что он с повесткой в кармане идет в суд. Иорам шел и смотрел вниз, себе под ноги — чтобы никого не видеть. Только раз поднял голову, и то в глаза ему бросилась Метехская крепость, стоящая высоко на скале. «Кажется, там теперь уже нет тюрьмы», — подумал Иорам.

Старик поднялся по лестнице суда. Это была не лестница, а Голгофа! Когда Иорама пригласили в зал, он сперва ничего не разглядел вокруг, потом туман словно рассеялся и старик увидел судью: какая-то молоденькая девушка сидела в огромном высоком кресле. Казалось, что кто-то исполнил каприз заупрямившейся девочки и посадил ее в кресло взрослых. Слева от нее сидел морщинистый, подобно Иораму, старик, справа — какая-то женщина средних лет. Девушка наклонялась то к одному, то к другой и что-то им шептала.

Старого Иорама усадили тут же, в стороне, на длинную скамейку.

Эх, прославленный саркал! Что произошло с тобой? До какого ты дожил дня, неужели все это стряслось с тобой или, может, кто-то другой сидит на скамье подсудимых? Не лучше ли было для тебя, старик, умереть

тогда, в тот страшный ливень, когда поток земли и песка унес и овец и чабанов? В тот день чабаны утонули, и река унесла их далеко, выбросив трупы только близ Бахтриони.

Слеза покатила по сухой морщинистой щеке старика. Кого он оплакивает? Тех парней или себя? Он вытер глаза рукавом шинели и снова посмотрел на судью. Почему эта девушка так пристально смотрит на него? Наверное она заметила его слезы и удивилась им.

Эх, старый, может было бы лучше, чтобы оказался верным слух, когда-то разнесшийся по селу, — в Триалетских горах убили Иорама, напали грабители на отару, угнать ее захотели и распороли кинжалом живот чабану. Иорам был тогда молодым парнем, только женился. Когда жене его — Маро принесли черную весть: — Иорам твой лежит в горах непогребенный и даже буркой не укрыт, — она оседлала коня и поскакала в сторону Триалети. «Если жив он еще, — думала она, — пусть умрет на моих руках, а если мертвый, ведь не безродный же он, — похороню его». А об этом ты тоже вспомнил, Иорам, в трудную минуту? Маро ведь всегда, пока жива была, думала о тебе; что же с тобой произошло, что заморозило твое сердце, почему до сих пор ты не вспоминал о жене?

Иораму вспоминается и тот день, когда Маро прискакала к нему, в Триалети. Он лежал раненый, и жена появилась над его головой неожиданно, словно звезда, взошедшая из-за Абульской горы. Ее лучистые глаза были полны слез. Подобных глаз не было в мире. Их можно было сравнить разве что с цветами, растущими в лесу на берегах Иори.

На глазах у старика снова появились слезы. Хотя бы их никто не заметил!

Иорам не слышал ничего. Вот спросили его имя, фамилию, упомянули и тот проклятый кусок кожи. В зале вдруг зашумел кто-то: два чабана, нивесть откуда взявшиеся, разговаривают так громко, словно находятся на иорских лугах. Откуда они тут? И вдруг Иорам вспоминает, что неподалеку расположена заготовительная контора. Пастухи, наверное, пригнали для сдачи овец (сам Иорам как-то раз пригонял сюда откормленных баранов), прошли оттуда на базар, заметили Иорама и не вытерпели, пошли за ним.

— Слушай, Гио! — Иорам услышал удивительно знакомый ему говор. — Не узнаешь старика?

Только этого не хватало Иораму — он молил бога, чтобы ни одного знакомого не оказалось здесь, и на тебе! И тут судьба не пожалела его. Где он мог слышать этот голос? И Иорам слышит басок второго чабана:

— Слушай, да не Иорам ли этот старик? — но пастух тут же усомнился: — Нет, откуда здесь быть Иораму?

— Это он, не слышал разве, как его имя назвали?

Судья позвонила и пригрозила чабанам, что удалит их из зала. Они на минуту умолкли, но теперь смотрели уже на судью колючими, злыми глазами.

— Слушай, Гио! — снова услышал тот же голос Иорам, — узнаешь судью? Это же Дзидзилаантова дочка! Помнишь, отец ее Михако говорил: «Моя дочь в городе, судья она».

Второй чабан присмотрелся к судье и ответил так громко, что было слышно на весь зал, цедя по слогам:

— Она же сама выросла в крестьянской мазанке, неужто не знает, что саркал не укрыл бы воров.

Иорам не слушал судью, его вниманием и слухом завладели чабаны, словно от них зависело решение его судьбы, словно в сгустившейся тьме засиял какой-то светлый луч. Лицо старика осветилось надеждой. Но он снова услышал ехидный и насмешливый голос первого чабана:

— Зарядил ты тоже — в крестьянской мазанке. Дай бог мне столько счастья, сколько неблагодарных выросло в той мазанке. Не помнишь, как говорят у нас: — Сирота, кого ударишь? — Того, кто меня вырастил! — Так, брат, этот мир устроен.

«Да, пожалуй, правда это» — мелькнуло в голове Иорама, и столь внезапно засиявший ему луч надежды снова погас. Душу его опять окутала тяжелая тьма.

И Иорам ничего больше не слушал, не знал, к чему приговорили его. Но почему судья так смотрит на него? Чему обрадовались чабаны? Чего смеются они, когда надо плакать? И почему народ загомонил? С чем его поздравляют, уж не хотят ли совсем свести с ума старика? Обманывают, что ли? Что за чертовщина? Но вот к нему направляется судья. Иорам не понимает ее слов, хотя девушка, кажется, говорит по-грузински: «Дедушка, ты можешь идти!»

Подходят к нему и чабаны. Иорам стоит, словно очумелый, и не может произнести ни слова. Сердце его усиленно колотится. Он где-то видел этих пастухов, но где? На Триалети, Иори, Тарибана? Может, память изменяет ему? Наверное знаком только их облик, неизгладимые следы жаркого иорского солнца и сумасшедшего ветра на их лицах. Да, наверное, они тамошние. Среди тьмы людей можно узнать чабанов с берегов Иори. Потому-то они и кажутся ему знакомыми. Однако откуда они знают его имя?

Тот чабан, которого товарищ называл Гио, пожал Иораму руку и сказал:

— Иорам, как ты можешь быть здесь, когда там у вас овцы гибнут?

Старик на мгновение забыл про свою недавнюю беду, у него вдруг промелькнула мысль — значит, право было сердце, когда приказывало мне остаться на Иори. И он испуганно спросил:

— Что случилось?

— Ваш председатель не пошевелил и пальцем, когда надо было, — ни сена не свез к Иори, ни овса. Сейчас пришла адская зима и все чабаны в таком положении! Не знают, что делать! Тариман написал председателю: Нико, овцы, мол, погибают, и знай — все мы бросимся в водовороты Иори. Пусть тогда грех падет на твою душу — и за овец, и за наши семьи.

Словно свинцовая пуля, ударили эти слова в сердце старика. Нет, теперь уже ни одного дня он не останется здесь, пусть в воротах фабрики ставят кого хотят, а Иорам нужен там, на Иори.

Чабаны попрощались с Иорамом и вышли из здания суда. Они отправились по своим делам, а старик опять остался наедине со своими мыслями.

«Нет, я должен вернуться!» — И когда Иорам принял это решение, на сердце у него опять стало легче.

Суд закончился, но Иорам не спешил уходить. Он неторопливо сошел по той лестнице, по которой недавно поднимался, будто на Голгофу, и остановился у дверей — хотел повидаться с судьей.

Старику пришлось ждать долго. Подмораживало, но старые кости Иорама уже не чувствовали холода. Снежинки сыпались ему на лицо и тут же таяли. Он вновь провел рукавом шинели по лицу, но вытирал уже не слезы.

Наконец показалась судья. Увидев, что она одна, Иорам осмелел и пошел навстречу девушке, которая издали улыбалась ему.

— Откуда ты меня знаешь, дочка? — спросил он.

— Я не знаю тебя, дедушка, — медленно ответила судья.

Иорам не ожидал такого ответа.

— Так ты, значит, не знала, что я... — Старик не смог договорить. Он хотел сказать: «Не знала, что я невиновен».

— Знала, дедушка, знала, — сказала девушка, — суд всегда правду знает... А ты разве не слыхал, как чабан, что в зале сидел, упрекнул меня—она, мол, в крестьянской мазанке выросла. Что он хотел сказать этим?

Иорам воскликнул:

— Счастливы должны быть родители, вырастившие такую дочь! А чья ты, доченька?

Девушка залилась румянцем. Ей, только год назад закончившей институт, было радостно слышать похвалу. Но она сдержала себя и промолвила:

— Не благодари меня, дедушка.

Однако старик не отставал от нее, он помнил, что чабаны узнали судью и снова спросил:

— Скажи мне, дочка, откуда ты?

— Ипнисхевская я, дедушка, о Михако Дзидзилашвили не слыхал? Я его дочь. Наш дом на краю села стоит.

Иорам задумался: он бывал в Ипнисхеви, но Михако вроде не знал. Правда, ему смутно помнилось, как однажды кто-то зазвал его к себе в дом — на краю села это было — и угостил водкой и инжиром. Возможно, того человека и звали Михако Дзидзилашвили. Во дворе еще бегали две девочки, совсем крохотные. У одной брови были такие же вот, как у судьи. Старик очнулся от голоса девушки:

— Я не знаю тебя, дедушка, но, скрывать не стану, имя твое слыхала.

Сердце Иорама чуть из груди не выпрыгнуло. Словно вернулись к нему молодость, сила и гордость. На улицах слякотно, сыплет снег, а Иорам не мерзнет. Сердце его обогрелось и ему кажется, что на небе светит солнце.

Что ей сказать, этой девушке?

— Слава богу, что весы правосудия в таких надежных руках! Пусть бог благословит грудь женщины, тебя вскормившую! Родная ты моя!

Прохожие на секунду остановились, с удивлением глядя, как высокий, с виду деревенский старик поцеловал девушку в лоб.

Прохожие пожимали плечами и шли своей дорогой, улыбаясь так, как улыбаются нечаянные свидетели чужой радости.

* * *

Расставшись с судьей, Иорам зашел на фабрику, взял расчет и отправился домой. Старик не шел, а летел по улицам, словно у него выросли крылья. Радостный, возбужденный, благодарный всему миру, Иорам был счастлив — сейчас он увидится со своими домашними, не ведавшими, что стряслось с ним, и все, все расскажет, с начала и до конца. А потом соберет свои вещи — и в дорогу.

Еще немного, и он будет дома.

Но вдруг Иорам подумал о том, что сын ни за что не отпустит его. Опять начнутся эти разговоры: «Отдохни, хватит тебе, состарился...»

Нет, домой ему заходить нельзя.

Старик стал идти медленнее, потом остановился, подумал и, подсчитав, что денег, полученных при расчете, на дорогу до села хватит, подошел к троллейбусной остановке.

Приехав на вокзал, Иорам купил билет на поезд. До отхода его было часов пять. Старик сперва прохаживался по широкому залу, а затем присел на скамью.

В зале было тепло. Усталый, измученный переживаниями, Иорам

заснул. Последнее, что он слышал, был плач грудного ребенка, которого убаюкивал сидевший напротив мужчина. Мать, видно, ушла куда-то, а отец не мог успокоить младенца.

Потом ребенок затих. И старику почудился какой-то странный звук — словно заблеяли тысячи ягнят. Откуда это блеяние? Откуда взялись здесь ягнята? И разве могли сейчас, среди зимы, окотиться овцы?

А блеяние все слышнее, и на него нельзя не обратить внимания. Неужто ему снится все это? Нет, ягнята кричат все сильнее, словно зовут его: «Почему ты ушел от нас, Иорам?»

Если не веришь ты ушам своим, старик, то хоть глазам поверь! Вот луг, усеянный барантой. Луна озаряет землю с небес, и от бледного лунного света земля окутывается дымкой тумана, серебрится, словно белое море.

Куда же исчезли чабаны? Кто посмел бросить на произвол судьбы эти отары? Да, не ошиблось сердце, зовущее его на Иори! «Куда вы запропастились, бездушные?» — ругает Иорам чабанов, бредя среди огромной отары. Он ищет чабанов, но не видит и следов человека.

Иорам осматривается еще раз: перед ним высятся Чатмские горы. Оттуда слышится волчий вой. Иорам прислушивается к нему, и — о, чудо! — он понимает, о чем воет волк:

«А-у-у, ребята, а-у-у... Грызущий, Черномордый, Серый, собирайтесь, братья-а-а! Чабаны бросили отары, они собираются на горные пастбища, прощаются с этими местами и кутят, а бараны остались без присмотра. Никого кругом не видать. И собак нет. А-у-у, все сюда-а-а... Я сам поведу вас!»

Ах, вот почему нет чабанов. И Иорам видит: вдали на маленькой лужайке пируют чабаны — произносят заздравные тосты, едят баранину и бросают кости овчаркам. А проклятые псы рычат, грызутся друг с другом из-за костей. Лишь одна старая овчарка не лезет в драку, стоит в стороне и, услышав волчий вой, отвечает зверю: «Я состарилась, но не дала тебе утащить и одной овцы из моей отары! И теперь не дам!»

Иорам узнает собаку — это Кесара.

— Что сможет сделать одна старая Кесара? — забеспокоился Иорам, прикрикнул на овец, собрал их и сам стал охранять отару.

Показались волки. Чабаны спали непробудным сном, а Иорам и старая Кесара словно помолодели. Они бегали вокруг отары и так стерегли ее, что волки не добыли даже уха ягненка. А чабаны все спали. Лишь в полночь, когда Иорам выстрелил во взбешенных зверей, проснулся бригадир, повскакали и другие чабаны, окружили дедушку Иорама. «Как ты вовремя пришел, — говорили они, — благослови тебя бог, без тебя мы бы все погибли».

Но разве есть на свете благодарность? Собрались чабаны в дорогу, а старика с собой брать не хотят. И овчарку Кесару не берут, ту Кесару, которая вместе с Иорамом сражалась с волками. Бригадир кричит:

— Ну, ребята, двинулись! — потом перекликается с кем-то из чабанов, — хорошей собакой была Кесара, но если взять ее на Триалети, не дойдет, отстанет в пути, мучиться будет, еще собаки загрызут. Жаль, если сдохнет так! Шени чириме¹, пожалей собаку, отведи ее в сторонку и пристрели из ружья.

— погоди, сынок, — останавливает Иорам бригадира, — погоди, дорогой. Не убивай. Подарите мне эту собаку.

Бригадир отвечает:

— Подарим, но с условием: чтобы хорошо за ней смотрел.

¹ Шени чириме — ласковое обращение.

...Сон Иорама вдруг оборвался. Он протирает глаза: рядом с ним, на скамье сидят Мито и Ламара. Мужчины с плачущим ребенком уже не видно. А Мито говорит Иораму:

— С трудом нашли тебя, дедушка. Мама и папа по больницам ищут. А я угадал, что ты сюда придешь. Почему ты не вернулся домой? На что обиделся?

— Ты не должен уезжать, дедушка, — говорит Ламара. Глаза ее полны слез.

Иорам молчит.

— Пойдем, дедушка, — просит Мито, — пойдем домой, нас машина ждет.

— Нет, мальчик, я должен вернуться к себе, — Иорам вспоминает свой сон, — плохие сны я вижу что-то. Не хочется здесь умирать, отпустите меня домой.

— Мы обидели тебя, дедушка, да? — не унимается Мито.

— Нет, мальчик, меня никто не обижал. Чтоб ты был всегда счастлив так, как я у вас. Но мне беспокойно, я должен вернуться в деревню.

— Я не отпущу тебя, — воскликнул Мито и обнял деда. У Иорама радостно застучало сердце — значит крепко любят его. И эта любовь, которую он вновь ощутил, дала старику силу ответить:

— Отпусти меня по своей доброй воле, мальчик. Я здесь не выдержу. Отпусти меня, Мито, неужто ты хочешь удержать меня насильно?

Мито, скорее чутьем, чем разумом понял своего деда, кивнул головой и сказал:

— Твоя воля, дедушка. Об одном прошу — не ходи больше на Иори, ведь и за домом в деревне присмотреть надо.

Мито и Ламара посадили деда в вагон и простились с ним.

* * *

И опять вспомнилась Иораму та зима.

Когда поезд спустился с перевала на кахетинские поля, покрытые высоким снегом, опытный чабан понял, как тяжело приходится овцеводам на Иори. Добравшись до пастбищ, он убедился, что чабаны, встреченные им в суде, не обманули его.

Какой страшной была эта зима! К чему только не прибегал Иорам, чтобы спасти овец. Тогда старик почувствовал — нет, жизнь его не кончилась, он еще нужен на Иори. А теперь дела у Таримана идут отлично, и он не нуждается больше в старом Иораме.

Эх, разве время обо всем этом думать, — скоро вернутся чабаны, а Иораму нечем накормить проголодавшихся ребят.

Может, он действительно не нужен им тут, может быть, так же бесполезен, как это бревно, он — когда-то опытный саркал?

Старика вывело из глубокой задумчивости гудение автомашин. На грузовиках привезли продукты и снаряжение для перегона овец.

Иорам бросил возню с бревном, подошел к забору и уставился на машины.

* * *

— Эй ты, буйвол, осторожней! Проклятый, едешь, как ошалелый! — заорал Тариман, и шофер еле успел затормозить машину. Грузовик чуть не врезался в группу ягнят, белыми ромашками рассыпавшихся по полю и обочинам дороги. Увидев, что все обошлось благополучно, Тариман окинул ленивым взглядом кузов трехтонки, нагруженный снаряжением, одеж-

дой и тысячью разных мелочей, так необходимых чабану в его полном трудностей пути.

Бригадир перевел взгляд на кабину, откуда ему улыбался шофер — балагур и шутник, друживший со всей деревней.

— Здорово, Тариман! Как поживаешь, дорогой? — кивнул головой шофер и, поглядев на ягнят, спросил: — Чего вы их так рано от маток отвадили?

Тариман нахмурился и хотел было резко осадить шофера, но заметил, что крохотный ягненок выбрался на дорогу и стал так жадно и в то же время так опасливо есть землю, словно знал, что этого делать не полагается, а справиться со своим желанием не мог.

— Что ты делаешь, непутевый? Чтоб тебе не вырасти больше! — рассердился Тариман на ягненка, будто на непослушного ребенка, поднял на руки и обтер ладонью его розовые, выпачканные землей губы.

— Ну, что ты хочешь? — повернулся Тариман к шоферу.

— Я говорю, рано оторвали ягнят.

— А кто тебя спрашивает, рано или не рано?

— Как кто? Вы же в горы идете, в дальней дороге ягнят замучаете. Кто их потом везти будет, не я, что ли?

— Не беспокойся, на спине тащить тебе их не придется. Ты мне лучше скажи, почему опоздал? Агрегат когда привезут?

— Машина МТС сзади идет, она везет, — шофер опять поглядел на ягнят, — а они ничего, здоровые... — Потом снова, как заговорщик, улыбнулся и подмигнул Тариману: — Бухгалтер мне перед отъездом сказал: попроси от моего имени Таримана, пусть ягнят осмотрит, может найдется какой негодный или с ногой сломанной...

— Можете себе и ногу, и шею тоже сломать, ты и твой бухгалтер! — не дал договорить шоферу Тариман.

— Чего это ты так, братец?

— Убирайся отсюда! Только и смотришь, где что плохо лежит. Знаю, какого поля ягодки вы с бухгалтером! Зачем так рано оторвал ягнят, тоже мне еще! — видно было, что Таримана самого беспокоил вопрос, который ему задал шофер. — Потому оторвали, что твой бухгалтер правильного счета, как чумы боится. Осенью так насчитал, что весь сыр распределил. А теперь доказывает, что, мол, трактористам молодой сыр нужен. Что же мы можем сделать? Взяли и оторвали ягнят от маток. Вишь, и тебя насчет ягненка подучил...

— Слушай, я ведь не для ссоры сказал. Ну, может есть какой никудышный...

— Сам ты никудышный! — обозлился Тариман, — езжай, езжай! — и махнул рукой по направлению к овчарням.

Шофер пробормотал что-то и плюнул с досады. Так как возразить сердитому бригадиру ему было нечего, он дал протяжный гудок, хотя ягнята давно сошли с дороги. Но только шофер тронул с места машину, Тариман опять остановил его:

— Постой, Шалико! Когда возвращаться будешь в деревню, старика прихвати с собой, в кабину посади.

— Какого старика? — удивился шофер.

— Да Иорама. Забыл что ли его?

— Заболел он?

— Нет, но не может уже... Не сможет идти в горы. Жаль его. Да и нужды особой нет. Пусть отдохнет. Он, правда, и слушать не хочет. Но что делать, не умирать же ему в пути.

— А... он поедет со мной? — недоверчиво спросил шофер и вновь, как сообщник, улыбнулся Тариману — хотел, видно, загладить ссору.

— Надо отвезти как-нибудь, другого выхода нет.

— Ладно, отвезу, — заверил шофер, и грузовик загрохотал к овчарням.

В конце дня эта машина увезла Иорама в деревню...

* * *

Иорам насупившись вошел в свой опустевший дом.

Здесь ему стало еще тоскливее, ни к чему сердце не лежало. Взял в руки нож, построгал палочку. Думы сменяли одна другую. Дома ему не сиделось. И в этом не было ничего удивительного — всю жизнь, сколько помнит себя Иорам, домой он приходил гостем. Летом находился в Триа-лети, зимой — в Ширвани или на зимних пастбищах на Иори. Эта полу-дикая жизнь отучила его от деревни, от постели, даже от хлеба, которому он предпочитал лепешки.

Когда надоело сидеть во дворе, старик вошел в дом, но и тут не нашел себе места. Снова выбрался во двор, долго ходил взад и вперед. Потом решил сходить к председателю колхоза.

Настало время ужина, когда Иорам вышел из дому и медленно зашагал по улице. Никто не встретился ему по дороге. Подойдя к калитке председателева дома, Иорам, по обычаю чабанов, еще издали позвал хозяина, словно остерегался овчарок.

Председатель отворил калитку, прикрыл глаза от лунного света ладонью и спросил:

— Кто это там?

— Это я, Нико, — Иорам.

— Ах, это ты, дед? Что же ты издали зовешь? Заходи, дорогой.

Нико обнял старика и повел в дом.

В комнате стоял накрытый стол. За ним сидел Михо. Впрочем, его уже Михаилом кличут. Неудобно, мол, агронома Михо называть.

Председатель, пользуясь своим положением, не стал соблюдать принятого почтительного обращения к старшим по возрасту и шутливо сказал Иораму:

— Тебя, видно, теща любит¹, дедушка. Успел вовремя.

Агроном посмотрел на хмурое лицо старика и понял, что его мучает что-то. Пытаясь рассеять печаль Иорама, он весело воскликнул:

— Не время печалиться, дед. Погляди, какой стол накрыт!

А Нико наполнил стакан вином и поднес его Иораму.

— Знаю, ты так просто не зашел бы. Выпей, а потом поговорим.

Старик медленно выпил вино и уже более спокойно проговорил:

— Я не могу больше, Нико. Одинок я, сынок, тоска меня одолевает. Найди мне хоть какую-нибудь работу.

— Ко мне иди, — вскочил с места агроном, — Нико, поручи деда мне, а?

Иорам с недоверием покосился на Михаила и снова обратился к председателю:

— Пошли меня в поле работать, дорогой.

— В поле, — протянул Нико, — а что ты будешь делать?

— Не знаю. Подыщи мне что-нибудь.

— Иди ко мне, дед, на берега Алазани, — Михаил бросил взгляд на председателя.

Иорам решил, что агроном оговорился и радостно поправил:

— На берега Иори.

¹ Шутливое обращение к гостю, немного запоздавшему к началу трапезы.

Нико рассмеялся:

— Что ты, дед, что ты! Про Иори забудь. Там тебе уже не бывать; а вот на Алазани работы у нас идут большие. Приходи ко мне с утра. Я сам тебя отвезу туда. Настоящую, хорошую работу дам, как раз для тебя будет. В самый раз.

«Что у них еще за работы идут на Алазани?» — с недоумением подумал Иорам, но ничего не спросил больше. Он верил, что председатель плохого не посоветует, да и кроме того Нико вновь протягивал ему стакан, полный вина.

За столом просидели долго. На другой день, рано утром, Иорам пришел к председателю. Тот усадил его и агронома в свою «Победу» и повез на Алазани.

Алазанские берега походили на иорские. Иораму случалось бывать здесь, но давно — в те времена целина еще стояла нетронутой. А сейчас во всю ширь тянулась бахча. Вот дело и для Иорама нашлось — похаживай, поглядывай, будущий урожай стереги.

Старик остался один.

* * *

Подошел август.

Иорам потратил весь день на осмотр бахчи и лишь поздно вечером вернулся к шалашу.

— Слушай, Иорам, — спросил он сам себя, — ты не голоден?

И сам же ответил:

— Голоден.

— Тогда берись за дело, приготовь себе что-нибудь. Оставили же тебе продукты.

Поужинав, Иорам перекинул через плечо ружье «ижевку» и пошел в обход. Светила луна. При ее свете белые тыквы, синие арбузы и золотистые дыни казались ягнятами, прильнувшими к матери-земле и сосавшими ее грудь. Теперь их стережет Иорам. Он вернулся в шалаш, посидел немного, но не выдержал, выбрался наружу и осмотрел бахчу. Поглядел на арбузы и усмехнулся: они-то уж не уйдут никуда, не разбегутся, как овечки. Чего же ему бояться?

Старик долго бродил, наткнулся на кукурузное поле, вспомнил, что и кукурузу ему поручили охранять, и покачал головой.

Лишь поздно ночью Иорам заснул глубоким сном. Разбудил его волчий вой — такое же унылое, протяжное завыванье, какое приснилось ему на тбилисском вокзале. «Показалось», — подумал старик и повернулся на другой бок. Нет, он же не спит, а вой волков становится все громче. Так воет стая перед нападением. Иорам выскочил, схватил ружье и вышел из шалаша.

Луна плыла высоко над Алазани. Было светло, как днем, и Иорам не поверил своим глазам — на бахчу, словно на отару овец, напали волки. Совсем так же, как они задирают баранов, волки разламывали арбузы. Разгрызали, бросали и набрасывались на новые. Старый чабан никогда в жизни не видел ничего подобного. «Как они ухитряются раскалывать их пополам? — с изумлением подумал Иорам. — Хотя волки и буйволиные кости разгрызают, что для них арбузы!».

Старик вложил в ружье патрон с жаканом. Гулкий выстрел прокатился далеко по долине.

Разогнав непрошенных, давно знакомых ему гостей, Иорам вернулся в шалаш. Но не мог заснуть и то и дело выглядывал из шалаша.

Лишь на рассвете сон уморил его. «Дед, а дед», — услышал старик чей-то голос. Открыв глаза, он увидел стоящего над ним агронома.

Солнце уже выглянуло из-за Кавказского хребта.

Агроном привез с собой маленькие весы и стал, не срывая, взвешивать то один арбуз, то другой, что-то записывал в блокноте, а иногда качал головой — не хватает, мол, веса.

Иорам ничего не мог понять.

— Что ты делаешь, сынок? — спросил он удивленно.

— Работаю, дед, — рассмеялся агроном, — это научные наблюдения. Проверяю, как арбузы растут. По ночам они прибавляют в весе, а днем теряют. Понял?

Старик покачал головой.

Когда агроном уехал, Иорам с печалью подумал о том, что все для него здесь незнакомо и непонятно. Нет, надо старику уносить ноги отсюда подобру-поздорову, пока он не напутал что-нибудь, не накликнул на свою голову неприятностей.

На другой день машины приехали на бахчи за арбузами, но деда Иорама здесь не оказалось.

Когда Нико сказали, что старик исчез бесследно, всегда спокойный и уравновешенный председатель страшно всполошился и поднял весь колхоз на поиски Иорама.

Прошло пять дней, но не смогли напасть даже на след старика. Сообщили прокурору, телеграфировали в Тбилиси сыну Иорама.

Какой-то лагодехец¹ сказал, что он видел Иорама в Закаталах, — послали человека туда, но и там старика не нашли.

Искали старого чабана на пастбищах в Триалети — и эта попытка найти его оказалась неудачной.

Обнаружили у реки Нахширцкали кости, кто-то решил, что это загрызенный волками человек. Осмотрели кости, но они не были человеческими.

Дед Иорам исчез.

* * *

Все село переживало эту потерю, но больше всех были опечалены чабаны.

Осенью, когда отары двинулись с Триалетских пастбищ, Тариман шел молча, убитый горем. И чем ближе они подходили к Кахетии, тем больше у него ныло сердце.

Председатель, как всегда, встретил отары еще на полях ближней Кахетии. Это было его правилом — встречать чабанов в пути, далеко от села. Осмотрев овец и очень довольный их упитанностью, Нико подошел к Тариману, чтобы поблагодарить его. Но тот и слова не дал сказать председателю.

— Эх, Нико, что же вы наделали? Куда старика нашего девали?

Улыбка на лице Нико погасла, он отвел глаза и еле проговорил:

— Что поделаешь, Тариман! Весь свет перевернули. Сон я потерял, разве мне не жаль его!

— Чабаны наши на меня обижены — зачем не взял старика с собой, мы бы его, говорят, берегли пуще глазу.

— Жалел я старика, дорогой, потому и не отпустил с вами. А что, трава, видать, была хорошая? — переменял разговор председатель.

— Эх, что трава? Трава на Триалети не переведется.

¹ Лагодехи — название районного центра.

Отары пересекли местность Лакбисхеви и двинулись к Иорским пастбищам.

На второй день вдали показались Чатмские горы. Чабаны и овцы были уже на зимних квартирах.

Председатель и бригадир не спеша осматривали овчарню — прошлая зима многому научила их, и сейчас они хотели быть готовыми к самой суровой зиме.

— Молодец ты, Нико! — воскликнул Тариман, — я все переживал, что забыл сказать тебе о прогнившей балке. Гляди, а ты сам подумал об этом.

— Что ты несешь, парень, не понимаю, — удивился Нико.

— Как не понимаешь? Кто, кроме тебя, мог позаботиться о нас?

Председатель с недоумением глядел на бригадира.

— Эх, дорогой мой Нико, — продолжал Тариман, — не люблю хвалить людей в глаза, но должен сказать, что второго такого председателя не сыскать. Когда ты, брат, плетёнки изготовить успел?

Нико посмотрел на стену мазанки, точно не веря своим глазам, потрогал ее рукой и повернулся к Тариману:

— Что тут поделаешь, Тариман, не до вас мне было, брат. Такой урожай вырос нынче, прямо как море волновалась Ширакская степь. Кто тут помнил о твоих мазанках.

— Да кто же плетёнки заготовил?

— Ничего не понимаю. Когда-то, бывало, черти с лошадьми в поле играли, гриву так заплетали им, подумаешь — косы хорошенькой девушки. Но сейчас чертей уже нет, да если б и были, плетёнок они бы не делали — трудодней, мол, за это не начислят.

Тариман рассмеялся. Вдруг в голове Нико молнией блеснула догадка. Он заподозрил, что напал на потерянный след. Летом эти места безлюдны, и если ты хочешь скрыться, никто тебя не найдет. Умирать от жажды будешь, воды никто не подаст, умрешь — глаз некому закрыть.

Здесь, видно, и скрывался дед Иорам. Ведь не черти же в самом деле заменили в овчарне гнилую балку?

— Чего задумался? — спросил Тариман председателя.

Нико будто проснулся. Поглядел удивленно на бригадира и, не ответив ему, стал громко звать:

— Эгей-гей-й, Иора-ам!

Тариман вытаращил на него глаза, а председатель продолжал кричать:

— Эгей-гей-й! Ио-ра-ам! Где ты, дедушка-а?

Тариман вдруг понял все и тоже стал кричать. Из темного угла овчарни появилась какая-то тень, и знакомый голос спросил:

— Меня кличете, ребята?

— Дед, ты это? Жив?

— Иорам, дорогой, замучил ты нас совсем...

Тариман повернулся к Нико:

— Тоже сказал — весь свет перевернули. А сюда не догадались заглянуть?

— Да как мы могли додуматься? Сюда, в низовья Иори, летом ни одна душа не рискнет зайти.

Иорам посмотрел на Таримана:

— Сынок, оставь меня с отарой. Пожалей меня.

— Эх, дед, дед. Ведь не хватит у тебя сил дойти до Триалети.

— Что ты говоришь, дорогой? Дойду.

В овчарне было темно. Нико, все еще не веря, что он слышит голос Иорама, попросил:

— Выйди-ка, дед, на двор, хочу посмотреть на тебя при свете.

Лучи осеннего солнца ослепили старика. Он протер глаза руками и посмотрел в сторону Чатмских гор — небо синело так же, как и летом, и Иори оставалась прежней. Полупустынную землю охватило пламя багровых кустов желтинника.

Нельзя понять было — осень стояла на Иори или лето?

И усомнился Иорам — глубокий старик ли он, которому не под силу уже ходить дальними дорогами, или, как и раньше, — юноша?

кто шапку снял в молчании суровом
на кладбище Кукийском в хмурый день,
кто вспомнит доброй чашей круговую
и честь твою и дом непышный твой,
кто над твоею бедной головою
посадит бледный тополь молодой.

2

Любил я слушать в детстве раннем-раннем,
Как в горы он мальчишкой убегал,
как на австрийском фронте был он ранен
и был судьбой заброшен за Байкал.
Он весел был с деньгами и без денег,
с усмешкой говорил он о врагах,
и брюки не лоснились от сиденья —
ведь сорок лет провел он на ногах.
Неся арбуз, литой и полосатый,
походкою спокойной и прямой,
как из далеких стран усталый Саба,
он возвращался вечером домой.
На кухне сам он весело орудовал
и ставил в воду теплое вино,
а я смотрел, как выреза арбузного
алело треугольное окно.
Потом тетрадки школьные разглядывал,
потом большой чурек в руках разламывал,
вином его привычно поливал
и тихо «За Байкалом...» напевал.
А я «Байкалс икит» переводил...
Когда он пел, то он застенчив был.
Он тихо пел, а громче петь он мог.
Он пел, как будто голос он берег
для песни ненаписанной, другой,
но я и сам не знаю — для какой...

3

Я помню город, в дождь осенний канувший.
Мы ожидали с матерью отца.
Как мелкие настойчивые камушки,
дождь падал в таз у нашего крыльца.
Мне зонт вручен, и я к отцу бегу,
бегу и надышаться не могу
всем запахом блестящих мокрых крыш,
сырых заборов, лавочек, афиш.
И вот с отцом по улицам идем,
идем, обнявшись, под одним дождем.
Сгущается ночная темнота,
лишь светят капли по краям зонта...
Уж двадцать лет, наверное, прошло,
а дождь —
а дождь опять стучит в стекло.
Газетою накрывшись, не пройти,
но зонтик — зонтик некому нести.

Да,
нет, отец, тебя среди живых.
Ты растворился в струях дождевых.
Ты превратился в листья и траву,
во все, чем я дышу
и чем живу.

4

Вот мимо зданий, мимо палисадов
отцовскою походкою прямой,
немолодой, с арбузом полосатым
я возвращаюсь вечером домой.
Чтоб стало больше светлого, чем грустного,
я поднимаю темное вино,
и смотрит сын, как выреза арбузного
алеет треугольное окно.
Но все-таки бывает — душной полночью
остановлю летящее такси,
и еду к дому старому за помощью,
за помощью от бед и от тоски...
Я выйду, я сяду на старенькой лавочке,
где светятся в листьях неяркие лампочки,
и мир — он обступит зеленым дыханием,
шёпотом чьим-то, теней колыханием...
Он вдаль простирается
без конца,
в нем все повторяется —
кроме отца.

Маленькие РАССКАЗЫ

Авторизованный перевод с абхазского С. Трегуба

АФЫРХАЦА

У меня был сосед Хабыб Базба — прославленный по всей округе как очень сильный и мужественный человек, — начал свой рассказ Бамат Кове. — Жил он бедно. Пара буйволов составляла все его богатство.

Как-то ночью буйволы Хабыба выбрались незамеченными со двора, сломали забор кукурузного поля нашего односельчанина Калги Темыра и изрядно попортили молодую кукурузу.

Утром прогнал Темыр буйволов и стал всячески поносить Хабыба. Тому ничего не стоило смять маленького, щупленького Темыра, но он лишь время от времени говорил ему:

— Я понимаю тебя, Темыр.

Зато жена Хабыба возмутилась:

— Как ты можешь выносить такие оскорбления?! Потребуй хоть извинения!

— Ничего, — успокаивал ее Хабыб. — Пройдет время, и Темыр сам извинится.

Наступила горячая пора уборки урожая. В тот год осень была особенно дождливой. Все торопились как можно скорее кончить уборку.

В одно такое хмурое, дождливое утро, когда Хабыб и жена его Асят сели завтракать, к ним явился неожиданный гость: Калги Темыр.

— Ты прости меня, Хабыб, — сказал после первых приветствий Темыр. — Я погорячился тогда и наговорил много глупостей. Даже оскорбил тебя. Я раскаиваюсь. Недаром говорят в народе: «Пусть первая твоя мысль тебе останется, а вторая — мне». стыдно теперь за те слова, хоть и поздновато. Ты уж извини меня...

Хабыб и жена его Асят встретились глазами.

— Ничего, я тогда же простил тебя, — сказал Хабыб.

— Идите к столу, позавтракайте с нами, — радушно пригласила Асят гостя.

— Спасибо, мне некогда, — ответил Темыр, — третьи сутки в поле гниет под дождем моя кукуруза.

— Почему же так? — сочувственно спросила Асят.

— Не на чем привезти. Вот я и пришел к тебе, Хабыб. Одолжи нам буйволов.

— А это как скажет жена, — ответил Хабыб и, хитро улыбаясь, посмотрел на жену.

— Ну, конечно, — ответила Асят, поняв мужа, — дадим буйволов, арбу и сами придем помогать. — Так ведь? — обратилась она к мужу.

— В тот же день общими усилиями они убрали кукурузу с поля, — закончил рассказ Бамат Кове.

Среди слушателей был сорокалетний Таркил Джесиб. Он сказал:

— Того, кто отомстил вовремя, называют ахаца — герой. А того, кто мог отомстить, но воздержался, проявил великодушие к поверженному врагу и даже выручил его из беды, называют афырхаца, — герой героев.

Не каждому ахаца дано быть афырхаца.

НАХОДЧИВАЯ ЗАЗА

Нареченная невеста Мамсыра — Заза отказалась выйти за него замуж. Это вызвало в селе разные, неприятные для жениха, толки. Родственники и однофамильцы Мамсыра явились вместе с женихом к братьям Зазы и, угрожая им, стали требовать обещанную невесту. Братья растерялись. Но сестра выручила их.

— Я объясню вам причину моего отказа, — успокоила она пришедших. И, озорно улыбнувшись, обратилась к Мамсыру:

— Слово, данное тебе, я выполню только в том случае, если ты тоже исполнишь свои обещания. Мне известно, что ты обещал уже девяти девушкам жениться на каждой из них и ни на одной не женился. Так сперва женись девять раз, а потом уже приходи ко мне.

Заза гордо подняла свою красивую голову и скрылась.

Что было делать пристыженному Мамсыру? Он будто в рот воды набрал...

Все разошлись по домам, хваля находчивую Зазу и смеясь над опростоволосившимся Мамсыром.

ДРУЗЬЯ

Все село Кутоул уже спало.

Спал крепким сном и Колги Махаз со своей молодой женой, когда в двери хаты осторожно постучали. Махаз вскочил и, не одеваясь, подбежал к двери. Когда он открыл ее, то увидел, что у порога стоит человек. В темноте он не мог разглядеть его лица.

— Добро пожаловать! Заходи! — приветствовал он гостя. Хозяин хотел было вернуться в комнату, но гость остановил его:

— Это я — Беслан. Выйди во двор на минутку, у меня к тебе дело.

— Беслан?! — воскликнул обрадованно Махаз, узнав друга детства, — заходи скорей! Я сейчас разбужу жену.

— Нет, нет, не надо! Пусть никто не знает о моем приезде. Лучше, если и она не узнает. Я очень спешу.

— А что такое?

— Да ты сначала накинь на себя что-нибудь. Потом я тебе расскажу.

Махаз собирался войти в дом, чтоб одеться, но его остановил неожиданный скрип кровати. Хозяин и гость застыли в ожидании.

— Это жена повернулась на другой бок. Ты не волнуйся, она не проснется, — успокоил Махаз друга.

— Ради дружбы нашей, прошу тебя, — сказал Беслан, — если ты и не сможешь помочь мне в моей беде, ты хоть сделай так, чтобы никто не знал о моем появлении здесь.

— Хорошо, хорошо, — успокоил его Махаз. — Ты не волнуйся. Мне совсем не холодно, только очень уж неудобно стоять тут в одном белье. А теперь рассказывай... — и друзья отошли подальше от двери.

Махаз внимательно выслушал Беслана.

— Сделаю все, — сказал он, когда Беслан кончил. — Чего бы мне это ни стоило. Сейчас же поеду на твоём коне. А ты у меня подожди. Да, только вот что... Как одеться, чтоб не разбудить жену?

Оба задумались.

— Знаешь, что? — предложил Махаз. — Раздевайся скорей, а я надену твоё платье и поеду. А ты тихонько зайди — неподалеку от двери стоит кровать, ляг и жди.

— Хорошо, — согласился Беслан.

В одежде Беслана Махаз выехал на коне, а Беслан, в одном белье, бесшумно приоткрыл дверь. Он скользнул в неё, потом притворил — и тут дверь визгливо скрипнула. Беслан в страхе замер, но нет, ничего. Убедившись, что скрип не разбудил женщину, Беслан стал потихоньку передвигаться, нащупал в темноте кровать, приподнял одеяло — и лег, вздохнув с облегчением.

Но рядом с ним в постели кто-то зашевелился.

Беслан застыл в ужасе: неужели он ошибся и лег не на ту кровать, неужели рядом с ним, под одним одеялом, жена Махаза — молодая красавица Уша?! Дрожь охватила его. Что делать? Вскочить? Бежать? Но он обязательно на что-нибудь наткнется в темноте, разбудит её... Что тогда? Все откроется — и он погиб! Лучше лежать и ждать. Махаз ведь уехал только на несколько часов. Он вернется до рассвета...

Вдруг женщина повернулась к нему лицом, её нежные, теплые руки обвились вокруг его шеи. Беслан притворился спящим. Но женщина все теснее прижималась к нему. Легче бы было сидеть на горящих угольях, нежели терпеть такое.

— Махаз! — шептала Уша, — Махаз, повернись же ко мне.

Беслан не шевельнулся, и Уша вскоре заснула. Наконец-то он услышал её ровное дыхание. Часы, тянувшиеся до утра, показались ему вечностью.

Перед самым рассветом вернулся Махаз. Соскочив с коня, он тихонько постучал в дверь хаты. Беслан стремглав выскочил к нему.

— Сделано! — сообщил весело Махаз. — Будь спокоен. — И он начал быстро раздеваться.

Беслан надел свою одежду, поцеловал друга и ускакал.

Махаз проснулся поздно; жена с трудом разбудила его. Обвив руками его шею и лаская его, она говорила:

— Милый, ты не заболел? Никогда еще ты так крепко не спал. Что с тобой? Я так долго будила тебя ночью, а ты не проснулся. Так крепко спал, что я пожалела тебя и тоже заснула. А теперь я едва разбудила тебя. Ты болен?

— Да нет, я совершенно здоров! — радостно воскликнул Махаз и крепко поцеловал жену.

УМОЛКНУВШИЙ ДРОЗД

Лесных птиц обеспокоило молчание дрозда; он — всегда веселый, поющий, вдруг загрустил и умолк. Они окружили его:

— Что с тобой стало? Ты ведь знал так много песен, так звонко пел и доставлял нам такую радость! Спой снова что-нибудь!

— С тех пор как ястреб, кружась надо мной, коснулся моей головы, я позабыл все свои песни, кроме одной песни — страха. Ее ли петь вам?! Пусть никто никогда ее не услышит.

ОБЕД У СКУПЫХ

Скупые были хозяева. Долго разговаривали они с гостем за пустым столом.

— Ты бы хоть мамалыгу сварила и подала к столу. Гость, небось, проголодался, — сказал жене хозяин.

— Мамалыгу ты считай уже сделанной и поданной на стол. Ты лучше подай бутылку вина, — ответила жена.

— Вино ты считай уже поданным, — сказал муж.

— Ну, а что касается меня, — промолвил гость, — то считайте, что я уже и покушал и выпил.

На кукурузном ПОЛЕ

Перевод с грузинского В. Хацкевича

Ветер приносит знакомый мотив...
Солнце, кузнечики, горное поле.
Три молодца, рукава засучив,
Видно, с утра кукурузу пололи.
Хорошие парни! И темь усов
Идет к загорелым, спокойным лицам.
Как из песни не выкинуть слов,
Так и песне без них не родиться!
Поют. Присев, отдыхая от дел,
Смеются, хоть, видно, устали очень.
В детстве я песни такие же пел,
Здесь недалёко и дом мой отчий...
Набрякшие кровью кисти рук
Чуть ноют у них, отдыхая.
Мы шутим. Я принят ими как друг.
Просторное небо. Весна неплохая!
А песне и нужен такой простор!
Ее удержать я не в силах боле.
Пусть песни слышатся среди гор
Под шелест юного поля!

Журавли

Перевод с курдского Г. О н а н я н а

Под весенним талым небом нежась,
Меж холмов раскинулось село.
В воздухе предутренняя свежесть.
Ветерок пронесся. Рассвело.

Снеговые горные вершины
В синеве рисуются вдали.
Сладок крик зовущий журавлиный
На весеннем празднике земли.

Звонкий воздух грудью рассекая,
Журавли летят в родимый край.
Ты, весна отчизны дорогая,
Им траву коврами расстилай!

Солнце, ты не допусти ненастья,
Журавлям тепло родное лей!
К родникам свободы, мира, счастья
Мчатся караваны журавлей...

Журавли, вы так стройны в полете —
Вечно любоваться я готов!
Как мне жаль, что вы у нас живете
Только до осенних холодов...

На восходе солнца

Перевод с грузинского Ирины Снеговой

Не видали?
Нет, не видали.
Вы стояли на снежной горе.
Вы смотрели в горящие дали,
На речную волну в серебре.
Бил вас ветер квишхетский упорно,
Тучи стыли у вас на плечах,
Вы стояли на выступе горном
В первых брезжущих солнца лучах.

Словно жрец перед солнцем багровым,
Вы не слышали шума земли...
Вы казались мне птицей, готовой
В небо взмыть и исчезнуть вдали.

Вы меня не видали... Молчанью
Рады были в тот утренний час;
Любовались вы солнца лучами,
Я, любуясь, смотрела на вас.

КНИЖКА Стихов

Отошла, от меня отошла
Эта тонкая книжка стихов —
Все, чем мучилась я и жила,
Отчего я ночей не спала —
Счет находок, удач и грехов.

Мало сказано. Тускло порой.
Как чужую, читаю строку.
След небрежности, мысли сырой —
Я удач тебе не предреку.

Мне так много хотелось сказать,
Было зерен в амбаре полно,
А сказала — и нечего взять,
Жалкой горсткой желтеет зерно.

Была плотью и кровью моей,
Стала телом немым и чужим
Эта книжка... Я мачеха ей,
Недоношенным строчкам слепым.

Но товарищ стихи мои взял
И в горячих ладонях согрел.
— Много новых желаю, — сказал
И на книжку мою посмотрел.

Эх, дано бы мне было иметь
Столько рук, сколько Будда имел,
Чтоб за жизнь свою сделать суметь
Много нужных, значительных дел.

Множить радость, утешить печаль,
В мыслях сделать немыслимый путь
И тебя сквозь безмерную даль
На мгновенье к себе притянуть.

Ни о чем я тебя не прошу,
Мой далекий, придуманный мной,
Я за гордость твою приношу
Мой поклон тебе низкий, земной.

Но одною мечтой я дышу —
Я такие слова напишу,
Чтоб куда б ни вели нас пути,
Мимо них не сумел ты пройти.

ВЕЧЕР *на родине*

Пробежал ветерок торопливо,
Синева потемнела вдали.
Прикурила кудрявая ива
От горячей вечерней зари
И окуталась розовым дымом.
Дым клубится, плывет над рекой.
Чей-то голос запел о любимой,
Незнакомой, но близкой, родной...
Вышли девушки песне навстречу
В хоровод белых вишен и трав.
И кузнец разогнул свои плечи,
Болт последний к плугам подогнав.

Новый дом

Настежь, настежь окно!
Пусть лучи золотые искрятся,
Пусть весенние блики
Сверкают на стенах кругом.
О квартире такой
Никогда не мечталось, признаться.
Сколько новых жильцов,
Сколько счастья вмещает мой дом!
А над ним — синева,
А над ним — облака, словно вата...
По горам этажей
Тихо катится отзвук шагов...
Это старый почтарь
Тщетно ищет своих адресатов —
В новом доме еще
Над квартирами нет номеров.
А письмо б в самый раз,
Да такое, что радостью дышит...
За окошком вдали
Эшелоны куда-то ползут;
Город выставил солнцу
Покатые красные крыши,
И дымит мой завод,
Моя звонкая юность, внизу.

В летний день

РАССКАЗ

Полдневный летний зной. Листья на деревьях обвисли, не шелохнутся. Стрекот кузнечиков слился в один тончайший, высокий звук — дз-з-з...

Корова стоит под навесом, понутив голову. Она перестала жевать жвачку и лениво отмахивается хвостом от мух.

В тени небольшого бревенчатого домика, приютившегося под сливовыми деревьями на склоне горы, сидит на обрубке сосны дед Баграт — сухопарый, сутулый старик. Он одет в выгоревшую солдатскую гимнастерку и полосатые залатанные брюки. Худые, загорелые ноги деда палками торчат из коротких штанин. На земле лежат старые галоши — старик подставил ступни под солнечные лучи и шевелит кривыми пальцами, греет косточки.

Косматые седые брови Баграта нависли над живыми карими глазами, еще черные усы закрывают впалый рст. Потемневшее от солнца и прожитых лет лицо — в мелких морщинах и сивой щетине.

В крепких руках деда нож, которым он вырезает из куска дерева лодку — игрушку для внука.

Внук — шестилетний Нугзар, спит на одеяле под развесистой шелковицей. Положил ручки под голову и посапывает во сне — из уголка рта на одеяло стекла слюнка. Рядом с мальчиком дремлет щенок. Он лежит на животе, раскинув задние лапы, на передние положил круглую голову. И тоже пустил слюну на рыженькую шерстку лап.

На опушке леса гавкнула собака. Щенок открыл один глаз, но не двинулся. Покосился на деда и снова зажмурился.

Старику видно, как по пригорку, то исчезая в тени каштанов, то появляясь среди кустарников, идет девочка в светлом платье. В одной руке у нее корзина, в другой бутылка с водой. Соседская девочка Циала несет отцу завтрак.

— Хорошая девочка Циала: десять лет только, а уже помогает отцу — и с обедом возится, и стирать пробует. Мать ее умерла в позапрошлом году. Нелегкое детство у Циалы. А может так оно и лучше...

Дед смотрит на внука, вздыхает и яростно стругает чурку.

Игрушка готова — узкая плоскодонная лодка без скамеек; в таких ловят рыбу на Куре. Баграт, прищурясь, любуется своей работой, кряхтя встает, кладет лодку у головы внука, чтобы тот, проснувшись, сразу ее увидел, и идет в дом.

Старик проголодался — он выходит во двор с ломтем черного хлеба и куском сыра в руках, садится, жует хлеб беззубым ртом.

Перед Багратам высятся знакомые с детства горы. На правом берегу Куры разбросаны среди зелени фруктовых садов деревянные домики. Раньше село было далеко от реки, в ущелье, около родников — таких холодных, что возьмешь воду в пригоршню и пальцы ломит.

Когда в долине сделали стоянку поезда, дед Баграт перенес свой сруб ближе к платформе. Здесь и здоровее было — в ущелье сыро, мало солнца. За Багратам потянулись остальные колхозники. Сперва жалели, что от родников ушли, поругивали колодезную воду. А после войны провели от родников водопровод.

Дед всматривается в долину реки — там, где ее зеленоватая гладь вскипает на порогах белой пеной, показалась из-за горы длинная изогнутая лента электрички.

Тбилисский поезд. Старик смотрит зоркими глазами на платформу. Из вагонов никто не выходит и никто в них не садится. Да и кому сейчас ехать? Большинство колхозников и дети постарше на рассвете уехали за Бакуриани на сенокос, а малыши сидят дома.

— У-у-у, — повторяет эхо басовитый гудок электрички.

Поезд скрывается за лесом.

И опять тишина. Только ворчание реки на порогах доносится до уха старика.

Он любит слушать этот монотонный шорох воды, любит шум леса, писк ястребов, парящих над вершинами, может часами любоваться блеклым преддождливым небом, по которому быстро, будто их тянут за ниточку, бегут облака. В дурную погоду горы скрываются в тучах. Из ущелий выплывают клочья тумана, и кажется, что темно-синие ели горят без пламени, одними белыми дымками.

Если идет дождь, он говорит на разные голоса: мелкие капельки шуршат легким, однообразным — «ш-ш-ш», через неравные промежутки звенят крупные капли, падающие с деревьев; вода, стекающая с крыш, журчит весело и дружно; а когда соседка подставляет под струю таз и слышится дробь плясовой, дед вскакивает с места и прохаживается по кругу.

— С ума сошел, старый, — сердится жена, — все бы ему плясать. С чего это ты?

— Глухая ты, глухая, — смеется Баграт, ударяя в ладоши, — посмотри, погодка-то какая!

— Какая!.. Дождь льет, чего уж хорошего.

Сейчас небо безоблачно: огромная голубовато-сизая чаша, опрокинутая над маленькой глубокой долиной, источает жар раскаленного солнца.

Невестка уехала в Боржоми, сказала, что вернется с дневным поездом. Скучно ей в деревне. А в Боржом-парке — концерты, кино. Почти каждый день Кето наряжается и уезжает. Нельзя сказать, чтобы дед был этим недоволен — он остается с внуком. Нугзар тоже рад, что мать не мешает ему бродить с дедушкой по лесам.

Сегодня они остались вдвоем — бабушка тоже поехала в Боржоми принимать ванны.

Баграт качает головой и ухмыляется в усы. Поди ж ты! И старуху с ума свела невестка. У Анико разболелся желудок. Раньше от этого было простое средство: собрать осенью еловых шишек, сделать настой и пить его. Болезнь как рукой снимет. Но Кето сказала: «Мама, желудок — дело серьезное, вам надо лечиться». И Анико стала ездить в Тбилиси, к докторам.

Каждый раз, после возвращения из города, старуха с восхищением рассказывает про новую квартиру сына. Паркет, ванная, холодильник...

Баграт слушает и довольно усмехается. Он гордится сыном, его славой лучшего машиниста на Закавказской железной дороге, но одновременно жалеет, что Георгий живет в городе, далеко от него.

Георгий в деревню приезжает редко — раз в год. Кето проводит с сыном в деревне летние месяцы, а потом оставляет Нугзара и уезжает с мужем на море, в санаторий. На обратном пути они забирают сына.

Георгий ежемесячно присылает домой немного денег. Приезжая к отцу, с удовольствием возится в саду, ходит в лес за дровами, но вскоре охладевает ко всему.

Как-то Баграт увидел сына, сидящего на скамейке под двумя тополями в конце сада.

— Помнишь, что это за деревья? — спросил старик.

Георгий молча кивнул головой. Он знал, что в день рождения каждого из сыновей Баграт сажал по тополю.

— Только деревья и остались, — пробормотал старик.

Георгий вздохнул:

— Ты знаешь, как я живу в городе, отец? Кругом асфальт, чисто, нет той грязи непролазной, что у вас здесь весной и осенью. Рядом с нашим домом кино, неподалеку театр. В комнатах у нас паровое отопление, электричество...

— Электричество и у нас скоро будет.

— Ты не понимаешь меня, отец. Дело же не только в электричестве. Я вернулся из рейса, оделся во все чистое и свободен. А колхозники сутками в поле. Нет, отец, ты привык ко всему здесь, другой жизни не знаешь, и потому не можешь понять меня.

— Я не привык ко всему, — сверкнул глазами Баграт, — а я люблю все это!

И он обвел широким жестом долину.

— А почему ты думаешь, что я этого не люблю? — вспылил Георгий. — Но еще больше я люблю свой электровоз, свою работу, свое дело. Ты сам, отец, научил меня любить труд.

Спорят долго — оба упрямы. Баграт не выдерживает первый и уходит, но все же бросает еще одну фразу, чтобы последнее слово осталось за ним:

— Одного я не знаю, на кого дом и огород останутся, когда я помру.

О младшем сыне — Нико, Баграт думает с чувством острой душевной боли. Родился он у них с Анико поздно, когда оба были уже немолодыми, часто болел в детстве. И получилось так, что с матерью он бывал больше, чем с отцом. Баграт уходил на рубку леса или на сенокос, брал с собой Георгия, а Нико мать не отпускала. «Оставь его в покое, — говорила она мужу, — слабенький он, в школе и то устает. Пусть дома побудет. Хватит, что ты за свою жизнь наработался! Забыл, как батрачил? И теперь, что ни день, в поле да в лесу. Георгий все с тобой, а я одна, хоть младшенького со мной оставь».

Старуха как начнет свое доказывать — не остановишь. И уходил Баграт на работу без Нико. А потом привык обходиться без него, привык к тому, что все лучшие куски попадают на тарелку Нико: он слаб здоровьем, должен поправиться, окрепнуть; что первые же заработанные деньги тратятся на младшего сына — то в седьмой класс перешел, костюм надо купить хороший, то еще что-нибудь придумает Анико для своего баловня.

Вырос Нико здоровенным, красивым парнем, уехал в Тбилиси учиться в институте — тоже Анико уговорила: «Пусть хоть младший высшее кончит». Да не кончил, исключили за двойки. Домой не захотел вер-

нуться и шатается где-то: в Сухуми физруком устроился — прогнали, в Батуми лодочником был, в Кутаиси продавал воду в ларьке, а сейчас бог знает где ездит, что-то покупает, продает.

Эх, старый, старый, да как же ты мог так проворонить своего сына?.. Когда хватился, уже поздно было. Приехал в Тбилиси, чтобы вернуть его домой, посмотрел: черты лица — вылитая Анико в молодости, только лоб и нос Баграта, а взгляд чужой, в глаза прямо не смотрит. И по-чужому говорит: «В деревню я не вернусь. Проживу как-нибудь, такой, как я, не пропадет в этом мире».

— А мать тебя ждет. Неужели ты... — не смог договорить Баграт.

Нико улыбнулся, пожал плечами. Хотел старик ударить его по красивому улыбающемуся лицу, да рука не поднялась: так похоже было оно на лицо Анико.

Вот и остались они без младшего сына.

Горько об этом думать, но мысли сами лезут в голову. Особенно, когда посмотришь на Нугзара, продолжающего крепко спать.

Когда Нугзару было полтора года, мать привезла его одетым, словно девочка, с локончиками, спускавшимися на плечи. Как только Кето укачала в Боржоми, дед достал свою старую машинку и остриг внука наголо. В тот же день Баграт ушел в лес на охоту. Когда он вернулся, невестка уже утихла, только сердито поглядывала на старика, видя, как он ласково проводит заскорузлой рукой по круглой стриженной головке мальчика.

* * *

Дед давно уже перестал жевать хлеб. Задумавшись, опустил руку с краюхой. Петух, выбравшийся из-под дома, опасливо покосился на старика и, выхватив хлеб, убежал.

Баграт рассмеялся — жаль, что внук спит.

Нугзар очень любит, когда дед рассказывает ему про птиц и зверей.

— Рассказать тебе сказку о дэвах¹? — спрашивает Баграт.

— Нет, лучше о козе.

Сказку о козе дед выдумал сам. Он ее уже не помнит и начинает придумывать новую.

— Я тебе расскажу, как живут звери в лесу.

— Тогда лучше пойдем в лес, — просит мальчик.

— В лес пойдем завтра утром. А теперь слушай: было или не было, жил в лесу большой медведь...

Нугзар слушает сказку и засыпает, прижавшись головой к груди деда.

А утром они идут по пружинистой хвойной подстилке. Впереди внук, сзади, с косою в руке, — дед. В лесу полумрак, пахнет мхом, грибами, смолой.

— Дед, это что? — поднимает Нугзар с земли несколько птичьих косточек.

— Кости, Нугзари. Ястреб поймал птичку, притащил ее в гнездо, мясо склевал, а кости выбросил.

Мальчик серьезно смотрит на дедушку своими большими карими глазами. Лобик его наморщился, рот полуоткрыт, он о чем-то думает. Потом говорит:

— Дед, ты убей ястреба, ладно?

Они идут дальше.

— Дед, это какой гриб?

¹ Дэв — сказочный великан.

— Маслянка.

— Его есть можно?

— Да, только он уже высох, черви его поели. Выбрось. Грибы надо собирать после дождя.

На опушке леса Баграт наклоняется.

— Посмотри, Нугзари.

Под небольшими зелеными листочками спрятались маленькие ягодки. Нугзар с радостным визгом собирает землянику и, собрав ее в горсть, всю отправляет в рот. Вдруг спохватывается, виновато смотрит на Баграта.

— Я не хочу, — улыбается дед.

Они выходят на большую поляну, залитую солнцем. На поляне — высокая пахучая трава, желтые и голубые цветы.

Баграт снимает гимнастерку, кладет ее под орешник, усаживает на гимнастерку внука. Нугзар внимательно глядит на дедушку — на голове у него повязан от солнца клетчатый платок, жилистые руки прилаживают к рукоятке косу. Дед взмахивает косой, делает шаг вперед.

Взмах — и трава ложится на землю. Другой — еще ряд скошен.

— Раз-два! Раз-два! — считает Нугзар, похлопывая в ладоши. — Дед, сделай мне маленькую косу. Я тоже хочу работать.

Баграт смеется.

— Хорошо, сделаю.

Коса деда вновь сверкает под солнечными лучами.

Когда вся трава на поляне скошена, Баграт вытирает пот с лица, складывает косу и идет с внуком собирать в лесу валежник.

К обеду возвращаются домой. У деда на плече большая вязанка хвороста, у внука — две сухие еловые ветки.

Лес остался позади. Тропинка вьется между кустами, пересекая прямую борозду, круто уходящую вниз.

— Дед, для чего эта канава нужна?

— По ней скатывают к деревне бревна из леса.

— Эгей-гей!.. — раздается сверху чей-то зычный, сильный голос.

— Эй-эй! — вторит ему эхо.

Слышен топот, и по канаве проносятся два круторогих быка. За ними, царапая землю рукоятью вил, легко бежит коренастый мужчина в майке.

— Здравствуй, Багратэ! — кричит он, пролетая мимо, словно на крыльях.

У Нугзара от восхищения открылся ротик, он долго смотрит вслед удальцу.

— Дед, а ты можешь так?

Баграт молчит. Потом глаза его загораются, он с силой швыряет вязанку в канаву, и она, кувыркаясь, летит вниз. Мгновение — и внук сидит у деда на плечах. Легко перебирая ногами, Баграт бежит по канаве, одной рукой придерживая внука. В другой у него коса, которую он волочит по земле, замедляя бег.

Мелькают мимо деревья, кусты. У мальчика захватывает дух.

Запыхавшись, Баграт снимает внука с плеч.

— Приехали. Хорошо?

— Хорошо, — не очень охотно отвечает Нугзар.

Он смотрит на деда своими большими глазами, в глубине которых еще таится страх, и доверительно говорит:

— Знаешь, дед, я испугался.

— Ничего, — успокаивает Баграт, — скоро сам научишься бегать с гор.

Большое облако загородило солнце, и на долину легла широкая тень. В огородах поникли золотые головки подсолнухов. Легкий ветерок принес из лесу терпкий запах сосновой смолы.

Баграт дремал, свесив голову на грудь.

Проснулся он от женского смеха.

— Дорогой ты мой, — приговаривала Кето, целуя сына в голый животик. Мальчик вырывался, дрыгал ножками и тоже заливался смехом. Мать подняла его на руки и унесла в дом.

— Смотри, у меня лодка какая, — показывал матери новую игрушку Нугзар, — ее дедушка вырезал.

Старик глянул на небо. Здорово он вздремнул, уже пятый час, наверное. Хашурского поезда не было; Кето, видно, приехала на автобусе. А старухи еще нет — неужто так долго в ваннах своих засиделась!

Баграт встал, выгнал корову на лужайку и вернулся обратно.

— Кето! — крикнул он. — Анико не видела в Боржоми?

— Уй-мэ, совсем забыла, — высунула невестка из окна стриженую, завитую голову, — встретила я ее, сказала, что зайдет к сестре, приедет вечерним поездом. Совсем забыла сказать...

— Забыла, — тихонько передразнил Баграт.

Цыплята пролезли сквозь щели в заборе в соседний огород и клевали морковь. Старик перебрался через забор и прогнал цыплят. Надо будет починить забор — совсем разваливается. Тьфу, чёрт зацепился!

Баграт посмотрел на порванную штанину, покачал головой. Вот и для старухи работа нашлась.

Прислушиваясь к звонкому голосу Нугзара, доносящемуся из дома, Баграт отобрал несколько реек и принялся обтесывать их топором.

На стук топора прибежал внук, одетый в шелковую рубашонку и вязаные штанишки. В руках он держал пластмассовый глиссер.

— Мама мне привезла из Боржоми, — похвастался мальчик.

— Да, хорошая игрушка, — не глядя, похвалил дед.

— Нугзари! — позвала мать. — Где ты? Смотри, не испачкай костюмчик. Далеко не ходи, играй лучше на балконе.

— Я здесь буду, мама, — отозвался Нугзар. — Дед, а ты что делаешь?

— Забор надо починить.

— А мне можно топором рубить?

Баграт выпрямляется, смотрит на внука, переводит взгляд на дом. Потом вонзает топор в бревно, идет в маленькую, бревенчатую кухню, пристроенную к дому, и выносит оттуда маленький топорик.

— Вот тебе топор, а вот дощечка, заостри ее конец. Сделаешь колышек, мы его между рейками в заборе воткнем, чтобы цыплята не лезли. Только осторожно, по пальцам не ударь.

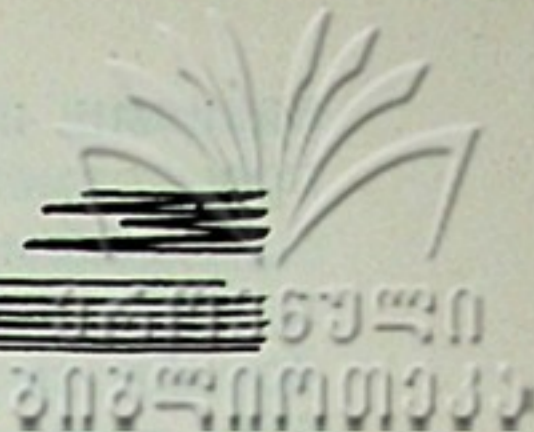
— Нет, дед, я тихонечко, — говорит раскрасневшийся от радости Нугзар. Берет в руки топор, дощечку и принимается за дело, подражая движениям деда.

Баграт замечает на земле забытый Нугзаром глиссер, ухмыляется, поднимает его и кладет на подоконник. Игрушка в магазине куплена, за нее деньги плачены, сломается еще ненароком.

Облако проплыло на восток, зацепилось за вершину горы, поросшей темно-зеленым мохнатым ельником, и повисло на ней.

Над долиной вновь ярко сверкает солнце.

Тихо. Шумит на порогах Кура. И слышны удары топоров: сильные, размеренные — деда, слабые, неуверенные — внука...

В. Эсаиашвили,
кандидат исторических наук.

В. И. Ленин и большевики Грузии

С именем Владимира Ильича Ленина — основателя нашей славной Коммунистической партии и создателя первого в мире социалистического государства, великого вождя и учителя трудящихся всего мира, — неразрывно связана вся история героической борьбы грузинского народа, как и других народов нашей Родины, за свое социальное и национальное освобождение, за утверждение Советской власти.

В. И. Ленин поддерживал тесную и систематическую связь с большевиками Грузии, постоянно оказывал им помощь, своими мудрыми советами и указаниями направлял их работу по организации борьбы рабочих и крестьян против самодержавия и капиталистического гнета, за установление и упрочение Советской власти в Грузии.

В. И. Ленин лично знал многих руководящих партийных работников Грузии, имел с ними переписку и поддерживал дружеские отношения. Н. К. Крупская отмечала в своих воспоминаниях о Ленине: «С группой кавказских большевиков у нас всегда была особенно дружная переписка».¹ Такое внимание и забота гениального вождя воодушевляли большевиков Грузии, придавали им новые силы и энергию в длительной и напряженной борьбе за дело рабочего класса, за торжество социализма.

Цель настоящей статьи — осветить некоторые моменты взаимоотношений В. И. Ленина с большевиками Грузии.

★ ★ ★

В одном из писем к П. Маслову, датированном 1894 годом, В. И. Ленин писал: «Удивляюсь одному — зачем Вам было меня «искать»? Разве по возвращении из СПб. в Тифлис Н. М. А. не видал Вас? и не передал Вам (о чем я его просил), что у меня есть постоянный — на зиму, по крайней мере — адрес...»²

Расшифровать упоминаемые здесь инициалы — Н. М. А. — пока не удалось, но, независимо от этого, данное письмо Владимира Ильича представляет для нас большой интерес, поскольку оно свидетельствует о том, что В. И. Ленин, по-видимому, уже в 1894 году поддерживал связи с тбилисскими товарищами. Кстати, это — первый ленинский документ, в котором упоминается Тбилиси.

Внимательное ознакомление с литературой, использованной В. И. Лениным в 1893 — 1894 годах, в процессе работы над ранними исследо-

¹ Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине», 1933, стр. 170.

² Ленинский сборник XXXIII, стр. 16.

ваниями, приводит к выводу, что Ленин уже тогда изучал экономику пореформенной Грузии.

Документально установлено, что первые социал-демократические кружки и организации Грузии были связаны с Петербургским «Союзом борьбы за освобождение рабочего класса», созданным В. И. Лениным в 1895 году. По образцу ленинского «Союза борьбы» создавались и строились социал-демократические организации Грузии.

Со второй половины 90-х годов имя В. И. Ленина приобретает популярность в Грузии. Появились первые произведения В. И. Ленина, вызвавшие большой интерес в среде революционной интеллигенции и передовых рабочих.

В 1897 — 1898 годах в социал-демократических кружках и организациях Грузии стали широко известны работы В. И. Ленина: «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве». Вскоре социал-демократы Грузии ознакомились с фундаментальным исследованием В. И. Ленина «Развитие капитализма в России», раскрывающим, в частности, роль русского капитализма в экономическом развитии Грузии и всего Закавказья. Эта книга, естественно, вызвала в Грузии большой интерес. В 1899 году, в № 30 газеты «Квали» была напечатана рецензия на этот труд Владимира Ильича, в которой приводились основные ленинские положения относительно развития капитализма в Закавказье.

Произведения В. И. Ленина имели величайшее значение для распространения и творческого применения марксизма в Грузии.

С созданием революционных социал-демократических организаций борьба трудящихся Грузии за свое социальное и национальное освобождение органически слилась с борьбой русского пролетариата и крестьянства против самодержавия и капитализма. В дальнейшем, с развитием революционного движения, этот боевой союз ширился и креп.

Говоря о роли и значении деятельности В. И. Ленина в этот период, И. В. Сталин отмечал: «Знакомство с революционной деятельностью Ленина с конца 90-х годов и особенно после 1901 года, после издания «Искры», привело меня к убеждению, что мы имеем в лице Ленина человека необыкновенного. Он не был тогда в моих глазах простым руководителем партии, он был ее фактическим создателем, ибо он один понимал внутреннюю сущность и неотложные нужды нашей партии».¹

Таким представляли себе В. И. Ленина революционные социал-демократы Грузии.

Установлено, что с 1901 года с Лениным переписывался один из руководящих партийных работников Грузии, пламенный революционер — Ладо Кецховели. Как раз в ту пору Владимир Ильич замыслил наладить перепечатку «Искры» в России.

В Баку, весной 1901 года, Л. Кецховели была создана маленькая подпольная типография, но она уже не удовлетворяла новым требованиям, и Л. Кецховели собирался оборудовать более мощную. В. И. Ленин, узнав об этом, поручил ему организовать типографию с расчетом на перепечатку «Искры» с матриц. С помощью находившихся тогда в Баку искровцев Красина и Гальперина и при содействии Тбилисского комитета РСДРП Л. Кецховели с честью выполнил это поручение. Редакция «Искры», в интересах конспирации, назвала новую типографию «Ниной», а Кецховели упоминается в письмах, как «Отец Нины».

С тех пор с Лениным часто переписывались И. Сталин, С. Орджо-

¹ И. Сталин. «О Ленине», 1951, стр. 56, 57.

никидзе, М. Цхакая, Ф. Махарадзе, М. Давиташвили, Камо, Н. Буачидзе, Н. Кикнадзе, М. Торшелидзе и др.

С созданием социал-демократической рабочей партии руководящие партийные работники Грузии еще теснее сблизились с Лениным. В 1903 — 1904 годах их связь с Лениным осуществлялась через М. Давиташвили, находившегося тогда в эмиграции, в Лейпциге. Известно, например, что в 1903 году с его помощью наладил переписку с Владимиром Ильичем И. В. Сталин.

Начиная с 1903 года в Грузии стали переводить и издавать на грузинском языке труды Ленина.

В 1903 году, в № 5 — 6 грузинской газеты «Борьба пролетариата», была напечатана статья Ленина «Самодержавие колеблется...» и его же «Извещение об образовании «Организационного Комитета».

Позже Ф. Махарадзе перевел брошюру В. И. Ленина «К деревенской бедноте» и написал к грузинскому изданию предисловие, которое было опубликовано в 1904 году в № 7 газеты «Борьба пролетариата». В перевод брошюры Ленина были включены данные о положении крестьян и об аграрных отношениях в Грузии.

В 1904 — 1905 годах, в период подготовки к III съезду партии, В. И. Ленин систематически пишет Кавказскому Союзному комитету РСДРП и руководящим работникам Тифлисского, Батумского, Имеретинско-Мингрельского комитетов, дает им указания, просит чаще информировать его о состоянии партийной работы.

В декабре 1904 года Кавказский Союзный комитет обратился к В. И. Ленину с просьбой сотрудничать в газете «Борьба пролетариата», присылать статьи, толкующие, по возможности популярно, программные и тактические вопросы, а также вопросы пропаганды и агитации.

В. И. Ленин с присущей ему отзывчивостью откликнулся на это обращение и без промедления ответил письмом, в котором, в свою очередь, призывал кавказских товарищей к участию в большевистском органе «Вперед».

«Дорогие товарищи! — писал Владимир Ильич. — Получил Ваше письмо насчет «Борьбы Пролетариата». Постараюсь писать и передам товарищам по редакции. Занят теперь усиленно работой для нового органа. Вам послали уже подробное письмо на этот счет. Откликнитесь поскорее и посылайте, пожалуйста, побольше, побольше и побольше рабочих корреспонденций. От Вас зависит теперь успех органа в особенности, ибо начало особенно трудно.

Ваш Н. Ленин».¹

4 января 1905 года вышел первый номер большевистской газеты «Вперед». Грузинские большевики с восторгом встретили ее выход и тотчас же приняли меры к выполнению ленинских указаний. Кавказский Союзный комитет создал специальную литературную группу для оказания поддержки газете «Вперед». Бюро Кавказского Союза в начале января 1905 года сообщило об этом Ленину: «Кавказское бюро обязуется литературно поддерживать орган «Вперед», для чего и организовало особую «группу литературной поддержки «Вперед»».²

Надежда Константиновна Крупская по поручению Ленина писала в ответ: «Очень порадовало нас известие об образовании на Кавказе «группы литературной поддержки «Вперед», если поставите дело сношения как следует — сделаете большое дело».³

Большевики Грузии распространяли в массах ленинскую газету,

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 34, стр. 240.

² «Третий съезд РСДРП», 1955, стр. 322.

³ Журнал «Пролетарская революция», 1925, № 5 (40), стр. 38.

часто переводили на грузинский язык напечатанные в ней статьи. Особенно горячо обсуждались в партийных кругах статьи, написанные самим Лениным.

8 марта 1905 года тбилисские большевики писали В. И. Ленину за границу: «Имеются все №№ «Вперед» кончая № 8. Статья «Должны ли мы организовать революцию» производит фурор, а «Революционные дни» в № 4 хотят переиздать на грузинском языке. Нравится всем ясность и простота изложения всех передовиц «Вперед».¹

С Лениным поддерживал переписку и был близок Миха Цхакая. Владимир Ильич, еще не будучи лично знаком с Цхакаей, знал его как старейшего революционного деятеля, одного из основателей социал-демократических организаций Грузии и Закавказья, и поручил ему открытие III съезда партии. После съезда М. Цхакая вместе с Лениным выехал в Женеву, где пробыл несколько дней, совещаясь с Владимиром Ильичем по вопросам партийной работы в Закавказье.

В 1907 году М. Цхакая эмигрировал за границу и пробыл в эмиграции до апреля 1917 года. Грузинские большевики в те годы поддерживали через него связь с Лениным, часто посылая ему предназначенные Ленину письма, отчеты о партийной работе и новые издания политической литературы. В Россию М. Цхакая вернулся вместе с Лениным, после свержения самодержавия.

В своих ранних письмах к Ленину М. Цхакая информировал Владимира Ильича о положении дел в Грузии. В одном из писем, посланном из Тбилиси 28 июня 1905 года, Цхакая подробно рассказывает о революционном движении в Грузии, о работе Тифлисского и Имеретинско-Мингрельского комитетов, Сухумской, Ткибульской, Хонской и Чиатурской партийных организаций.

В Чиатура, сообщал М. Цхакая, работает до 7.000 рабочих, партийная организация целиком большевистская, рабочие смотрят на меньшевиков с недоверием. В подтверждение Цхакая приводит следующий факт: меньшевики «в своих речах доказывали, что не надо организовывать революцию, может, она будет через «50, а то и 60 лет»; — на это рабочие отвечали с насмешкой: «в таком случае приходите после и учите наших детей и внуков, а теперь для нас вы, меньшевики, лишние».²

В том же письме Цхакая извещал Ленина, что скончался А. Цулукидзе, похороны которого превратились в грандиозную политическую демонстрацию. «Похороны, — пишет он, — были сказочные». Затем Цхакая сообщает, что от имени Центрального Комитета партии здешние большевики возложили венок на могилу Цулукидзе, и добавляет с уверенностью: «Вы, конечно, ничего против не имеете».

Популярность В. И. Ленина в Грузии росла. Накануне и в годы первой русской революции особенно усилился интерес к его произведениям. В партийных организациях изучались знаменитые труды Ленина «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Несмотря на то, что царское правительство наложило запрет на ленинские труды, — они получили широкое распространение среди революционеров. 1 сентября 1903 года у одного рабочего, арестованного на Батумском вокзале, нашли брошюру Ленина «К деревенской бедноте». В мае 1904 года в Кутаиси и близлежащих селах полицией было обнаружено у пропагандистов несколько экземпляров труда Ленина «Что делать?» При аресте одного рабочего социал-демократа в 1904 году в Батуми у него была найдена брошюра Ленина «Земская кампания и план».

¹ Журнал «Пролетарская революция», 1925, № 5 (40), стр. 49.

² Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 26, оп. 27, 57-20108

«Искры». В апреле 1906 года во время обыска при разгроме нелегальной Авлабарской типографии жандармерия обнаружила 17 экземпляров брошюры В. И. Ленина «Две тактики социал-демократии в демократической революции» и 68 экземпляров брошюры «Революционная демократическая диктатура пролетариата и крестьянства».

Ленинские труды направляли большевиков Грузии и в их идейной борьбе и в их практической деятельности. В письме к Ленину от 28 июня 1905 года Миха Цхакая, касаясь спора, возникшего в дискуссиях с меньшевиками, о соотношении стихийности и социалистической сознательности в рабочем движении, писал о настроении аудитории: «Ни о чем слушать не хотят, если не заговорит агитатор об этом, о Ленине и об его понимании стихийности и сознательности. Как видите, тов. Ленин может гордиться, что пропагандисты и агитаторы... вынуждены по всем углам разыскивать его «Что делать?» и «Шаги».¹

В. И. Ленин неоднократно отмечал, что большевики Закавказья сыграли значительную роль в борьбе за созыв III съезда партии. В. И. Ленин придавал большое значение опыту партийной работы Закавказских большевистских организаций. За полтора месяца до III съезда, 4 марта 1905 года, по поручению В. И. Ленина, Н. К. Крупская писала Кавказскому Союзному комитету: «Приступайте немедленно к составлению доклада для съезда об условиях работы на Кавказе, об организации рабочих на Кавказе».²

На съезде выступал делегат от Кавказского Союза РСДРП Миха Цхакая. Он сделал два доклада: один — о деятельности Кавказского Союза РСДРП; второй — о практическом опыте по руководству крестьянским революционным движением в Закавказье.

III съезд партии принял специальную резолюцию: «По поводу событий на Кавказе», написанную Лениным. Съезд поручал Центральному Комитету и местным комитетам партии «принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собраний и т. д., а также к своевременной поддержке Кавказа всеми имеющимися в их распоряжении средствами».³

Ленин дал очень высокую оценку революционной борьбе рабочих и крестьян Грузии и Закавказья в период первой русской революции. 10 октября 1905 года В. И. Ленин писал: «В Польше и на Кавказе движение отличается громадным упорством, сравнительно более частым употреблением оружия и бомб со стороны населения».⁴

В статье, опубликованной газетой «Пролетарий» 17 октября, Ленин с удовлетворением отмечал, что «Польша и Кавказ дали образец борьбы уже более высокой, где пролетариат стал выступать отчасти вооруженным, где война приняла затяжную форму».⁵

Отдавая должное успехам революционного движения на Кавказе, Владимир Ильич, вместе с тем, неустанно разоблачал оппортунизм грузинских меньшевиков. Их тактику в первой русской революции Ленин иронически называл «парламентарным кретинизмом», а статью Жордания «Земское собрание и наша тактика» охарактеризовал как «невероятный вздор».

В годы реакции связи грузинских большевиков с В. И. Лениным не прерывались.

¹ Архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, ф. 26, оп. 27, 57-20108.

² Журнал «Пролетарская революция», 1925, № 5 (40), стр. 44.

³ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», 1954, ч. I, стр. 84.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. 9, стр. 311.

⁵ Там же, стр. 323.

В начале 1908 года М. Давиташвили вторично едет за границу. Поселившись в Женеве, он знакомится с Владимиром Ильичем, с которым до тех пор лишь переписывался.

С осени 1909 года с Лениным завязывает переписку Серго Орджоникидзе. Приведем одно из его писем по поводу блока с Плехановым в период борьбы большевиков с ликвидаторами. В этом письме от 4 июня 1910 года Серго Орджоникидзе писал В. И. Ленину: «С большим удовольствием прочел «Дневники». От души рад плехановскому повороту, но не могу не отметить, что он больше других грешен в том, в чем он обвиняет наших. Но без этого и не могло быть: нужно же было за что-либо ухватиться. Кто дипломатничал после 2-го съезда? Кто в продолжение 7 лет шел рука об руку и вдохновлял российский ревизионизм в лице меньшевиков? Конечно, Плеханов и никто другой. Но, если в настоящее время он на самом деле останется на занимаемой позиции, это будет безусловно плюсом для партии. Но я должен признаться, что по отношению к нему я уподобился «неверующему Фоме». По-моему, подкованные ноги у нас всегда должны быть готовы... Впрочем, об этом Вы больше осведомлены, и если бы поделились своим мнением, было бы приятно».¹

Как известно, Плеханова действительно вскоре потянуло к ликвидаторам, и В. И. Ленин дал ему достойную отповедь в своей статье «Плеханов, не знающий чего он хочет», опубликованной в газете «Рабочий» 25 мая 1914 года.

М. Давиташвили писал М. Торошелидзе из Парижа о новом «повороте» Плеханова: «Сюда пришло уже 2 номера газеты Георгия. Теперь Георгий взял курс направо. В первом номере он больше ругал нас, чем ликвидаторов... В «Правде» уже воздали должное Георгию под заглавием: «Георгий, не знающий чего он хочет».²

Переписка с Лениным вызвала в Серго особенно сильное желание лично встретиться с великим вождем. Он ждал только удобного случая, делового повода для поездки за границу, чтобы повидать Ленина, познакомиться и сблизиться с ним. Такой случай вскоре представился. В ноябре 1910 года С. Орджоникидзе вернулся из Ирана в Баку, а в конце того же года выехал в Париж к Ленину.

Надежда Константиновна Крупская так описывает первое появление у них Серго: «Раз приходит консьержка и говорит: «Пришел какой-то человек, ни слова не говорит по-французски, должно быть, к вам». Я спустилась вниз — стоит кавказского вида человек и улыбается. Оказался Серго. С тех пор он стал одним из самых близких товарищей».³

Серго поселился в том же районе, в котором жил Ленин, часто виделся и беседовал с ним. Вскоре к Ленину приехал известный революционер, близкий друг Серго — Камо (Семен Аршакович Тер-Петросян). Владимир Ильич, Надежда Константиновна и Серго, бывало, заслушивались рассказами Камо о том, как он спасался от нескольких вынесенных ему смертных приговоров; по воспоминаниям Крупской, Ленин при этом много смеялся. Он горячо любил Камо, всегда принимал его по-дружески, подолгу беседовал с ним о партийных делах и высоко ценил его большевистскую твердость и смелость. В одном из писем 1919 года Ленин писал о Камо: «Я знаю одного товарища *досконально*, как человека *совершенно исключительной преданности, отваги и энергии*».⁴

Весной 1911 года Ленин открыл партийную школу в деревне Лонжюмо, близ Парижа. Серго аккуратно посещал эту школу. Здесь он слушал

¹ Г. К. Орджоникидзе. Статьи и речи, 1956, т. I, стр. 1.

² Архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

³ Н. К. Крупская. «Воспоминания о Ленине», 1933, стр. 170.

⁴ Ленинский сборник XXXV, стр. 73.

лекции Ленина по вопросам теории и практики социалистической революции, по политической экономии и аграрному вопросу. Лекции Ленина, близость с ним, оказали огромное влияние на всю дальнейшую революционную деятельность С. Орджоникидзе.

В период подготовки к Пражской конференции возникла необходимость создать организационную комиссию, помимо заграничной, и в России. Это большое ответственное поручение Ленин возложил на Серго, который тотчас же отправился в Россию. Царская охранка, не сумев точно выяснить причину приезда Серго, разузнала, однако, кем он был послан. В донесении агентуры московского отделения охраны говорилось, что Серго Орджоникидзе, «ярый ленинец по убеждениям... командирован Лениным с особыми инструкциями в Россию».¹

Выполняя ленинское поручение, Серго систематически информировал Владимира Ильича о ходе работы и получал от него советы и указания. Он с успехом справился с поставленной перед ним задачей. Ленин с удовлетворением отмечал успешную деятельность созданной под руководством Серго Российской организационной комиссии.

VI партийная конференция состоялась в январе 1912 года, в г. Праге. Работой ее руководил В. И. Ленин. Серго Орджоникидзе сделал на конференции доклад о работе Российской организационной комиссии, принял участие в обсуждении почти всех вопросов и был избран в состав Центрального Комитета партии.

По окончании работы конференции, по предложению Ленина была выделена группа делегатов, которой поручалось ознакомить с принятыми решениями все партийные организации. В эту группу был включен и Серго. Вернувшись снова в Россию, он стал выступать с докладами, призывая партийные организации к борьбе за осуществление решений Пражской конференции, и посылал Ленину резолюции проведенных собраний.

Ленин 12 марта 1912 года писал: «Теперь 12 делегатов в России — везде делают доклады. Из Питера, Москвы, Киева, Самары, Николаева и Тифлиса *есть уже письма* об этом. Работа пошла и пойдет».²

Когда резолюции из Тбилиси и Баку запоздали в пути, Ленин в директивном письме Орджоникидзе и другим членам Русского бюро ЦК выразил большое беспокойство по этому поводу: «Ни из Тифлиса, ни из Баку (центры страшно важные) ни звука толком, были ли доклады? где резолюции?..»³

Серго тотчас же сообщил Ленину, что резолюции на его имя высланы. В письме к Е. Стасовой, посланном из Киева в Тбилиси, он писал: «Ильичу ответил... Письмо его написано, как видно, в начале марта, теперь, должно быть, он до некоторой степени успокоился».⁴

В 1914 году начался сбор средств в фонд газеты «Правда», которому Ленин придавал большое значение. Он проявлял интерес и к тому, как протекал сбор в Грузии, в каком состоянии здесь ликвидаторские газеты, как борются большевики с ликвидаторами.

Большевики Грузии, переписываясь с Владимиром Ильичем, посылали ему местные газеты и другие издания. Ленин, со своей стороны, запрашивал их об интересующих его событиях. Эта связь часто осуществлялась через М. Давиташвили, который жил тогда в Париже и был очень близок с Лениным. Об этой близости свидетельствуют, в частности, письма, в которых М. Давиташвили называет Н. К. Крупскую и В. И. Ленина

¹ Журнал «Красный архив», 1938, № 1 (86), стр. 177.

² В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 4.

³ Там же, стр. 7.

⁴ Журнал «Красный архив», 1938, № 1 (86), стр. 178.

уменьшительными именами. Вынужденный по конспиративным соображениям засекречивать имя Ленина, М. Давиташвили называет его в письмах ласкательным грузинским именем — Ладико.

Летом 1914 года М. Давиташвили писал М. Торшелидзе в Тбилиси: «Ладико через Надю просит ответить на следующие вопросы. 1. В какие промежутки и как часто выходят социал-демократические газеты на грузинском, армянском и других языках на Кавказе (с такого-то числа и года по такое-то число и год), столько-то №№ ликвидаторских и наших. 2. Их тираж. 3. Число рабочих кружков, которые оказали помощь, и другие данные. Очень прошу выполнить это как можно скорее».¹

С этим же письмом М. Давиташвили переслал в Грузию замечательный документ Ленина по национальному вопросу — «Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств», написанный в мае 1914 года и предназначенный для внесения в Государственную думу. Ленин считал этот документ хорошим средством разоблачения «глупости» лозунга культурно-национальной автономии.

М. Давиташвили писал: «Пришло письмо от Нади и этот документ, который я посылаю (его писал Ладико)».²

Ленинский проект не удалось внести в Думу, но большевики Грузии, получив этот документ, умело использовали его в борьбе с автономистами.

В рукописях В. И. Ленина сохранился список литературы, которую он читал в годы первой мировой войны. Упоминание в этом списке книги «Грузия и нынешняя война», оказавшейся в Цюрихской библиотеке, говорит о том, что в тот период Владимира Ильича живо интересовало и положение в Грузии. Читал Ленин также статью К. Кахели (псевдоним меньшевика К. Андроникашвили) — «Война и Кавказская социал-демократия». Она была помещена в сборнике «Война», изданном в Петербурге в 1915 г. Статья восхваляла оборонческие взгляды Н. Жордания, за которые, как известно, Ленин называл этого меньшевистского лидера «открытым социал-шовинистом».

Большевики Грузии неуклонно руководствовались ленинскими указаниями по вопросам войны, мира и революции и последовательно отстаивали ленинскую линию на превращение империалистической войны в войну гражданскую.

В дни войны переписку с В. И. Лениным поддерживали грузинские большевики Н. Кикнадзе и Ной Буачидзе.

В 1925 году впервые были опубликованы два письма В. И. Ленина, адресованные в октябре и ноябре 1916 года Н. Кикнадзе в Женеву.³ Эти письма В. И. Ленина — ответ на письма Н. Кикнадзе, в которых был поставлен вопрос о национальных войнах. Из первого письма видно, что Кикнадзе намеревался вступить в дискуссию с Луначарским и его единомышленниками, оспаривая их подход к национальным войнам и национальным восстаниям. Ленин приветствует это намерение Н. Кикнадзе и посылает ему в помощь свою еще не опубликованную статью.

«Раз Вы хотите спорить с ними,— пишет Владимир Ильич,— посылаю Вам свою статью из № 3 (или 4) сборника на эту тему. Это — *приватно*, т. е. только для вас: по прочтении верните мне или отдайте Карпинским, чтобы они с очередным пакетом вернули мне. Публике этого показывать я еще не могу».

Речь шла об известном труде В. И. Ленина «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме», который впервые был напечатан лишь в 1924 году.

¹ Архив Грузинского филиала Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

² Там же.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 189 и 193.

В том же письме Ленин пишет: «Я думал, что Вы уехали, и потому послал письмо о швейцарских делах только Ною» (Ленин имеет в виду Ноя Буачидзе).

Во втором, более пространным письме, Ленин разъясняет свое положение «о возможности превращения и данной империалистической войны в национальную», в котором Н. Кикнадзе вначале не разобрался и которое считал спорным.

* * *

Великое ленинское учение, поднимавшее массы на социалистическую революцию, большевики Грузии неустанно пропагандировали через свою печать. Речи и статьи Ленина печатались в газетах на грузинском и русском языках, отдельным изданием выходили его главнейшие труды. Достаточно сказать, что только за восемь месяцев, которые отделяют Февральскую революцию от Октябрьской, газеты «Кавказский рабочий» и «Брдзола» опубликовали более тридцати ленинских трудов, статей и выступлений.

22 апреля 1917 года газета «Кавказский рабочий» опубликовала статью Ленина «О двоевластии», 25 апреля были опубликованы знаменитые Апрельские тезисы, 29 апреля — «Луиблановщина», 17 июня — речь Ленина на Первом Всероссийском съезде Советов об отношении к Временному правительству, 23 августа в «Кавказском рабочем», а 27 августа в газете «Брдзола» была напечатана статья Ленина «К лозунгам». В первом номере газеты «Брдзола» (от 4 июня) были помещены резолюции VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б), большая часть которых написана Лениным. В те же дни эти резолюции были изданы в виде брошюры на русском языке.

В грузинской печати того времени нашла отражение борьба, которую вели большевики против злостной буржуазной клеветы, направленной на то, чтобы поколебать авторитет Ленина в массах, очернить его в глазах народа. Большевики и рабочие массы Грузии были глубоко возмущены этой клеветнической кампанией.

В конце апреля 1917 года грузинские меньшевистские газеты усиленно распространяли слухи об аресте Ленина. Большевики немедленно проверили достоверность этих сведений и, выяснив, что они не соответствуют действительности, поместили в газете «Кавказский рабочий» (в номере от 25 апреля), под рубрикой «Телеграммы из Петрограда», опровержение, в котором говорилось: «Когда буржуазные газеты получили сообщение, будто арестован Ленин, редакция «Кавказский рабочий» запросила редакцию «Правды». 22 апреля получили телеграфный ответ: «О Ленине сообщение ложное: ничего подобного не было, идет травля в буржуазной прессе».¹

Меньшевистская газета «Эртоба» всячески клеветала на большевиков и Ленина. «Кавказский рабочий» беспощадно разоблачал ее гнусные выпады. Однако все более остро ощущалась необходимость в большевистской газете и на грузинском языке.

30 апреля состоялось расширенное заседание редакционной коллегии «Кавказского рабочего» с участием рабочих Главных железнодорожных мастерских и депо. Рабочие подняли вопрос о создании большевистской газеты на грузинском языке: «Тем более это необходимо, — заявили они, — что существующая грузинская с. д. газета «Эртоба» факты из партии и фракционной жизни освещает односторонне, например, инсинуации о т. Ленине и т. п.»²

¹ Газ. «Кавказский рабочий», 1917, № 34.

² Газ. «Кавказский рабочий», 1917, № 47.

Большевистская газета на грузинском языке — «Брдзола» — вышла 4 июня 1917 года. Основана она была на средства, собранные рабочими. Соображения в пользу ее учреждения были, помимо общих политических задач, продиктованы, как видим, и стремлением рассеять клеветнические слухи, распространяемые о Ленине меньшевиками, и обеспечить правильное освещение деятельности великого вождя.

Газеты «Брдзола» и «Кавказский рабочий» систематически печатали статьи о Ленине, опубликовали его биографию, знакомя массы с жизнью и деятельностью вождя пролетарской революции.

В номере от 19 мая «Кавказский рабочий» напечатал статью под заголовком «Чего хочет Ленин?» На этот вопрос статья отвечала:

«Он хочет, чтобы разбойничьей войне скорее положить конец и избавить человечество раз навсегда от войн.

...Он хочет еще, чтобы вся полнота власти принадлежала не врагам народа, не тем, кто устроили и устраивают войны, не буржуазии, а представителям революционной демократии — советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

... То, за что борется Ленин, борются и его единомышленники социал-демократы, большевики».¹

В номере от 8 июня та же газета поместила биографический материал о Ленине под заголовком: «О товарище Ленине», а 4 августа — письмо солдата: «О товарище Ленине», в котором выражалось возмущение по поводу травли Ленина. 6 августа в газете «Кавказский рабочий», 13 августа в газете «Брдзола», а 29 августа в выходившей на армянском языке газете «Банвори Крив» была помещена ответная статья В. И. Ленина на опубликованное 22 июля в буржуазных газетах сообщение «От прокурора Петроградской судебной палаты», в котором Ленину предъявлялось обвинение в подготовке вооруженного восстания.

Трудящиеся Грузии считали Ленина своим спасителем, горячо его любили, относились к нему с неограниченным доверием, высоко чтили его авторитет. Всем, кто пробовал очернить его, они давали резкий отпор.

Возмущение рабочих не имело границ, когда они узнали, что 7 июля 1917 года буржуазное Временное правительство издало приказ об аресте Ленина. В связи с этим, 9 июля в Тбилиси, в Александровском саду, состоялся многолюдный митинг протеста. 11 июля газета «Кавказский рабочий» опубликовала редакционную статью «Протестуйте все!» В этой статье было сказано: «Телеграф нам принес кошмарное известие! Ордер об аресте Ленина подписан... Контрреволюция делает верный ход. За этими арестами последуют другие, чтобы достичь одной цели: обезглавить пролетариат». Газета выражала горячий протест против подлых действий Временного правительства и призывала трудящихся сплотить свои боевые ряды.

Ленин всегда внимательно следил за жизнью Грузии. Он резко критиковал изменническую деятельность меньшевиков, оказывал помощь большевикам своими наставлениями и указаниями, следил за грузинской периодической печатью. Когда в ноябре 1920 года библиотекарь представил В. И. Ленину список книг, журналов и газет, поступающих на его имя, с просьбой пометить, какие его интересуют, Ленин сделал приписку в разделе изданий, полученных из Тбилиси: «Да. Прошу все».²

Трудящиеся Грузии под руководством большевиков вели длительную, упорную борьбу против меньшевистского господства и 25 февраля 1921 года, при братской помощи Красной Армии, установили у себя Со-

¹ Газ. «Кавказский рабочий», 1917, № 53.

² Ленинский сборник XXXV, стр. 180.

ветскую власть. Первыми, кому сообщил грузинский народ о своей исторической победе, были В. И. Ленин и И. В. Сталин.

Уже на третий день после этого события, 28 февраля, Ленин в своем выступлении на заседании пленума Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов заявил, что «в Тифлисе, по последним сведениям... оказалась Советская власть».¹ Это известие было встречено аплодисментами.

2 марта 1921 года Ленин писал Орджоникидзе: «Передайте грузинским коммунистам и специально всем членам Грузинского ревкома мой горячий привет Советской Грузии».²

В этом письме Ленин ставил перед коммунистами Грузии задачу «немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян, создавая крепкую грузинскую Красную Армию».

Кроме того, Владимир Ильич дал руководящие указания тактического порядка и, в частности, просил помнить, «что и внутренние и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения русского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики...»

В этой связи Ленин указывал, что «необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам». К вопросу об отношении к интеллигенции Владимир Ильич вернулся в своем известном письме к коммунистам Кавказа, в котором наметил пути привлечения интеллигенции к хозяйственному строительству.³

Ленинское письмо грузинским коммунистам И. В. Сталин 2 марта передал по прямому проводу Серго Орджоникидзе, находившемуся тогда в Баку. Орджоникидзе в тот же день ответил Ленину о единодушном согласии коммунистов Грузии с его директивой. В тот же день Ленину был передан и ответ Ревкома Грузии. М. Орахелашвили и Ш. Элиава просили И. В. Сталина: «В первую очередь передайте тов. Ленину нашу горячую благодарность за поздравление и нашу глубочайшую уверенность в том, что он ни на одну минуту не забудет нас, грузинских коммунистов, и не лишит нас мудрого совета и наставления, предостережет от тех ошибок, которые неизбежны при проведении пролетарской тактики в стране, где существуют мелкобуржуазные порядки в жизни и взаимоотношениях».

В связи с указаниями В. И. Ленина об отношениях к грузинской интеллигенции, М. Орахелашвили и Ш. Элиава писали:

«Мы относимся с полным доверием к грузинской и вообще к местной интеллигенции. Мы стремимся поставить интеллигенцию в удобные для труда условия и дать ей полную свободу развить здоровую национальную культуру на почве родного языка. Нескончаемая злостная пропаганда меньшевиков оставила в различных общественных кругах такой след, что все были уверены, что большевизм в Грузии означает насильственное сметение всего национального, уничтожение национальной культуры. Но с нашим приходом все убедились, что все это ложь, и также лживы многие другие вымыслы и толки о большевистских зверствах. В ревком один за другим приходят делегаты от различных обществ, из партийной и беспартийной интеллигенции, и заявляют, что они готовы сотрудничать с советским правительством не за страх, а за совесть. Мы уверены, что новое правительство и интеллигенция уже поняли друг друга, и это понимание еще более усилится в процессе работы».⁴

Придавая большое значение электрификации Закавказья на базе

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 127.

² Там же, стр. 137.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Газ. «Комунисти», 1921, 8 марта.

широкого применения «белого угля», Ленин дал директиву: «Всеми силами развить... производительные силы богатого края, белый уголь... «начать крупные работы электрификации».¹

По указанию Ленина, на строительство ЗАГЭС'а (гидроэлектростанции близ Тбилиси) было выделено вначале 700 тысяч, а затем, дополнительно, еще один миллион рублей золотом.

Хорошо зная природные ресурсы Закавказья и Грузии, Ленин обращал внимание коммунистов Кавказа на необходимость разработки их, в частности, — чиатурского марганца. Ленин не раз высказывался по этому вопросу. В. Бонч-Бруевич в своих воспоминаниях «В. И. Ленин в Петрограде и в Москве» пишет: «Когда заходила речь о Кавказе, он (В. И. Ленин — В. Э.) всегда обращал особое внимание на разработки марганца в Чиатурах, предсказывая им большое будущее».²

Обязательным условием развития сельского хозяйства и животноводства в Грузии и Закавказье В. И. Ленин считал строительство оросительных систем. Он писал: «Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало», надо сразу «постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения».³

Таковы были, в общих чертах, первые ленинские указания в области хозяйственного подъема молодых закавказских республик. Вскоре великий основатель Советского государства выступил инициатором одного из важнейших актов их государственного строительства: по предложению Ленина и при непосредственном участии Сталина была образована Закавказская федерация, которая много лет объединяла братские Грузинскую, Азербайджанскую и Армянскую республики, сыграв огромную роль в их хозяйственном и культурном развитии.

Советская Грузия, унаследовавшая от меньшевиков полную хозяйственную разруху, переживала, на первых порах, большие продовольственные затруднения. По грузинским газетам того времени видно, какую заботу проявил в те дни Владимир Ильич, чтобы облегчить положение трудящихся республики.

14 июля 1921 года газета «Правда Грузии» воспроизвела текст телеграммы В. И. Ленина в Ростов уполномоченному Комиссариата продовольствия: «Учитывая тяжелое продовольственное положение Грузии, — говорилось в телеграмме, — вам предлагается отправить в течение июля в Тифлис в адрес Наркомпрода Грузии 100 тыс. пуд. хлеба. Получение и исполнение подтвердить № 80210. 7 июля. Предсовнарком Ленин».⁴

Сообщения о помощи Грузии, поступающей из России, в тот период систематически публиковались в грузинских газетах.

★ ★ ★

Весной 1922 года в Грузии ждали Ленина. В виду ухудшения здоровья, он собирался приехать отдохнуть на одном из грузинских курортов.

В письме от 7 апреля 1922 года, Владимир Ильич, сообщая С. Орджоникидзе, что ему необходимо лечение и настоящий отдых, просил Серго подыскать подходящее для этого место в Грузии.

С. Орджоникидзе немедленно приступил к выполнению просьбы Ленина. Он лично осмотрел целый ряд курортов и остановил свой выбор на доме отдыха в Абастумани, о чем сообщил Владимиру Ильичу. Прибывший для осмотра Абастумани народный комиссар здравоохранения

¹ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 296, 297.

² В. Бонч-Бруевич. «В. И. Ленин в Петрограде и в Москве», 1956, стр. 47.

³ В. И. Ленин. Сочинения, т. 32, стр. 296, 297.

⁴ Газ. «Правда Грузии», 1921, 14 июля.

Н. А. Семашко счел, однако, это место неподходящим и предложил Боржоми.¹

Видимо, уже на основании информации Н. А. Семашко, Ленин вновь писал Орджоникидзе: « т. Серго! Посылаю Вам еще несколько маленьких справок. Они сообщены мне доктором, который сам был на месте и заслуживает полного доверия: Абастуман... нервным негодно... Боржом очень годится, ибо есть прогулки по ровному месту, а это необходимо... Кроме того, Боржом — высота подходящая, Абастуман же высота чрезмерная, больше 1000 метров. *Нельзя*. Особенно наш доктор предупреждает против ранней поездки, де, будут холода и дожди сугубо до половины июня. На этот последний счет я не так боюсь, если дом не протекает и отапливается, ибо при этих условиях холода и дожди не страшны».²

После этого письма С. Орджоникидзе подготовил к приезду Ленина дом отдыха в Боржоми, но, к сожалению, из-за резкого ухудшения здоровья, Владимир Ильич так и не смог сюда приехать.

В газетах систематически печатались бюллетени о состоянии здоровья Ленина. С волнением следили трудящиеся Грузии за течением болезни вождя. С огромной радостью встречалось каждое сообщение, подававшее надежду на его выздоровление.

17 июля 1922 года на пленуме Тбилисского городского Совета была оглашена телеграмма Сталина о здоровье Ленина. В ней сообщалось: «Доктора думают, что через один месяц он будет иметь возможность по старому продолжать работать». Эта весть вызвала в зале громкие, долго не смолкавшие аплодисменты. Тут же был принят текст телеграммы к Ленину, в которой говорилось: «Тифлисский совет рабочих и красноармейских депутатов, заслушав телеграмму тов. Сталина о вашем окончательном выздоровлении, посылает славному вождю и вдохновителю международных пролетарских восстаний свой пламенный привет».³

Здоровье В. И. Ленина часто и внезапно менялось то в лучшую, то в худшую сторону. К концу 1923 года оно резко ухудшилось. 21 января 1924 года вечером, в 6 часов 50 минут, Владимир Ильич Ленин скончался. Эта страшная весть с быстротой молнии облетела всю страну. Глубокая скорбь охватила весь советский народ, все прогрессивное человечество. Но, скорбя о невозполнимой утрате, трудящиеся нашей страны еще теснее сплотились вокруг родной Коммунистической партии. Тысячи передовых рабочих вступали в ее ряды.

На траурных митингах и собраниях трудящиеся Грузии клялись быть верными делу Ленина и с удесятенной энергией бороться за его победу. 23 января 1924 года на траурном заседании Тбилисского совета была принята резолюция, в которой говорилось, что трудовой грузинский народ «клянется, что всеми силами будет защищать заветы Ильича, будет коллективно и неустанно трудиться под знаменем ленинизма и под водительством той Коммунистической партии, которую создал гениальный вождь пролетариата и всех обездоленных».⁴

Грузинский народ навсегда остался верен этой клятве.

¹ Сообщение старого большевика И. Франгуляна, который, будучи начальником Курупра Грузии, лично принимал участие в подыскании места для отдыха Ленина.

² Ленинский сборник XXXV, стр. 345.

³ Газ. «Комунисти», 1922, 19 июля.

⁴ Газ. «Рабочий», 1924, 25 января.

Илья Дубинский

Город, люди, конфликты

I.

Поезд шел с севера к скалистым берегам Риони.

В Цхакая, Самтрედия, еще на каких-то станциях он обгонял длинные эшелоны с лесом, металлом, с башенными кранами, издали чем-то напоминаями длинноногих черных аистов, с ковшами экскаваторов и просто с большими ящиками.

На столике в купе — «Правда» со стихами Мирзо Турсун-заде:

К нам прибыл лес — веселый
русский гость,

Железа первый лист
и первый гвоздь,

И первое оконное стекло,

И братской дружбы
жаркое тепло.

А навстречу неслись составы с автомобилями-самосвалами, с моторами, с шахтным оборудованием, с грузами в емких контейнерах. На вагонах белой краской, а то и просто мелом обозначены адреса: «Братск, Гидрострой»... «Кемерово, Кузбассуголь»... «Ханой, Вьетнам, Машиноэкспорт»... «Якутск, геологическая партия 315»... «Чарджоу»...

Все говорило о том, что вот-вот покажется большой промышленный город.

...За вокзалом, как обычно, открылась площадь. А дальше уже свое, кутаисское: небо высокое, бледно-голубое, ломаная линия сверкающих вершин вдали, и смело спланированная ниспадающая лестница, переходящая в прямую широкую улицу. Она, по словам старожил, и ведет к началу всего.

Что же это такое «начало всего» в городе, самом древнем по обе стороны

Кавказского хребта? Ведь только под именем Кутаиси он существует более тысячи лет!

Кутаиси был стольным городом имеретинских царей, затем губернским центром Российской империи. Словарь Брокгауза и Ефрона наивно свидетельствовал: «Кутаис растет чрезвычайно быстро. По данным 1900 года, жителей имеет 26 тысяч. Промышленных рабочих — 202 человека».

Далеко простирались границы Кутаисской губернии — от Сванетии до Гагра включительно. На ее территории были расположены месторождения лучшей в мире чиатурской марганцевой руды, богатые залежи угля, множество других ископаемых. Здесь пересекались основные торговые пути от Черного моря к Каспийскому, встречались дороги с севера на юг, с востока на запад. Величайший русский ученый Д. И. Менделеев решительно утверждал, что для развития промышленности «в Кутаисовой губернии условия бесподобные».

Однако царский наместник на Кавказе и губернатор в Кутаиси твердо придерживались предначертаний императорского двора: никаких заводов, никаких университетов Грузии не надо!.. Порой представители «делового мира» слали депутации в Петербург: недостойно-де возить из Закавказья в Италию и Южную Францию коконы шелковичных червей на нехитрую первичную обработку — разматывать нити. Но просьбы эти оставались без ответа.

До самой революции основным «промышленным предприятием», украшавшим губернский центр, была табачная фабрика. Около вокзала лениво чадил две известковые печи, у Красного

моста с утра до вечера надрывно звенели молотки в темных кузницах да был еще лимонадный завод Лагидзе у городского сада. Он же, Лагидзе, первый ввел в Кутаиси газзовые фонари. По словам тогдашнего репортера, сообщившего об этом событии, «оние фонари шипели и разливали белый с лиловатыми оттенками свет. Он очень привлекал публику из высшего общества».

Две маленькие электростанции, появившиеся уже незадолго до революции, не в состоянии были осветить даже центр города. За год они вырабатывали энергии меньше, чем любая из турбин Рионгэса за одни сутки.

Поэтому-то кутаисцы и считают, что началом всего, началом экономического расцвета города, был подарок, присланный им по дружескому совету Ленина московскими рабочими в начале 1923 года. Правда, подарок несколько необычный, такой, что из рук в руки никак не передашь. Для его доставки потребовались... десятки вагонов. Иначе как перевести целую суконную фабрику! К ней и ведет от вокзала та прямая широкая улица.

Русские рабочие в подарок, отправленном по совету Владимира Ильича в Кутаиси, не видели чего-либо исключительного, выходящего за рамки обычной рабочей солидарности. Подчиняясь тому же светлому чувству дружбы, вместе со станками и машинами в незнакомый им город на берегах Риони поехали и потомственные умелые ткачи, мастера, инженеры. Поехали, как говорилось в их мандате, «на предмет обучения жителей Кутаиса ткацкому ремеслу — на месте».

К прибытию первого эшелона надо было подготовить помещение. Для Кутаиси того времени это была почти неразрешимая задача. Серго Орджоникидзе предложил воспользоваться «наследством» губернатора — казармами его личной охраны.

Разбирать «казенные здания» и строить фабричные корпуса принялись сообща новоселы-москвичи и старожилы-кутаисцы.

Вместе с другими каждое утро приходил сюда и худой мальчонка по имени Ваню. Лицо бледное, ноги, видно, плохо слушаются, а большие, широко раскрытые глаза так и горят. Все ему надо знать, обо всем расспрашивает. Однажды его окликнул молодой подмастер Яков Кручинов:

— Поступай в ученики, парень, или не выдержишь?

— Я буду очень стараться, — пообещал Ваню. — Мне обязательно нужно научиться.

Ваню сбивчиво рассказал, что он шестой сын плотника Шалвы Закариадзе.

Два его старших брата и сестра при меньшевиках умерли от чахотки...

— Понятно, — произнес в ответ Яков. И тут же обнадеживающе добавил: — Я-то рожден на фабрике, у нас весь род Кручиновых — ткачи, сызмалства у станков.

...Существует неумолимый закон — металл с годами устает, изнашивается. Мало что осталось теперь на Кутаисской фабрике от старых станков. Три раза ее перестраивали, расширяли.

Нет на фабрике уже и Якова Кручинова и Ваню Закариадзе — два друга отправились на новое место, чтобы создать еще один фабричный очаг. Благо, это не так уж далеко от Кутаиси — в Цхакая. Там, среди кукурузных полей и чайных плантаций, несколько лет назад построили фабрику по выделке ковров — одну из четырех, работающих ныне в Советском Союзе. Кто-то должен был учить новых ткачей — недавних колхозников. И первыми их учителями стали Яков и Ваню. Дружба, в отличие от металла, с годами все больше и больше набирает живой силы.

Покинем и мы центр Кутаиси.

В нескольких километрах от городского сада — когда-то он пользовался вниманием Акакия Церетели, привлекал задумчивого, верно, скучавшего по родным горам Важа Пшавела и гимназиста Владимира Маяковского — расходятся накатанные до черного блеска асфальтированные дороги. Одна ведет к белым, устремленным к солнцу санаториям и ванным зданиям Цхалтубо, другая — в городок автомобильного завода имени Серго Орджоникидзе.

2.

В среду, седьмого июня 1955 года, в 17 часов 30 минут радио Москвы передавало репортаж из Кутаиси.

— Сейчас мы в удивительно светлом сборочном цехе. На ходу обрастая деталями, поблескивая зеленой краской, движутся по главному конвейеру автомобили со стальным саморазгружающимся на две стороны кузовом. На капоте каждой машины — надпись на грузинском и на русском языках «Кутаисский автозавод».

На заводской марке не принято отмечать, а сказать обязательно следует: эти автомобили делают совсем еще молодые люди. На все расспросы они отвечают коротко, просто и не без гордости: «Мы учились в России, прошли школу Москвы, Горького, Ленинграда, Урала...»

А подробней?

Приходится обратиться за помощью к нашему спутнику, секретарю пар-

тийного комитета Сергею Абзианидзе. Он один из ветеранов завода, был рядовым инженером, потом начальником цеха.

— Я бы сказал, все обстоит просто, — отвечает Сергей Александрович на вопрос радиорепортера. — Огромное большинство наших рабочих, мастеров и инженеров, наши ведущие конструкторы — начинали на автомобильных и машиностроительных заводах России. Учеба продолжается и сейчас. Только теперь это уже взаимный обмен опытом. Наши люди черпают знания из богатого опыта московских, горьковских, уральских мастеров, а к нам на завод приезжают поучиться посланцы заводов России.

Да и во всех цехах и во всех бригадах бок о бок работают люди тридцати двух различных национальностей. Вот здесь, в сборочном цехе, вы найдете грузин, русских, украинцев, белорусов, армян, евреев, азербайджанцев, молдаван, татар, эстонцев, лезгин, чувашей, болгар, греков.

Во время последних выборов в Верховный Совет Грузии многонациональный коллектив нашего завода выдвинул кандидатом в депутаты токаря-скоростника Анатолия Агапова. Анатолий попал в Кутаиси подростком. У нас он приобрел специальность, принят в Коммунистическую партию, создал семью, вышел, как говорится, в люди. Избиратели дружно отдали за Агапова свои голоса.

С помощью таких людей, как Анатолий Агапов, быстро растут юноши и девушки, приходящие на автомобильный завод из долин и горных селений Грузии, в том числе и из Верхней Сванетии. Примерно два года назад на завод приняли молодую девушку Жужуну Дзидзигури. Ее определили ученицей на зуборезный станок. К концу учебы Жужуна вызвала из деревни младшую сестренку, попросила принять ее в тот же цех. Теперь обе сестры — передовые работницы. Жужуна выдвинута в наладчики станков. Министр наградил ее значком отличника социалистического соревнования.

— Сергей Александрович, в Москве на сельскохозяйственной выставке появился первый в нашей стране автомобиль-хлопковоз. Кто из конструкторов над ним работал? Чье это детище? Оно ведь тоже свидетельствует о росте заводского коллектива.

— Как и все предыдущие машины, хлопковоз (иначе его называют автомобильным поездом для перевозки незатаренного хлопка) — плод коллективных исканий группы конструкторов. Пожалуй, больше других отличился главный конструктор завода Моисей Рыжик, его молодой заместитель

Дмитрий Картвелишвили, ведущие конструкторы Георгий Порчхидзе и Михаил Киселев, начальник экспериментального цеха Отар Тевдорадзе. Еще одно подтверждение тому, что я говорил раньше. Снова люди разных национальностей, крепко связанные творчеством, дружбой — самым светлым, что есть в жизни.

3.

В павильонах Советского Союза на международных выставках и ярмарках в Вене, Лейпциге, Загребе, Каире, Кабуле, Измире каждый раз демонстрируются автомобили Кутаисского завода: цементовозы, самосвалы, машины для перевозки хлопка — этакие внушительные автомобильные поезда серебристого цвета.

Все отзывы — одобрительные. У самосвалов с разгрузкой на боковые стороны поклонники всюду. Цементовозом живо заинтересовались австрийцы, югославы. Афганцам, а еще больше египтянам, прирожденным хлопкоробам, особенно пришлись по душе хлопковозы.

Хвалили кутаисские машины и в Турции. Там удивлялись, что одним из самых видных конструкторов завода работает молодой грузин Дмитрий Картвелишвили, приехавший в Измир осенью 1956 года в качестве представителя советского Министерства автомобильной промышленности.

Когда в 1945 году на пустынном, заболоченном Маглакском поле, вблизи Кутаиси, закладывали фундаменты первых цехов автомобильного завода, Дмитрий был еще учеником средней школы. С интересом слушал он рассказы старшего брата и его товарищей о тракторах, о машинах, которые они водят за собой на полях, о том, как все это важно для жизни, для настоящего и будущего страны.

Брат Дмитрия и его друзья были студентами факультета механизации сельскохозяйственного института. Отец, юрист, не одобрял этих частых разговоров о технике, но и не слишком энергично доказывал преимущества своей профессии. Дмитрий предпочел тонкостям римского права, а также и всемогущим тракторам, обыкновенные грузовые автомобили, только те, которые он обязательно будет создавать сам!

Завод строился, а его будущий ведущий конструктор уже слушал лекции в Грузинском политехническом институте. Пришло время — защитил диплом, вернулся в Кутаиси. На заводе сказали: «Вы очень вовремя — пускаем первые цехи. Будете инженером-испытателем». Справился. Дали работу

намного труднее — заведовать лабораторией двигателей.

Так они и росли вместе — завод и молодой инженер. И в силу вполне оправданного стремления — связать свое имя с доброй славой предприятия — Дмитрия Картвелишвили постоянно заботило одно, главное: действительно ли хорошо работает его завод и он сам.

Что такое в 1957 году марка «КАЗ»? Свой оригинальный, присущий только Кутаисскому заводу, профиль или простая географическая отметка о том, что этот экземпляр достаточно распространенной машины сделан не вблизи тихой Москвы-реки, а неподалеку от своенравного, все торопящегося к морю Риони.

Всякий автомобиль, в том числе самосвал, имеет не одну тысячу частей и деталей, очень различных по весу, размерам, материалу, способу обработки, но обязательно нужных для того, чтобы машина работала, жила. Все это по строгому, обязательному для десятков цехов и для тысяч людей графику подается на ленту главного сборочного конвейера.

Конструкторы как-то давно и не для Кутаисского завода позаботились, помимо всего прочего, снабдить конвейер и вариатором, то есть несложным механизмом, диктующим различные варианты скорости движения. Лента конвейера может двигаться быстро, может чуть ползти... Но она вынуждена останавливаться, когда где-то, вне пределов сборочного цеха, обрывается, иссякает поток устремленных к конвейеру частей и деталей.

Было время, когда этот поток возникал, набирал силу очень далеко от Кутаиси. На сборку шли части, отлитые, выкованные, обработанные за тысячи километров — на других автомобильных заводах страны. Теперь, обогнав своего ровесника — Минский автомобильный завод, Кутаисский в моторном цехе собственными силами готовит для себя самую важную часть машины — двигатель. Делает задний мост, коробку перемены передач, переднюю ось, руль, сцепление, карданный вал, блоки, не одну тысячу других деталей.

Но почему же тогда, как и пять с половиной лет назад, для кутаисских автомобилей возят рамы, кабины, крылья, гидромеханизмы пятнадцати наименований и еще многое другое за тридевять земель?

Нет нужных цехов? Не на высоте техническая мысль, мало умения? Или просто из-за невысокой производительности труда в механических и кузнечных цехах завод не успевает обеспечить конвейер всем необходимым?

Совсем недавно на экономической конференции, состоявшейся, правда, не в Кутаиси, а на Тбилисском станко-строительном заводе имени Кирова, докладчик, старший научный сотрудник Института экономики Академии наук Грузинской ССР Г. Квливидзе говорил:

«Если, для сравнения, принять выработку кировцев за сто процентов, то окажется, что средняя выработка на одного рабочего на Машиностроительном заводе имени Орджоникидзе составляет 92 процента, на Кутаисском машиностроительном заводе «Горняк» — 73 процента, на Батумском машиностроительном — 64 процента и на Кутаисском автомобильном заводе — 47 процентов!

Правда, начиная с января конвейер больше не напоминает собой незадачливого гонщика с препятствиями. Руководители сборки все реже прибегают к помощи вариатора.

Путевку в жизнь совсем скоро должен получить самосвал, разгружающийся уже на три стороны. Опытные образцы новой машины — она названа «КАЗ-602» — готовы, успешно проходят испытания на двух стройках. Совершенствуется конструкция автомобильного поезда для перевозки хлопка. Заметно уменьшается его вес. Новые качества придаются и цементовозу. Полностью изменяется способ разгрузки цемента. Сейчас это делается путем опрокидывания цистерны, а в новой машине выгрузку быстро и безо всяких потерь будет производить пневматический компрессор. Осуществляется много других планов...

Ситуация вроде бы совсем «бесконфликтная». Разве рискнуть, спросить?

— Скажите, на каком автомобиле завод по преимуществу специализируется в шестой пятилетке, что должно придать ему свой четко обозначенный профиль, отличать его марку среди всех других?

Возникает замешательство. Дмитрий Картвелишвили неожиданно резко бросает:

— Лица еще нет!

Продолжать разговор он не хочет: — Что толку? Министерство все равно не берет во внимание. Встретимся еще как-нибудь...

...В тот день — 29 марта — в московских редакциях засылали в набор тезисы доклада Никиты Сергеевича Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

4.

Напоминать о новой встрече Дмитрию Картвелишвили не пришлось.

Первого апреля, как только были

прочитаны тезисы, в маленькой комнате заместителя секретаря партийного комитета завода собрались инженеры, конструкторы, технологи.

Сначала беседа как-то очень походит на подземные воды, которые, кажется, совсем уж пробили себе выход, вот-вот вырвутся в расселину, и зажурчит ручеек, разольется привольно. Но нет, снова неожиданно возникает препятствие, снова воды ищут себе путь.

Забушевал, разлился наш ручей в момент, как будто неожиданный. Заместитель главного инженера Георгий Коболадзе, до этого безразлично читавший по бумаге, присланной из министерства, план внедрения новой техники (нередко она успевает состариться раньше чем ее «внедрят!»), резким движением захлопывает свою папку, повышает голос:

— Широко распространено мнение о сотрудничестве научных институтов с предприятиями...

Задвигались стулья, на лицах заиграла улыбка. Хотя какой же смысл пересказывать эту часть выступления Коболадзе, когда проще и, главное, достовернее воспользоваться стенограммой.

ГЕОРГИЙ КОБОЛАДЗЕ: А к нам фактически ни один товарищ из научных институтов не приезжал поработать серьезно. Приезжают они, как и писатели, на один день. Со стороны завода тоже проявляется мало инициативы. Надо было бы установить крепкую связь с ГПИ, с институтами Академии наук.

Научно-исследовательский институт автомобилестроения также не помогает нам. Например, проблема удаления стружки из механосборочного цеха. К этому никто не притронулся. Стружка сейчас удаляется вручную, а ее целые горы.

Или институт, что так широко разрекламировал «прекрасный цех» серого чугуна, созданный у нас по его проекту. Как много в этом цехе недостатков, которые следует рассмотреть и устранить? Кто об этом, товарищи, знает? Ни один из проектировщиков не проверял действительной эффективности своих проектов. Так работает московский институт Гипроавтопром.

Наш завод наполовину недостроен. Нет прессового корпуса. Корпуса ковкого чугуна тоже нет. В то время как мы почти закончили цех ковкого чугуна и завезли для него оборудование на несколько миллионов рублей, министерство взяло и сократило нам ассигнования. Это неправильно. Теперь мы не можем закончить давно начатые монтажные работы.

А если бы нам своевременно выделили деньги, мы превысили бы про-

ектную мощность процентов на сорок.

У нас не построены ни троллейбусная линия, ни достаточное количество жилых домов. Надо закончить строительство завода, а при наших темпах на это потребуется еще десять лет!

Современная автомобильная промышленность немыслима без прессового производства. В нашем деле оно является наиболее прогрессивным и должно быть всячески поощряемо. Но, вопреки этому, строительство прессового корпуса еще не начато. Мы имеем большие неприятности и затруднения.

Затрудняет нашу работу большая вынужденная и нерентабельная кооперация с Московским автозаводом имени Лихачева. Не подумайте, что я собираюсь ломиться в открытые двери. Конечно, автомобильная промышленность должна развиваться на базе самой широкой кооперации. Электрооборудование, подшипники, приборы, стекло, карболитовые изделия, ткани неизбежно должны поступать с других заводов...

КАРТВЕЛИШВИЛИ: Когда нашему заводу присылают по кооперации кабины автомашин с Московского ЗИЛ-а, то в 60-тонный вагон загружают 12 тонн. Это рентабельно? У нас были свои опытные кабины, свое оперенье в 1951 году.

Реплики: — Десять заводов поставляют нам металл!

— Нашли чему удивляться! Техническое снабжение идет из ста сорока географических пунктов!

— Во всяком случае металл можно было бы калибровать здесь, в Кутаиси, а не ждать, пока это сделают в Удмуртии.

— Если бы завод был построен как следует, он мог бы хорошо работать. А то и завод не закончен, и жилой площади нет. Рабочих из-за этого каждый день приходится возить на автобусах за 20—30 километров из Цулукидзевского и более дальних районов. Разве это условия для работы?

— Прессовый цех начали строить в 1955 году. Нам сказали: временно законсервируем, а потом достроите. И два прессы увезли в Горький.

— Крупных цехов не хватает. Модельный только в зародыше.

— В части недостройки не мы одни болеем, а многие заводы. (Шум).

...Это вроде того, что плеснуть ведерком воды в горящий бензин. Человеку хотелось как-то сгладить неблагоприятное впечатление, он и засвидетельствовал, что Министерство автомобильной промышленности относится к своему Кутаисскому заводу не хуже, чем к другим. Невнимание к жизненным нуж-

дам заводов — беда, мол, распространяемая!..

КАРТВЕЛИШВИЛИ: Следующий момент — недостаточность экспериментальных площадей. Это исключительно острый вопрос. Лаборатория дорожных испытаний автомобилей фактически находится под открытым небом. Должны производиться точные замеры, где их делать?

Очень отрицательно сказывается на деле и то, что у нас до сих пор нет ни одного образца зарубежных автомобилей и двигателей. На других заводах и в Научно-исследовательском автомобильном и автомобильном институте (НАМИ) имеется большое количество таких образцов. Они очень полезны для конструкторов. Это расширяет кругозор. Много можно почерпнуть. А мы пока лишены такой возможности.

Технический прогресс — не только полная смена моделей, но также и постоянное совершенствование конструкции выпускаемых автомобилей, повышение качества и культуры их изготовления. Это слова нашего министра товарища Строкина. Нужны специальные научно-исследовательские цехи с высококвалифицированными работниками. У нас в Кутаиси этого пока нет.

Все признают, что находящийся в Москве научно-исследовательский институт до сих пор очень мало влиял на техническое развитие автомобильной промышленности. Жизнь давно подсказывает: надо всемерно развивать конструкторское дело и вести научно-исследовательскую работу непосредственно на заводах. Убедительное доказательство тому — работа коллектива наших конструкторов и сотрудников одного из исследовательских институтов над созданием двигателя с оригинальным факельным зажиганием.

Этот двигатель, в отличие от серийного, имеет верхнее расположение клапанов и добавочный клапан в головке блока. Простые безотказные механизмы обеспечивают подачу смеси двух различных качеств. Одна из них много беднее, чем применяемая в обычном двигателе. Новая схема двигателя повышает его мощность с 90 до 115 лошадиных сил и экономичность — на 20 процентов. И что особенно радостно, при работе двигателя с факельным зажиганием, в отработанных газах больше нет ядовитой окиси углерода, угарного газа. Вы понимаете, как это важно для больших городов со все растущим движением автотранспорта. Заботясь о здоровье людей, правительство торопит с решением этого вопроса. Двигатели переданы на испытания.

Конструкторы ведут работу по приспособлению самосвалов к эксплуатации в горных условиях. В текущем году работа должна быть завершена. В пер-

вую очередь имеется ввиду повышение безопасности езды, вводится более совершенная система тормозов.

Еще. Совместно с Московским автозаводом ведутся подготовительные работы для выпуска всех моделей автомобилей на модернизированном шасси «ЗИЛ-150-В». Самое трудное было выполнено на нашем заводе, а завершается дело на ЗИЛ-е. Почему так получилось? Потому что наш прежний главный конструктор, начинавший с коллективом кутаисцев эту работу, переведен в Москву.

Заканчиваю. Кутаисский автомобильный завод ровесник Минского автозавода. Но Минский автозавод находится в несравненно лучших условиях. Он имеет свой профиль, свое производственное лицо, естественно, его продукция гораздо более рентабельна. А вот двигатели он получает от Ярославского автозавода. Мы двигатели делаем сами. Наш завод первый послевоенный завод, который освоил двигатели.

Чтобы найти лицо нашего завода, надо провести огромную работу и для этого надо иметь соответствующую опору.

...Можно высказать разные, притом весьма противоречивые предположения, почему после слов Дмитрия Картвелишвили оборвался, затих было разговор по душам. Возможно, как это часто бывает в горах Кавказа, просто поток на короткое время ушел в провал, скрылся из глаз. Не искал ли в те минуты каждый из сидевших в комнате инженеров, технологов, конструкторов своего ответа на все сказанное Дмитрием?

Да, своего производственного лица у завода нет. Так что же надо сделать, чтобы оно определилось? Специализироваться на цементовозах, на автомобильных поездах для перевозки хлопка?

Верно, они делаются только в Кутаиси, но сколько их нужно в год?

Дмитрий Картвелишвили отвечает: в пятилетнем плане намечен выпуск трехсот этих машин (хлопковозов—И. Д.) в год. Такие модели не выпускаются в больших количествах. Если мы в один год покроем всю потребность — в следующем году хлопковозы не надо будет выпускать.

Мы до некоторой степени пошли навстречу экономическим нуждам хлопководческих районов. Но надо признать, что для нашего завода это не перспективное дело.

Поднимается Реваз Карцивадзе — начальник технологического отдела. Он из самого первого выпуска механического факультета ГПИ. Был рядовым техником, потом старшим техником на блоках, на коробке скоростей.

Реваза волнует свое. Или это только подступ к главному?

КАРЦИВАДЗЕ: На других заводах лаборатория резания является центром, где ведется научно-исследовательская работа по разработке новых процессов. А у нас в лаборатории работает всего четыре человека, и нет ни соответствующих станков, ни приборов. Эту лабораторию еще стремятся сократить. Так сказал главный инженер.

Реплики: В лаборатории отсутствуют квалифицированные кадры и это решает ее судьбу. Кто у вас начальник лаборатории? Простой техник. В медицинском институте фельдшер никогда не будет заведующим лабораторией.

— Лаборатория существует с 1950 года и за это время сменилось пять, если не больше, начальников...

КАРЦИВАДЗЕ: Должны внедряться новые станки «17-22» отечественного производства с гидрокопировальным суппортом. Но когда это будет, мы, технологи, сказать не можем. У нас нет опыта наладки такой техники. Если бы удалось их пустить, производительность труда возросла бы в три-четыре раза. Весь профиль можно получить одним резцом, вместо работы, как обычно принято, десятью резцами. Видимо, надо просить совета у москвичей или горьковчан.

Высадка в настоящее время делается из прутковой стали. Это вызывает большой расход металла — пятьдесят с лишним процентов его идет в стружку. Мы теряем не менее ста тонн легированной стали. Стараемся внедрить высадку толкателем. При этом способе только пять-шесть процентов металла пойдет в стружку.

Реваз садится, но вдруг снова поднимается. Кажется, решился.

КАРЦИВАДЗЕ: В ближайшее время мы ожидаем, что нам передадут производство автомобилей с приспособлениями для захвата, подъема и транспортировки различных грузов, в общем — автокранов! (Шум). Для нашего завода это очень важно. Тогда мы получим свое определенное производственное лицо. Как, например, Минский завод.

(Шум, голоса: «Пока это только разговор по телефону с министерством!..»).

Позднее директор завода Шалва Кикнадзе пояснил:

— Хотим специализировать завод на производстве автокранов. Да, для всего Советского Союза. Городской комитет партии полностью нас поддерживает. Дело должно пойти!

Поднимается главный металлург завода Василий Ряхин. Со дня пуска Горьковского автозавода имени Молотова и до конца 1956 года он работал на Волге. В Кутаиси переехал по просьбе министерства, чтобы помочь наладить

основательно расстроенное литейное хозяйство нового предприятия.

РЯХИН: Кутаисский автозавод не получил своевременного развития потому, что не было освоено литейное и кузнечное производства, в первую очередь литейное. Достаточно сказать, что литейная серого чугуна сейчас выпускает примерно половину требуемого количества. Цех ковкого чугуна вообще отсутствует, а как раз ковкий чугун чаще всего требуется на машиностроительном заводе.

Стоит только спросить любого начальника, чем вызваны неполадки его цеха, он ответит: «Литейный цех не подал...»

Оборудование у нас в основном имеется, но костюм получился без пуговиц, без крючков, носить его нельзя, и пришить их нельзя — то ниток нет, то иглолок.

При проектировании Гипроавтопром был допущен целый ряд ошибок. Поясню примером. Нигде в Советском Союзе не работают вагранки со скиповыми подъемниками — только у нас. Но самый простой подсчет показывает, что такой скиповый подъемник может обеспечить подачу лишь четырех-пяти тонн, а вагранка требует семь тонн. В результате вагранка или пустует или же совсем стоит. В Москве мне говорили, что в Германии скиповые подъемники тоже применяются для вагранок. Но не такие. У нас они стационарные, намертво прикрепленные к вагранкам, и все время находятся под влиянием излучающихся газов. А там загрузят вагранку, и подъемник отъезжает. Так что этот эксперимент недодуман. А сколько таких и еще более вопиющих просчетов!

Люди, более или менее знакомые с литейным делом, знают, что на каждую тонну отливок полагается 1,2 тонны формовочного песка. Кутаисский завод, таким образом, за год потребляет десятки тысяч тонн песка. Откуда же его доставляют? По приказу министерства — с Тамани, из Ростовской и даже Харьковской областей. Но кому же не известно, что недалеко от Кутаиси, в Сачхерском районе, имеются большие запасы формовочного песка.

Реплики: Неужто настанет время, когда завод будут снабжать не по принципу ведомственной ограниченности, а начнут считаться со здравым смыслом?

— И перестанут доставлять в Кутаиси из Брянской области нехитрые стеклянные бензоотстойники, когда в нашем городе построен большой стеклотарный завод.

— Бывает хуже. Додумались же ватные прокладки для спинок сидений возить из Горького!

— Ну, это уже, кажется, рекорд!

РЯХИН: У нас самая главная задача — поднять температуру металла. На Горьковском автомобильном заводе дуплекс-процесс, на ЗИЛ-е вагранки с подогревом литья. У нас ничего этого нет. Последствия самые печальные. Ни на одном автомобильном заводе не было такого огромного брака. По блокам в прошлом году брак держался на уровне девяноста процентов.

Мы начали внедрять вот какое дело. Это новость в литейной технике. Подогреваем струю металла, когда она идет из вагранки, хотя бы на пятьдесят процентов. Струя тонкая, она хорошо нагревается. Несложное приспособление для этого мы сконструировали.

Если рассказывать обо всем, что мы делаем, потребуется очень много времени. Скажу, что в марте выпуск литья удвоился. План выполнен в первый раз за все время существования цеха. Коллектив литейщиков способный и довольно квалифицированный, но зачастую ему мешал целый ряд недоделок. Сейчас мы радуемся тому, что брак по цеху составляет «всего» двадцать три процента. Но недалеко то время, когда все сто процентов нашего литья будут годны...

На этом автозаводские записи заканчиваются. Хотя нет! Надо перевернуть страницу, начать новую главу.

Верховный Совет СССР облек мысли и чаяния народа в государственный закон. Падают ведомственные барьеры, убираются рогатки, сносятся министерские тупички. Ничто больше не мешает росту творческой инициативы, разумному производственному риску, быстрому претворению в жизнь предложений новаторов.

Так, может, теперь время напомнить одну цифру из закона о послевоенном пятилетнем плане. Ее называли на митинге в день появления первого грузинского автомобиля — 18 августа 1951

года. Это насчет того, что Кутаисский завод при полном освоении мощности должен будет выпускать тридцать тысяч автомобилей в год. Пусть это будут автокраны, пусть... Лишь бы завод имел свой, присущий только ему, профиль.

Разве это слишком смело для шестой пятилетки? Едва ли!

5.

Совсем крохотной выглядит старая суконная фабрика по сравнению с любым из цехов автомобильного завода. Но и ткачи, и автомобилестроители одинаково твердо говорят:

— Началом всего была она — фабрика, присланная по совету Ленина московскими рабочими.

И в памяти снова встают два друга — Яков Кручинов и Вано Закариадзе.

Радостно смотреть, как на скалистых берегах Риони и в зеленых рощах и на распрямленных, раздавленных вширь старых улицах встают все новые промышленные предприятия. Их в Кутаиси уже более сорока. А еще сколько существенных перемен в облик древнего города вносит шестая пятилетка. Даже река Риони и та станет другой. Каскад гидроэлектростанций в верхнем и среднем течении, переброска в Риони вод Цхенис-Цхали и Ладжанури сделают реку полноводной, могучей, величавой. В городской черте появятся новые мосты, вдоль новых набережных поднимутся новые дома и зашумят листвою десятки тысяч субтропических и хвойных деревьев.

Радостно слышать, как в древнем грузинском городе звучат голоса людей, родившихся на севере и юге, на востоке и на западе огромной советской земли, людей, дружно живущих и дружно, вдохновенно работающих.

Кутаиси.

Софья Кавтарадзе

ЛУИ АРАГОН

О ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ФРАНЦУЗСКИЙ писатель Луи Арагон — неутомимый и блестящий пропагандист советской литературы и чуткий ее ценитель. Во французском еженедельнике «Летр Франсез», главным редактором которого он является, постоянно печатаются переводы произведений советских писателей.

Луи Арагон присутствовал в качестве гостя на Втором съезде писателей в Москве, а вскоре после съезда написал книгу, названную им «О советских литературах». В ней Арагон поставил своей целью дать бой той части французской критики, которая заявила, будто советская литература могла вызывать интерес лишь до Первого съезда писателей, когда был жив Горький и в рядах советских писателей находились Маяковский и Есенин. Но, дескать, «теперь, после тридцати лет социалистического реализма (подчеркнуто автором — С. К.), Второй съезд советских писателей открылся в пустыне, литература уничтожена...»

В ответ на это, мягко говоря, не соответствующее истине утверждение, Арагон указывает, что почти «все книги, великодушно отмеченные газетой «Мэтч» (орган французской буржуазной печати — С. К.) как хорошие романы, появились после Первого съезда...»

Второй съезд советских писателей, пишет Арагон, был поистине многонациональным. И хотя слово «многонациональный» французская буржуазная пресса выдает за пропагандистскую уловку, но что она может противопоставить тому непреложному факту, что даже состав делегатов Второго съезда говорит об огромном росте литератур народов Советского Союза, происшедшем за последние 20 лет.

Это и вызвало желание Арагона познакомиться своих читателей со всем богатством национальных литератур народов СССР.

«Тем, кто меня спрашивает, — пишет

Арагон в предисловии к своей книге: — В конце концов, кто же вы такой прежде всего, коммунист или писатель? — я отвечаю всегда: — Я прежде всего писатель и потому я коммунист. Для меня это логический ход вещей». Эти слова — ключ к пониманию отношения писателя к тем или иным явлениям литературы, к творчеству отдельных писателей.

«Я так создан, — указывает Арагон дальше, — что я понимаю страну не столько по цифрам или по ее экономике, сколько по их отражениям, выраженным в словах, в образах. Литература страны это то, в чем нельзя меня обмануть. Поэтому я строг к ней, требователен. Мои советские друзья это знают».

В этой истории знакомства Арагона с советскими писателями «есть мир, который рождается, но существует также и тот мир, который отказывается умирать. И это верно для нас, было верно для меня, верно также для советского человека», — пишет Арагон. В его обзорах национальных литератур не дается подробного анализа творчества писателей. Автор книги обращает главное внимание французских читателей на переломные моменты в развитии советской литературы, в сознании отдельных писателей, его интересует борьба нового со старым, поиски в старом того, что помогает рождению нового мира.

«Семья, которая говорит более чем на шестидесяти языках» — вот то новое, что видит Луи Арагон на Втором съезде советских писателей.

«Чувство принадлежности к одной семье царило, несмотря на споры, на съезде писателей в конце 1954 года, — продолжает Арагон, — потому что все на трибуне говорили языком, который их сближает, как соседей, как братьев, пока больше, чем, например, французов и бельгийцев, и иначе, увы! чем французов и тунисцев»...

Отмечая, что в Союз Советских Соци-

листорических Республик входят народы с разным уровнем культуры: одни обрели письменность только после Октябрьской революции, а у других история культуры насчитывает века, Арагон заявляет, что он не в состоянии подробно охватить в своей книге весь великий процесс развития древних культур, подавленных царизмом, приобщения к культуре более чем сорока народов, взаимопроникновения, взаимного влияния разных национальных культур, и оценить в этом процессе роль языка старшего из этих народов.

Для обзора грузинской литературы Луи Арагон черпает сведения, главным образом, из доклада о грузинской литературе, сделанного на Первом съезде советских писателей в 1934 г., то есть более чем двадцать лет назад, и следовательно, во многих отношениях устаревшего и спорного. Но нас должно интересовать, как выдающийся французский писатель и тонкий критик сам относится к этому материалу и на чем он считает нужным остановить внимание французского читателя.

«Грузинская песня» — так назвал Арагон главу, с которой он начал свое повествование о грузинской литературе. «Я знаю Грузию через поэтов, — заявляет Арагон. — Вместе с Пушкиным я проделал путешествие в Эрзерум... Вместе с Лермонтовым я был у развалин Мцхетского замка, у слияния Куры и Арагви, где развертывается действие поэмы «Мцыри». Я склонялся перед могилой царя Ираклия II, как Николай Бараташвили в 1842 году. Я грезил о Месхетии, где есть деревня Рустави, у которой заимствовал свое имя Шота, поэт безнадежно влюбленный в царицу Тамар. Я грезил о том маленьком городе на Куре, чуть выше Мцхета, откуда как-то в прошлом веке горцы послали телеграмму Гарибальди и, как говорит поэт Леонидзе, Гарибальди, улыбаясь, искал на карте Гори. Гори, где в 1879 году родился Иосиф Виссарионович Джугашвили...

...Все это, конечно, путается в моей голове, старое и новое, Рустави — родина Руставели и Рустави — центр черной металлургии, где железная руда Азербайджана соединяется с каменным углем Ткибули и Ткварчели... Послушайте еще одного поэта — Григола Абашидзе, стихи которого звучат, как гитара: «Как корабль в морских просторах — ярко сверкает огнями Ткварчели». А на Риони, Арагви, Иори, Алазани, Тереке, в пене и туманах, воздвигнуты электрические станции... Старое и новое... то, что умирает, и то, что рождается, и то, что вечно».

Стремясь распутать клубок своих впечатлений о старой и новой Грузии, автор вспоминает слова поэта Георгия Леонидзе на Втором съезде писателей: «Наша поэзия, поэзия советских народов — не многоцветный ковер, как любят иногда говорить, но единое боевое знамя».

«Географическое положение Грузии, находящейся на перекрестке путей Визан-

тии и Азии, России и Персии, — говорит Арагон, — сделало из нее горнило поэзии, несравнимой ни с какой другой; в ней поют арабские «булбули» и парит горный орел, в ней сочетаются греческое и римское наследие, христианское вдохновение, иранские песни и легенды, которые караваны переносят из Индии и Китая в Европу, сочетаются веяния, идущие из Италии или даже из еще более отдаленных стран — равнин Южной Франции, мятежи катаров и глубокий дух трубадуров, предвестники Возрождения. Все это зреет, возносится, вспыхивает в этой бесподобной поэме и на заре XIII века дает Грузии своего Данте, когда мы доросли только до Кретьена де Труа».

Такую оценку дает Арагон Шота Руставели и его поэме «Витязь в тигровой шкуре».

Автор посвятил отдельную главу разбору четырех переводов начала поэмы «Витязь в тигровой шкуре», в котором выражены взгляды Руставели на поэзию: перевода на французский язык, сделанного Г. Гвазава и Ани Марсель Пан, изданного в Париже издательством Фирмен-Дидо, стихотворного перевода на русский язык поэта К. Бальмонта, прозаического дословного перевода М. Торошелидзе и стихотворного перевода, сделанного к 750-летию юбилею Руставели Георгием Цагарели, под редакцией Вл. Эльснера, с участием П. Антокольского.

«Я хорошо знаю, — говорит Арагон, — что перевод в стихах рискует отдалиться от смысла оригинала, однако сличение здесь мне кажется интересным, особенно для того, кто не может справиться по грузинскому тексту».

Общий вывод Арагона об этих переводах таков: «перевод Гвазава скорее объяснение, чем перевод, перевод Бальмонта — чистая фантазия, а перевод Торошелидзе — подстрочник с объяснениями». Текст Г. Цагарели, в целом кажется автору наилучшим потому, что «в нем чувствуется краткость в выражении, которая, должно быть, свойственна оригиналу».

«Как бы велик ни был Руставели и как бы необычайны ни были перипетии «Витязя в тигровой шкуре», мне нужно обогнать этот далекий век, — продолжает Арагон. — Может показаться странным, что я так долго останавливался на поэтическом творчестве Шота из Рустави. Но надо сказать, что на Втором съезде я услышал его звучание в докладе о советской поэзии, сделанном азербайджанским поэтом Самедом Вургуном».

Французский поэт обращает особое внимание на то место в докладе С. Вургуна, где говорится, что эпоха революционных преобразований должна стать эпохой возрождения больших поэтических полотен, глубоко раскрывающих смысл исторических событий народной жизни.

«От Руставели до Гурамишвили» автор, по его выражению, «перескакивает» через века, чтобы перейти к XVII веку, когда,

в противовес персидскому влиянию, в творениях Арчила, «первого реалиста грузинской поэзии, начинается национальная грузинская тенденция».

Упомянув кратко о писателе Саба Сулхане Орбелиани и его книге «О мудрости вымысла», Арагон затем останавливается на жизни и творчестве Давида Гурамишвили. «Это — очень большой поэт и это также очень большой символ», — говорит автор, ссылаясь на выступление Георгия Леонидзе на Втором съезде писателей, который воспринимает Давида Гурамишвили — русского солдата, украинского земледельца и великого грузинского поэта, как некий далекий прообраз дружбы народов.

★ ★ ★

«Национальный вопрос» — так озаглавлена следующая глава книги, в которой автор излагает события XIX века в Грузии.

Арагон отмечает: «В первой половине XIX века происходили не только заговоры дворян в Грузии. Против гнета царского самодержавия часто вспыхивали народные восстания... Но дворянство не заходило настолько далеко в «национализме», чтобы поддержать эти восстания».

Противопоставляя затем поэтам-дворянам той эпохи — Александру Чавчавадзе, Орбелиани и др. Николаю Бараташвили, вышедшего из той же среды, но не разделявшего их взглядов на будущее Грузии, Арагон считает его самым большим поэтом Грузии XIX века и в подтверждение этих слов дает французский перевод первых четырех строк «Мерани».

Луи Арагон подробно характеризует творчество Ильи Чавчавадзе. «Это очень большой поэт!» — восклицает он. Касаясь оценки, данной И. Чавчавадзе на Первом съезде писателей и критикуя тех, кто не сумел понять исторических условий, в которых рождались его произведения, распознать «за его личными тенденциями... драгоценное видение действительности», французский поэт с удовлетворением отмечает, что в биографической справке, данной в издании «Избранных произведений И. Чавчавадзе», выпущенном в 1955 году в Тбилиси издательством «Заря Востока», отсутствуют все оговорки в отношении этого сложного и «несомненно прогрессивного» писателя.

Не менее сложным представляется Арагону творчество Акакия Церетели. «Однако в жизни и творчестве этого поэта, — говорит Арагон, — произошло необычайное событие. В марте 1905 г. он написал: «Этого я ждал и дождался, смеюсь и больше не плачу я».

«То, чего ждал поэт, это был 1905 год, это была русская революция». Упомянув, что Акакий Церетели перевел на грузинский язык «Интернационал», писал стихи во славу революции, Арагон поясняет: «Старый поэт понял, что не Таризл, не ви-

тязь в тигровой шкуре, а русский рабочий низвергнет русское самодержавие, что он — союзник грузинского народа, что победа русского рабочего будет победой грузинского народа, единственной гарантией его независимости».

Арагон не останавливается на других писателях XIX века, хотя упоминает вскользь Важа Пшавела, Д. Чонкадзе, Р. Эристави, А. Казбеги, Г. Церетели, Э. Ниношвили. Его влечет переходная эпоха начала XX века, 1905 год... «Надо было бы проследить историю тех писателей на заре XX века, — замечает он, — которых мы встретим после Октября в рядах советских писателей: Г. Табидзе, С. Шаншашвили, И. Гришашвили, А. Абашели, Лео Кначели, Н. Лордкипанидзе, Ш. Дадлиани и других».

Со своей стороны я полагаю, что такой обзор был бы полезен не только для истории грузинской литературы. Я считаю фактом первостепенного значения этот процесс развития писателей, связанный с событиями истории. В первые годы советской власти имелась тенденция рассматривать этих людей как представителей декаданса, запоздалых писателей побежденной буржуазии. Противопоставляя их так называемым пролетарским писателям, о них говорили в лучшем случае с некоторым презрением. Потом прошли годы, многое прояснилось, изменились, без сомнения, и многие из этих людей. Всей силой своего искусства, ушедшего корнями в глубь жизни народа, они теперь служат народу: они стали в первые ряды советской литературы (подчеркнуто автором — С. К.) своей страны. Это, по меньшей мере, тема для размышления. Но чтобы понять этот ход вещей, надо вернуться к потрясению 1905 года».

★ ★ ★

В главе, названной «В защиту партийности в литературе», Арагон показывает на примере творческой судьбы Валерия Брюсова, как знаменитая статья Ленина о партийности литературы, «осветившая новым светом саму природу искусства», преломлялась в сознании русских писателей, находившихся в плену воззрений того общества, в котором они были рождены.

«Ломать — я буду с вами! строить — нет!» — сказал тогда В. Брюсов в стихотворении «Близким», за что Ленин назвал его «поэтом-анархистом». Как мог он воспринять ленинскую теорию партийности искусства со всем тем, что он еще носил в себе! Он провозглашал независимость искусства, требовал, чтобы сражались за «свободу искусства». «Кто лучше, чем Валерий Брюсов показал, что история меняет людей, что сила событий влечет за собой идеи?» — спрашивает Арагон.

«В 1917 году Валерий Брюсов с большевиками. Его стихи этого периода подтверждают тезисы Ленина...»

И французский писатель иллюстрирует свои слова отрывком из стихотворения Валерия Брюсова «Товарищам интеллигентам»:

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и в гуле...

Арагон приводит также строки из другого стихотворения — «Магистраль», напоминает о стихах поэта «На смерть вождя», «Ленин», «После смерти В. И. Ленина», написанных в 1924 году, и, подводя итог, заключает: «Ленин умер, но не умерла партийность в литературе».

«Я рассказал это, как пример аналогичный для Грузии 1905 года и Грузии 1917 года», — поясняет автор.

После установления советской власти, по словам Арагона, происходит тот переход грузинских писателей на революционные позиции, который предвосхитил Акакий Церетели и примером которого в России был Валерий Брюсов.

Отмечая существование в Грузии в тот период таких литературных групп, как группа «Голубые роги» и футуристов, Арагон говорит, что «борьба в искусстве, тесно связанная с политической борьбой, тут часто создавала неразбериху».

Но французского писателя интересует не этот «хаос многообразных течений» первых лет Советской Грузии, а тот факт, что из группы «неосимволистов» — «Голубые роги» в советскую литературу пришел такой поэт, как Г. Леонидзе, из рядов футуристов вышли писатели С. Чиковани и Д. Шенгелая, что к пролетариату полностью примкнул такой поэт, как Галактион Табидзе, впоследствии делегат Всемирного конгресса писателей в защиту мира, происходившего в Париже в 1935 году.

Арагон обращается к выступлению поэта Тициана Табидзе на Первом съезде советских писателей в 1934 году. Он считает, что эта речь двадцатилетней давности поможет ему дать французскому читателю представление о всем живом многообразии грузинской поэзии.

«Я перечитал его речь, которая еще представляет интерес для французского читателя... тем, что она произнесена человеком, которому дороги некоторые факты, похожие на французские». Приводя начало выступления Тициана Табидзе, автор добавляет:

«В этом голосе ощущается еще трепет длинной истории, которая касается не только Грузии, и на которую не надо закрывать глаза. Мне знаком этот путь, который не есть путь поэтики, я знаю его извилины и туманы, я сочувствую этой жалобе, полной благих намерений («Нужно ли повторять, — говорил Т. Табидзе, — как было трудно самому Маяковскому запеть во весь голос, как часто ему приходилось наступать на горло собственной песне!»). Но я должен сказать, что многое в словах грузинского поэта мне кажется рискованным и сомнительным... Хотя бы то, к примеру, что он говорит о Маяковском.

Неправильно рассматривать Маяковского как уцелевшего от бури. Октябрь несомненно поднял его. Но Октябрь не был ему чужд. Он был его глубокой надеждой, как человека и поэта. Разве не был Октябрь инстинктивно, сразу, с первого же часа признан им «своей (подчеркнуто автором — С. К.) революцией», как он сам об этом писал?»

«История писателя не есть глава только литературной истории», — заявляет Арагон, возражая против классификации писателей по тем литературным группам, к которым они принадлежали раньше. «Мне кажется, — говорит он далее, — что диалектика требует рассматривать грузинских писателей так же, как это сделала в отношении Маяковского Эльза Триоле во время дискуссии о творчестве этого поэта в Москве в январе 1953 года. «Важно не то, что Маяковский был футуристом, а то, что он перестал им быть».

«Сопоставление людей и идей — сложный процесс, в котором рискуешь заблудиться и оказаться несправедливым», — замечает Арагон, размышляя о творческих путях писателей К. Гамсахурдиа и М. Джавахишвили.

Затем он переходит к характеристике таких писателей, как Сандро Шаншиашвили, Шалва Дадияни, Лео Киачели, «находящихся сейчас в первых рядах грузинской литературы».

В произведениях Лео Киачели, активного участника революционных событий 1905 года в Грузии, Арагон видит отпечаток индивидуалистических настроений. С романа «Тариэл Голуа» начинается реалистическая линия в его творчестве, прервавшаяся в годы, когда в Грузии хозяйничали меньшевики. В ту пору писателем овладело чувство безнадежности. Но роман «Кровь», написанный в 1927 году, продолжает линию «Тариэла Голуа» и «нет необходимости», — заключает Арагон, — следовать за ним по пути, который писатель уже не покидает».

Читая эти строки, хочется высказать сожаление, что из поля зрения французского писателя выпал такой прекрасный роман Лео Киачели о перестройке грузинской деревни, как «Гвади Бигва».

Арагон отмечает затем основные вехи творчества писателя Сандро Шаншиашвили. Он упоминает о поэме-манифесте «Если спросят мое мнение», знаменовавшем разрыв поэта с символизмом и являвшемся его реалистической программой, и о новых поэмах С. Шаншиашвили. «Но свое национальное лицо этот писатель обрел в театре, — говорит Арагон. — Грузинский театр это, прежде всего, два человека — Сандро Шаншиашвили и Шалва Дадияни».

★ ★ ★

Глава «Новое золотое руно» начинается с краткого описания жизненного и творческого пути К. Лордкипанидзе, писателя, сформировавшегося, по словам Луи Арагона, уже при советской власти.

С творчеством Константина Лордкипанидзе Арагон познакомил французского читателя еще до выпуска в свет книги «О советских литературах», опубликовав во французском еженедельнике «Летр Франсез» его роман «Заря Колхиды».

Кроме того, в сборник рассказов советских писателей, выпущенный Арагоном в 1956 году, включен рассказ К. Лордкипанидзе «Горийская повесть».

Переходя затем к творчеству Г. Леонидзе, Арагон восклицает: «Ах, какой это поэт! Предоставим слово его стихам», и приводит два больших отрывка из стихотворения «Портохала».

«Портохала» — женское имя, которое можно найти в грузинских рукописях XI века и оно означает «апельсин» — поясняет автор. «...Портохала — это дочь Колхиды, выросшая и ставшая матерью других девушек, жизнь которых изменилась», — рассказывает Арагон.

«Я не хочу умолчать о большой поэме о Сталине, — продолжает он, — которую так хорошо перевел на русский язык Николай Тихонов... И я вам не перевел «О чем говорят Кура и Арагви во Мцхета», и у меня нет рифм, чтобы перевести «Песнь о Самгори», ни даже ассонансов для маленького стихотворения о горе Гомбори, которое я привожу целиком».

«Если я сумел вам передать эту грузинскую взволнованность... вы будете знать, что там есть поэт. Поэт? Грузия — страна поэтов. И это подтвердили лучшие русские поэты — Тихонов, Пастернак, Заболоцкий, Державин, Антокольский, Светлов, если не называть других, вложивших в изучение и перевод грузинской поэзии свои таланты. И я ограничиваю себя, говоря о грузинских поэтах, — упомяну лишь наряду с Г. Леонидзе только Ираклия Абашидзе, который был докладчиком о грузинской литературе на Втором съезде советских писателей».

Обрисовав в кратких чертах Ир. Абашидзе как писателя и общественного деятеля, Арагон приводит выдержку из его речи на Втором съезде, в которой грузинский поэт коснулся вопроса о национальной форме литературы.

Луи Арагон ссылается далее на стихи Ир. Абашидзе «Дары Колхиды», а затем цитирует стихотворение «Весна».

«От Золотого руна, за которым прибыл Язон в Колхиду, до колхозных мандаринов — большой простор для фантазии, — говорит Арагон. — Большой размах для проблем, которые казались неразрешимыми и теперь разрешены. Сегодня Ираклий Абашидзе требует только большей теоретической ясности в вопросе о национальной форме литературы».

Заключительная глава раздела, посвященного грузинской литературе, — «О примере Абхазии». В ней говорится о народном поэте Абхазии Дмитрие Гулиа, основоположнике абхазской литературы и письменности, создателе абхазского алфавита. Упоминается также сын его — Георгий Гулиа, который пишет на русском языке.

Для понимания Абхазии Арагон рекомендует читателю «маленькую книжку в розовом переплете» — «Весна в Сакене» Георгия Гулиа, переведенную на французский язык. «В ней ощущается не только «Весна в Сакене», — говорит Арагон, — это — весна нового мира, весна братских наций, свобода быть самим собой и сохранять, как аромат, свое прошлое, что возможно благодаря взаимопониманию народов, которые еще вчера натравливались друг на друга. Это взаимопонимание могло быть создано только на основе самой передовой идеологии, выкованной человечеством в общем труде для осуществления самой смелой человеческой мечты — двойного преобразования мира — природы и общества — человеком, мечты, которую мы называем именем «коммунизма», во имя которого живем и умираем... Везде, в странах древней культуры и в странах проснувшегося самосознания, человек, как в Колхиде, завоевывает новое «Золотое руно».

«Сумел ли я вызвать в вас, по крайней мере, любопытство к тому, что вам было неизвестно? — спрашивает читателя Арагон в эпилоге книги. — Сумел ли я заразить вас волнением, страстью, которые порою овладевали мною? Потому что эта книга внушена любовью. Почувствовали ли вы это?»

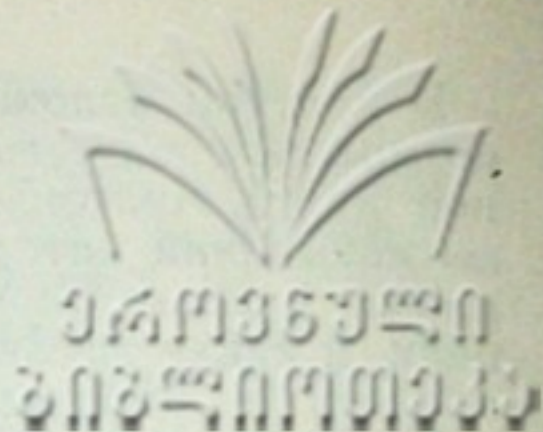
«Того, кто ждал от меня истории советской литературы, прошу простить мне, что этого я не сделал, — продолжает Арагон. — Я отвечал на ложные отзывы об этом съезде (Втором съезде советских писателей — С. К.), я искал общие социальные черты не столько этой литературы, сколько условий ее рождения, и тут я столкнулся с вопросом о национальностях в литературе... И вы думаете, конечно, что в этом многонациональном мире я заблудился? — спрашивает французский писатель. — Многие среди вас предпочли бы, чтобы я уделил больше внимания личностям писателей, чем их национальностям». В подкрепление своей точки зрения на национальные литературы Арагон ссылается на слова В. Г. Белинского, писавшего в «Обзоре русской литературы за 1846 г.» о значении национальностей для человечества.

«С нациями дело обстоит так же, как и с людьми, — поясняет свою мысль Арагон. — Их творчество, в особенности их письменное творчество, национальные литературы, являются частью их бессмертия. Национальные по форме, они продолжают существовать, остаются живыми, как нации, если то, что они несут в себе, то есть их содержание, помогает всему человечеству продолжать существовать, сохранять жизнь. Там, где борьба между людьми завершена, где наука становления общества регулирует человеческие отношения, это национальное разнообразие литератур является великим фактом, важнейшим фактом, и в конце концов я, наверно, совсем не заблуждался, когда с такой настойчивостью подчеркивал это».

В кратком изложении не представляется возможным коснуться всех сторон интересной книги Арагона, но и из приведенных высказываний автора ясно, какими намерениями руководствовался он, какие ставил цели, и какие трудности ему пришлось преодолеть в процессе работы над книгой.

Книга Арагона «О советских литературах» имеет двойное значение: во-первых и прежде всего, это боевое полемическое вы-

ступление писателя-коммуниста, направленное против клеветников, пытающихся поставить под сомнение завоевания советской литературы, и защищающее, на основе литературных фактов, главные положения социалистического реализма. Во-вторых, эта книга призвана познакомить французского читателя с неизвестными ему явлениями сложного развития многонациональной советской литературы.

ВОПРОСЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СВОЕОБРАЗИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

МЫ ГОВОРИМ: наша культура социалистическая по содержанию, национальная по форме. Долгое время этот тезис, верно схватывающий интернациональный и национальный моменты в развитии советского искусства, не вызывал возражений. Но в последние годы у некоторых товарищей появились сомнения, и сомнения эти как будто вполне закономерны. Почему же национальная закономерность, национальная отчетливость относится только к форме, а не к содержанию? Не вернее ли было бы сказать: советская культура национальна и по форме и по содержанию? Нельзя отказать этой мысли во внешней привлекательности. В самом деле, возьмите произведения любого национального писателя: Гончара и Смолича, Бровки и Танка, Ауэзова и Мустафина, Турсунзаде и Миршакара, Исаакяна и Зоряна, Лациса и Упита, Токомбаева и Гамзатова, Кначели, Айбека, Крустена, Шогенцукова и многих других. Творчество этих писателей неразрывными нитями связано с национальной почвой, с жизнью народа, с его мечтой и борьбой, с его стремлениями. Если рассмотреть только эту сторону вопроса, то сомнениям не должно быть места: да, в большинстве произведений советских писателей единство частного и общего, личного и национального легко обнаруживаемо. Но если писатель живописует национальные характеры, национальную среду, обстановку, специфические жизненные отношения с помощью национальных изобразительных средств, то имеем ли

мы право утверждать: произведение писателя имярек национально не только по форме, но и по содержанию? Кажется имеем. И отдельные товарищи (например, А. Бочаров) так и думают. Национальность содержания — вот, оказывается, главный, решающий признак для определения существа советской литературы. Не будем говорить о том, что подобная мысль отнюдь не является свежей. Она имеет давнишнюю историю, чуть ли не столетнюю. Дело все-таки, очевидно, не в этом. Быть может она верна и плодотворна и помогает нам в решении сложных современных проблем?

Попытаемся разобраться в ней. Сначала рассмотрим ее с точки зрения логической. Согласимся с тем, что советские национальные литературы национальны и по форме и по содержанию. Стало быть, сколько национальных литератур, столько национальных содержаний, сколько национальных литератур, столько национальных форм. Момент отличия мы установили. Естественно возникает вопрос: что же их объединяет, что превращает многоязычные и многокрасочные литературы советских народов, несмотря на их многоязычность, в единую духовную и нравственную силу? — Единство цели, единство идейных устремлений, единство мировоззрения? Да, конечно. В таком случае к чему относится момент идейного единства, момент мировоззрения? Едва ли к форме. По всей вероятности, — к содержанию. А если содержание национально? Как совместить национально особенное, то есть национальное содержание с общим, для всех нас одинаково и безраздельно близким, — с коммунистическим мировоззрением? Можно ли говорить о том, что коммунистическое мировоззрение, мировоззрение марксизма-ленинизма обладает национально специфическими чертами, что его идейные послышки разнообразятся в зависимости от национальных особенностей того или иного народа? Нет, это было бы,

---

Печатаю обработанную автором стенограмму выступления на дискуссии «Реализм в мировой литературе», организованной Институтом мировой литературы имени А. М. Горького, редакция приглашает писателей, критиков, литературоведов высказаться по затронутым в статье Г. Ломидзе вопросам.

по нашему мнению, грубой ошибкой. Заманчивое и привлекательное «национальное содержание», по-видимому, толкуется приверженцами этого понятия как жизненный материал, как воспроизведение художником окружающего его мира. Содержание уравнивается с предметом изображения. Если содержание и предмет изображения — однозначные понятия, тогда, конечно, спорить не о чем: кто же будет отрицать, что большинство советских национальных писателей пишет о своей республике, о своем народе, о людях близких и знакомых. Но думается, тут имеет место определенная неясность. Содержание — шире предмета изображения. Содержание включает в себя момент оценки изображаемого, момент отбора тех или иных сторон в изображаемом. Содержание является единством жизненного материала и авторского отношения к нему, осмыслением этого жизненного материала с определенных идейных позиций. Социалистичность содержания не означает: все пишут об одном и том же и одно и то же. Это наивное заблуждение. В понятии «социалистическое содержание» акцентируется момент идейной оценки и познания, а не однообразие или схожесть жизненного материала. Если содержание и предмет изображения не равны друг другу, то это означает: категория «социалистическое» вовсе не соотносится к предмету изображения, то есть социалистичность содержания не определяется тем, написано ли произведение о фактах социалистической жизни, о строительстве социализма или нет. Не предмет изображения сам по себе обуславливает социалистичность содержания. Главное здесь — позиция писателя, понимание им определенных фактов действительности, безотносительно к какому периоду исторической жизни человечества они принадлежат. Известный английский критик-марксист Джон Бергер в статье о некоторых актуальных проблемах современной живописи, обнародованной в журнале «Мейнстрим», остроумно заметил: «Предметы изображения неограничены. Важно уметь их осмыслить, а не просто выбором предмета подменить сущность понятия «социалистическое по содержанию».

Художнику-социалисту не возбраняется нарисовать обычный стул, но это не означает, что, нарисовав обычный стул, он перестает быть социалистом, если не изобразит на этом стуле свежий номер «Дейли Уоркер».

Павел Рейман — видный чешский коммунист, долгие годы занимавшийся историей немецкой литературы, в своей книге «О реалистическом понимании искусства» (Берлин, изд. ДИЦ, 1949 г.) также предлагает различать две разные вещи: содержание произведений искусства (под содержанием П. Рейман разумеет понимание жизни, которое утверждает в своем творчестве художник) от материала или сюжета, положенного в основу произведения.

Вместе с тем П. Рейман подчеркивает ту мысль, что в подлинных художественных творениях оба элемента существуют в единстве: содержание должно вырастать из материала, а материал должен соответствовать содержанию.

Но чем определяется сущность национального своеобразия в искусстве, из каких элементов оно складывается?

В статье, опубликованной в журнале «Коммунист ревью» (июнь 1956 г.), австралийский писатель Фрэнк Харди попытался дать ответ на этот вопрос. Харди писал: «Чтобы быть верным марксизму, наш писатель должен иметь дело с конкретными австралийскими условиями жизни. Наша литература должна быть национальной, она не может развиваться в вакууме интернациональных понятий и политических догм». В дальнейшем мы еще вернемся к тому, насколько точен и исчерпывающ ответ Харди. Здесь же отметим следующее: только так называемое абстрактное искусство, усиленно насаждаемое и пропагандируемое в некоторых странах Западной Европы, только оно провозглашает свободу творца от «национально ограничивающих барьеров». Абстрактное искусство не обладает чертами национальной определенности как в жизненном материале, так и в форме. Абстрактное искусство денационализирует культуру, отнимает у нее те могучие животворные источники, которыми и ценны произведения, созданные художественным гением человечества. Путь к интернациональному, общечеловеческому лежит через полное утверждение и раскрытие национально самобытных качеств культуры. Истинно национальное и есть вместе с тем интернациональное. Сторонники абстрактного искусства на новый лад перепевают некоторые стародавнишние теоретические о неизбежности исчезновения в современных условиях национального начала. Небезынтересно вспомнить некоторые факты из истории.

Шведская писательница Элен Кей в книге «Личность и красота» (русское издание, С.-Петербург, 1908 г.) выдвинула любопытный тезис об условиях становления и проявления национального характера у различных народов. Важнейшим фактором, имеющим решающее влияние на национальный характер, определяющим его облик, Э. Кей признает географическую среду, точнее говоря, неразвитую географическую среду, взятую в ее первоначальном виде. Элен Кей утверждает: национальное начало наиболее отчетливо выявлено у малых народов, живущих в сравнительно одинаковых условиях географической среды, не отличающейся сколько-нибудь заметным разнообразием природных красок или же контрастностью. Следуя этой теории, в самом деле трудно объяснить определенное единство в национальном характере у людей, живущих в стране, располагающей морями и реками, горами и степями, холодным и жарким климатом.

Поэтому Э. Кей считала: в странах, где имеются различные природные условия, то есть в странах со сравнительно большой территорией, исчезают национальные основы, национальная отчетливость в характере и жизненных условиях, уступая место некоему ненациональному, безличному моменту. Малые страны, по мнению Э. Кей, например, Голландия или Дания, Шотландия или Финляндия, представляют больше единообразия и более обозримы для одного человека. Поэтому они полнее могут быть внутренне постигнуты художником. Оттого и искусство в малой стране якобы приобретает единообразный «национальный характер отчетливей, чем в обширной». Из сравнительного анализа произведений Рембрандта и Микеланджело Э. Кей приходила к такому выводу: во всяком великом искусстве черта общечеловеческая бесконечно важнее, чем национальная.

Близкую с Э. Кей мысль позже высказывал К. Каутский в книге «Национализм и интернационализм» (Петроград, 1918 г., книгоиздательство «Жизнь и знание»). К. Каутский также считал условия географического существования, условия единообразного хозяйственного развития людей питательной почвой национального характера. По уверению К. Каутского, хранительницей устойчивых качеств национального характера народов является деревня, не расчлененная на слои, резко отличные друг от друга — обстоятельствами экономической и духовной жизни; одинаковость внешнего природного мира — одна из важнейших гарантий удержания одинаковых черт национального характера; общность характера большей частью свойственна только первоначальным ступеням, когда еще нет значительного социального расчленения; она, кроме того, присуща мелким народам, живущим на маленькой территории. Общность характера, говорит К. Каутский, обладает тенденцией исчезать по мере того как нация расширяется и распадается на классы и профессии. После появления городов, как пишет К. Каутский, черты национального характера начинают улетучиваться, национальный характер перестает быть устойчивой категорией.

Мы не можем согласиться с таким толкованием национального характера и национального момента в искусстве. Да, национальный характер претерпевает определенные изменения, меняется конкретное, историческое содержание национального своеобразия культуры, но своеобразие это остается, оно не может исчезнуть. Национальные своеобразия в жизни народов, как учил В. И. Ленин, не улетучатся мгновенно и после победы коммунизма в мировом масштабе.

Но вернемся к тому вопросу, который поставил в своей статье Фрэнк Харди: в чем природа национального своеобразия литературы?

Нас уверяют: реалистическая достовер-

ность, точность и масштабность типов и характеров предопределяется только одним, самым существенным и важным: верностью художника фактам национальной жизни собственного народа. Автор книги «Реализм в искусстве», недавно вышедшей у нас, американский марксист-теоретик искусства Сидней Финкелстайн так определяет национальную основу культуры: «Национальное искусство, или иными словами, искусство, изображающее и отражающее жизнь нации, возникло одновременно с появлением самих наций». А автор статьи «О национальной специфике литературы», опубликованной в № 1 журнала «Дружба народов» за текущий год, высказывается еще более определенно, хотя его мысль сходна с только что приведенной. Он пишет: «Именно изображение жизни данного народа составляет национальное своеобразие искусства».

Это положение верно в плане общеметодологическом. Но ограничиваться этим нельзя. Национальное искусство национально прежде всего единством с национальным бытием народа. Но как понимать единство? Включает ли в себя момент изображения это единство, эту гармонию изображенного с изображаемым? Не всегда. Ведь в писаниях разного рода буржуазных националистов чрезмерно обильно представлена национально-экзотическая сторона жизни людей. Буржуазные националисты не скупятся на внешнюю живописность, на пестрое обилие определенных черт национального быта, характера и т. д. Они щедро насыщали свои произведения так называемыми национальными реалиями, множеством этнографических и натуралистических деталей. Но национальны ли они по сути своей, согласуются ли они с разумом народа? Материал как будто национален, и жизнь, изображенная в произведении, национальна по своим обманчивым краскам. Тем не менее подлинно национальными эти произведения назвать нельзя.

Произведение, написанное о жизни определенного народа, пусть даже в нем зафиксированы многие черты и детали национальной обстановки, среды, окружения и т. д., не явится действительно национальным творением, если оно расходится с духовным содержанием жизни народа. Жизнь народа — понятие многообъемное. Она имеет разные стороны, разные грани своего существования и проявления. Не всякое воссоздание всех моментов национальной жизни автоматически приведет к утверждению национального своеобразия искусства. А разве не является существенным, что именно, какие стороны народной национальной жизни отбирает писатель, как он их претворяет в формах художественных? Если национальное своеобразие искусства определим только лишь на основе отражения искусством национальной жизни, то тогда мы неминуемо должны устранить момент активного познания писателем этой жизни,

целое. Оно раскрывает человеческие типы и бытие другого народа с помощью собственных национальных художественных средств, сохраняя тем самым национальную отчетливость. Гений Пушкина угадывается и в «Скупом рыцаре» и в «Евгении Онегине», Лермонтов остается Лермонтовым и в «Тамбовской казначейше» и в драме «Испанцы», Толстой не перестает быть Толстым в «Войне и мире» и «Хаджи Мурате». Горький, при всем различии материала и несхожести некоторых принципов реалистической типизации, сохраняет горьковское эстетическое видение мира и в «Сказках об Италии», и в очерках «По Руси», и в «Деле Артамоновых». А разве стихи Маяковского об Америке лишены национальной определенности, разве в них не запечатлены мысли, страсть, национальный темперамент творца, их создавшего? Подлинный художник, о чем бы он ни писал, не в силах оторваться от своей национальной почвы. Талантливое произведение, безотносительно к тому, о чем оно написано, — национально.

Национальное начало в искусстве, связанное с передовым, социалистическим содержанием жизни, необычайно впечатляюще, обладает большой силой воздействия на читателей. Национальное, выступающее в гармонии с социалистическим содержанием, всесторонне обнаруживает свои качества, свои эстетические возможности. Истинно демократическое неизменно национально, а истинно национальное демократично по своей сути. Такова закономерность, сложившаяся в истории мировой национальной культуры. Национальная форма — выражение художественной мощи народа, естественная и органическая возможность существования национальных культур. Она неразрывна с национальным характером образотворчества у каждого народа, порождена им. Не то произведение является национальным по форме, в котором легко обнаружить некоторые знакомые нам традиционные приемы поэтики, уподобления и т. д. Произведение прежде всего национально своей верностью жизненной правде, верностью существенным чертам национального характера и духа народа. Национальность же формы у настоящего художника рождается непринужденно, как естественное и свободное дыхание произведения.

В различных искусствах национальная форма проступает по-разному. Пути раскрытия национальной специфики в музыке, живописи, литературе неодинаковы. Художественная литература имеет огромные, почти неисчерпаемые возможности и ресурсы для выражения национальной специфики. Художественная литература, опираясь на язык, как на основную категорию национальной формы, создает сложные, развернутые во времени человеческие характеры, воспроизводит многогранную картину общественной жизни и борьбы. Живопись же, например, не обладает столь богатыми возможностями, и иногда черты национальной специфики, выраженные в

тех или иных произведениях изобразительного искусства, не так легко замечаемы. Живопись запечатлевает одно мгновение человеческой жизни, литература же может охватить столетия жизни и, главное, показать ее течение, ее изменение и преобразование. В музыке, архитектуре, хореографическом искусстве национальная специфика находит свое выражение посредством иных эстетических возможностей. Поэтому выработка схоластических законоположений и нормативных конструкций о национальной форме в искусстве была бы вредным делом. Тут нужны большой художественный такт и умение, мудрая аналитичность и тонкость. Вопросы национальной формы волнуют не только писателей, но и художников, музыкантов, архитекторов и т. д. На прошедших съездах художников и композиторов было высказано немало содержательных соображений и мыслей по этому поводу (в докладах Б. Иогансона и Т. Хренникова, в выступлениях Л. Свемпа, Г. Гюрджяна и др.). Но было бы наивностью утверждать, будто эти вопросы уже нашли свое удовлетворительное разрешение. Советской литературоведческой науке придется немало поработать для того, чтобы расчистить схоластический мусор, нагроможденный некоторыми догматиками вокруг важнейших проблем социалистической эстетики, национальной формы, в частности. Отдельные критики, одержимые зудом ниспровержения, стали утверждать: дескать, не было и нет в природе никакой национальной формы, национальная форма — наподобие влаги в почве, которую не увидишь и не ощутишь (нечто сходное утверждал А. Бочаров в своей статье, опубликованной в № 1 журнала «Дружба народов» за 1957 г.). Эти товарищи любят спорить. Но спор спору рознь. Спор должен иметь определенную цель: превратить неясное в ясное. Иногда же результат бесплодных споров бывает таковым: то, что до спора было неясным, после спора становится еще более туманным, а то, что до спора было ясным, в итоге спора делается неясным. Нам не нужны такие споры, уводящие в сторону, нам не нужна мнимая смелость, ниспровергающая под флагом «творческого» развития марксистско-ленинской эстетики реально существующие, дорогие нам художественные ценности.

Догматики требуют: перечислите все до единого качества национальной формы, дайте нам свод правил для ее распознавания. На это есть ответ: национальная форма — это не национальное блюдо, это не узбекская тюбетейка, украинская плахта или кавказский кинжал. Надел на себя и уже сравнительно легко определить: к какой нации ты принадлежишь. Национальная форма связана со всей сущностью художественного творчества. Она не привносится извне как некое дополнение, как красивое украшение, которого может и не быть. Сидней Финкелстайн в упомянутой нами книге пишет: «Точно так же, как

реалистическое искусство существовало задолго до направления, называвшего себя «реализмом», так и искусство приняло национальную форму задолго до возникновения оформленных «национальных движений» в искусстве» (стр. 131). Но национальная форма — категория историческая. Поэтому при выяснении качеств национальной формы мы не должны руководствоваться только тем, что проявилось в ней при зарождении того или иного национального искусства. Для определения национальности формы надо брать не только то, что было, но и то, что отстоялось, выдержало историческую проверку временем и способствует развитию и рождению новых художественных ценностей.

В связи с этим возникает вопрос о свободе выбора стилей и форм советским писателем. Правомерно ли говорить о том, будто социалистический реализм есть только идейное направление, не больше, а во всем же остальном, взяв за основу передовую идею, художник вправе экспериментировать как ему угодно? Такой взгляд существует. Поэтому, дабы не случилось смешения различных стилей, предлагают очертить характерные признаки стиля социалистического реализма, так сказать, в чистом виде. Это, якобы, нужно для того, чтобы установить: в каких случаях писатель выходит за грани стиля социалистического реализма, подпадая под влияние чужеродных стилей. Тут есть какая-то неясность. Когда говорят о свободе творчества для социалистического художника, о вольном выборе им различных стилей, форм, манер и т. д., то, очевидно, не подразумевают стилистическую всеядность. Разные стили, манеры, формы вхо-

дят в творчество социалистического писателя не как некие самостоятельные и неизменные ценности. Они, как правило, преобразуются под властью писателя, подчиняясь его мысли, приобретая тем самым новые качества. Только в этом смысле говорится о свободе: не о свободе так называемого цитатного применения стилей и манер, а о свободе их подчинения, развития, преобразования. Без сомнения, любые формалистические или алогические трюки, соединенные с социалистической идеей, не вызовут такую химическую реакцию, из которой возникнет социалистический реализм. Социалистический реализм — единство идейного и эстетического. И это эстетическое всегда конкретно, всегда существует вместе с идейной стороной. Если оно не передает живой сути идеи, мысли художника, конечно, такое произведение нельзя назвать произведением социалистического реализма. Поэтому для социалистического художника выбор манеры, стилей, форм не является механическим актом, продиктованным лишь желанием подогнать идею под определенную форму. Выбор стилей и форм — это выбор наиболее действенных и деятельных эстетических средств для выражения своей мысли, своего взгляда на жизнь. Тем самым средства эти не могут оставаться в первородном виде, нейтральными по отношению к идее. Тут происходит очень сложный процесс их трансформации, переплавки, отбора, создания новых качеств в самом процессе их использования и т. д. Иначе говоря, стилевые манеры и форма — не одежда, а идея — не тело. Об этой стороне вопроса и хотелось сказать несколько слов.

Беседа А. М. ГОРЬКОГО

с рабкорами, селькорами и военкорами
в Тбилиси 27 июля 1928 г.

27 июля 1928 года А. М. Горький, приехав в Тбилиси, встретился в летнем клубе строителей с рабочими корреспондентами. В дружеской беседе Алексей Максимович, отвечая рабкорам, высказал свое мнение по ряду вопросов, дал советы.

Беседа А. М. Горького впервые публикуется по стенографической записи Е. А. Александровой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬСТВУЮЩИЙ. Товарищи, сегодняшняя наша встреча — встреча рабкоров, военкоров и селькоров города Тифлиса с Алексеем Максимовичем Горьким представляется мне не в виде торжественного собрания и произнесения торжественных речей, а в виде делового собеседования с нашим дорогим гостем Алексеем Максимовичем, присутствие которого здесь даст нам возможность обсудить те большие вопросы, которые интересуют каждого корреспондента.

Разрешите мне от имени всех присутствующих здесь, а также и от имени отсутствующих рабкоров, горячо приветствовать нашего дорогого Алексея Максимовича Горького (аплодисменты), а затем непосредственно приступить к деловой работе.

Я предлагаю собранию такой порядок дня: сначала присутствующие выдвигают вопросы, на которые товарищ Горький ответит, а потом, в порядке записи, мы дадим возможность высказаться желающим, в том числе, конечно, и товарищу Горькому.

Если такой порядок дня принимается, то задавайте вопросы.

Вопрос. Я хотел бы спросить Алексея Максимовича, какого он мнения о наших рабкоровских заметках в тифлисских газетах, вскрывающих факты бюрократизма администрации и другие недостатки?

ГОРЬКИЙ. Конечно, вопрос ваш вполне естественный: раз вы рабочие корреспонденты, тем самым вы стали как бы обличителями различных недостатков жизни, выявителями различных ошибок и недоразумений. Это естественно потому, что каждый рабкор заботится о создании новых отношений, нового быта, новой культуры, и на этот вопрос, конечно, не может быть двух ответов.

Надо ли обличать недостатки? Разумеется, надо. Но не надо только забывать, что в том великом деле, которое сейчас творится в Союзе Советских Республик, в существе этого дела заложено так много нового, до такой степени сложного, что это новое, это сложное, выявляемое в нашей жизни, не может не повлечь за собой ошибок, всевозможных недоразумений и недостатков.

Насаждается новое дело, которого никто еще никогда не делал. Его творят люди, не обижайтесь на меня, товарищи, в сущности, неприспособленные целиком к этому. Делают это великое дело простые люди, простые рабочие, а раз это так, то это дело — ваше, товарищи, дело ваших товарищей по классу, друзей по жизни. И вы, критикуя их недостатки и ошибки, никоим образом не должны впадать в тот тон, который за последнее время вами все более и более усваивается. Этот тон какой-то раздражительный, такое подчеркивание этих недостатков — тон не дружеский, не товарищеский, а тон как бы чуждых друг другу людей, тон, который мы имели право принимать, когда мы критиковали класс, враждебный нам. Ныне, когда вы имеете дело со своим классом, с представителями ваших интересов, с рабочими, которые работают так же, как и вы — для

себя, для построения нового своего государства, вы должны избегать всего, что может обидеть этих людей. Вы должны воздержаться от принятого вами тона. Вы должны критиковать их недостатки, но памятуя, что эти недостатки исходят от ваших товарищей, от людей вашей плоти и крови, которые стремятся к той же цели, как и вы, и которые заслуживают вашего снисхождения. Поэтому тон в ваших заметках должен быть благожелательный, дружеская критика должна быть, но отнюдь не то, что мы имеем сейчас.

Я повторяю, когда люди моего поколения критиковали чуждый им класс, они имели право на ненависть и раздражительность уже по той простой причине, что те люди относились к ним с ненавистью. Но вы не можете в таком тоне критиковать своих товарищей. Поэтому я считаю, что критика должна быть, но тон ее должен быть дружеский, товарищеский.

Каждый из вас стремится избежать плохого в жизни, заменить плохое какими-то другими, хорошими условиями. Так вот, сообразите сами, следует ли засорять то великое дело, которое вы делаете, мелочами и личными обидами? Мне кажется, не следует. Я буду продолжать говорить в том же духе, в каком начал. Вы же люди грамотные, люди, у которых есть возможность иметь ясное представление о том, что надо делать. Вам надо научиться, как лучше делать то, что вы делаете. Сейчас рождаются совсем иные формы отношений между людьми. Вот мне одним из ваших товарищей подана такая записка: «Где искать новый быт?»

Где искать новый быт? Несомненно в себе самом. Все исходит от человека, вне человека ничего никогда не делается. Творите новые факты и будет новый быт. Измените отношения друг к другу, измените отношения к тем людям, которые творят новое, великое дело и которых вы обвиняете в бюрократизме. Завтра эти люди могут быть уже не такими, если вы им дружески скажете, что они ошибаются, что они не так ведут себя. Это все очень простая вещь.

Вопрос. Некоторые говорят, что наша газета «Рабочая правда» часто ошибается в оценке явлений. Как вы смотрите на это?

ГОРЬКИЙ. Я приведу вам один факт, из которого вы многое поймете: один рабкор поставил вопрос о том, что он должен отмечать на своем предприятии — плохое или хорошее? С этой целью он обследовал фабрику под Москвой — бывшую Морозова. После очень строгого обследования оказалось, что хорошее преобладает над плохим, чего рабкор сам не знал. Каждый из рабкоров писал об отрицательных явлениях, а когда они поставили себе целью обследовать жизнь и работу всей рабочей массы, занятой на фабрике, то оказалось, что есть много явлений положительных, которых они не замечали.

Вопрос. Говорят, что якобы рабкор относится пессимистически к тому, о чем он пишет. Правда ли это?

ГОРЬКИЙ. Пессимизм этот является результатом неудовлетворенности действительностью. Люди хотят очень много хорошего и это желание естественное, это их законное право, право желать как можно больше хорошего... Но, действуя врассыпную, им трудно достичь этого хорошего и тут получается такая вещь, что человек начинает долбить в одну точку и впадает в отчаяние, из-за своего отчаяния он уже не видит ничего хорошего, впадает в пессимизм. А хорошего много. Вот я был в Баку и видел, какие великолепные дома для рабочих построила Азнефть. Или возьмите Днепрострой, там построена великолепная фабрика-кухня, которая отпускает 6.500 обедов в сутки. Посмотрите, какие там прекрасные рабочие поселки. Разве можно проходить мимо этого хорошего и не замечать его! Получается такая вещь, что мелочи быта заслоняют все это крупное, большое, хорошее. Эти люди еще десять лет тому назад вынесли жизнь суровую, тяжелую и едва ли могли мечтать о том, что сейчас есть. Тем не менее, когда у них есть столько положительного, столько прекрасного, все-таки всплывают какие-то мелочи, и эти люди впадают в ненужный нам тон. И едва ли при таком тоне мы будем в состоянии быстро идти вперед.

Товарищи, у нас выдвинут лозунг культурной революции. Этот лозунг предполагает прежде всего уважение к человеку, к творцу культуры. Непременно так, а не иначе, — уважение к человеку, к его труду, уважение к личности, к творцу культуры!

Есть в ваших заметках это уважение? Нет, этого нету. Критикуя действия, которые надо критиковать, вы обвиняете в этом человека. Надо учить, а не только обвинять.

«Мы свой, мы новый мир построим»... А как вы строите этот новый мир? В том тоне, который вы приняли, вы строите новый быт? Нельзя принимать такой тон озлобления против человека и такого человека! Против вашего товарища, против рабочего. (Реплика: А если он дело не любит?) Тогда он не товарищ ваш. Но я весьма сомневаюсь в том, что в вашей среде есть рабочие, которые не любят свое дело. Я в этом очень сомневаюсь. Вот я был в Баку и был свидетелем такого случая: на промысле неожиданно вспыхнул бензин. Если бы это было 10—15 лет назад, то все рабочие разбежались бы кто куда, однако

рабочие промысла бежали не от огня, а к огню. Бросились в огонь человек двести пятьдесят, и в течение двенадцати минут пожар был потушен, был ликвидирован раньше чем приехала пожарная команда. Этот факт свидетельствует о том, что эти двести пятьдесят человек мыслили себя хозяевами этого дела. Хозяйское, чужое они не стали бы так защищать.

В ваших словах тоже есть правда, которая иллюстрирует очень печальные факты. Я, например, скажу, что есть рабочие, которые на буржуев работали лучше, чем они работают теперь на себя. Продукция, которой они награждали буржуазное общество, была по качеству своему значительно лучше той, что выдаете теперь, работая на себя. Вы сапоги стали хуже шить, стали хуже делать и другие вещи. Это печальный факт и об этом рабкорам надо писать; не только о том, что пропали шестьсот миллионов рублей денег, но и о том, что ваши товарищи сшили вам сапоги из гнилой кожи. Я недавно приехал из-за границы, но я прекрасно знаю, что вы не только плохо работаете, но и много пьете, бьете свою жену, к женщине относитесь по старинке. Это все есть, и об этих вещах вы не пишете в достаточной степени. А когда ваш товарищ, который работает в такой адской обстановке, о которой крестьянин не имеет никакого представления, допустит ошибку, вы его высмеиваете. Это не резон.

У меня есть еще ряд записок, на которые даже не знаю, как ответить. Например: «Как быть с массами, которые не имеют никакой письменности, например, с езидами?».

Ну что же я могу ответить на этот вопрос? Единственно то, что езиды должны иметь свою письменность так же, как и другие народы.

Следующая записка такого рода: «Какое впечатление произвела на вас армия военкоров?»

Прекрасное! Молодцы ребята, очень грамотная, дисциплинированная масса, очень много времени тратят они на учебу.

Вопрос. Вы выдвинули вопрос об издании журнала «Наши достижения». Будет ли выходить этот журнал, на скольких языках, и какое участие могут принимать в нем рабкоровские писатели?

ГОРЬКИЙ. Несомненно, журнал «Наши достижения» будет издаваться. И рабкоры и селькоры должны принимать в нем посильное участие. Но о каких достижениях идет речь? Предположим, селькор живет в деревне, где 54 дома; за время с 1925 по 1928 год построили себе 31 новый дом из этих пятидесяти четырех. Стало быть, деревня богатеет, а между тем в деревне стоит зеленая лужа, кошка дохлая валяется, телега не может проехать — тонет в луже. Грязища повсюду страшная, лошади ломают себе ноги. Тут же в селе изба-читальня, радиоприемник, а селькор пишет о том, что Степанида Краснова сделала что-то нехорошее со своей коровой. При проверке оказалось, что ничего она с коровой не сделала, что корова довольна своей хозяйкой и что Степанида получила даже хороший отзыв. Так вот об этом селькор пишет, а о том, что вонючая лужа в деревне, в которой всякая дрянь валяется, что ребята отравляются и болеют, селькор об этом не пишет. А писать как раз надо о таких вещах, потому что элементарные условия культуры и гигиены требуют чистоты. Мы говорим о культурной революции, так вы и должны насаждать культуру. Вы научите их почистить эту лужу, в деревне 54 двора, пусть каждый двор даст по одному человеку и 54 человека любую лужу вычистят.

А таких фактов сколько угодно, пишут о многом, а не знают еще больше.

Теперь другой вопрос: «Надо ли писать обо всем, о всех достижениях, которые совершаются в быту?»

Представьте себе, что рабочий на фабрике изобрел непромокаемую подошву из бумаги. Пишите об этом, пишите обо всем, что так или иначе, хотя бы в мелочах, свидетельствует о работе человека в деле создания нового быта. Случилось что-либо важное, какие-либо изменения в сельском хозяйстве, на фабрике, на квартире рабочего: рабочий что-то сам сделал, что-то починил. Важны все факты, которые свидетельствуют, что человек начинает относиться к действительности, как к прямому своему делу.

Тут спрашивают, какого я мнения о газете «Комсомольская правда»?

Это чрезвычайно богатая, хорошо поставленная газета, очень талантливо ведется она, но и она имеет недостатки, о которых я говорил, — она тоже слишком много внимания обращает на то, что плохо, и мало говорит о том, что хорошо.

Товарищи, надо помнить следующее: каждый из вас находится у своего небольшого дела. Из этого небольшого дела создается нечто чрезвычайно огромное, что, собственно, учесть не только вам трудно, но и людям, сидящим в Совнаркоме и других учреждениях, потому что, скажем, если бы экскурсия рабкоров или селькоров поехала в Баку в Азнефть, положим, и посмотрела, что сделано рабочими сейчас против того, что было сделано при собственниках, пришлось бы сказать, что рабочие действительно работают лучше, чем собственники. Кроме того, тут надо учесть и такой факт, что вместо 238 хозяев, которые

«были раньше, во главе Азнефти стоят двое рабочих. Следует обратить внимание, что администрация, которую держали собственники, была количественно огромна и зарабатывала себе денег до 50 тысяч рублей, плюс всякие таньемы. А сколько стоит администрация Азнефти теперь? Дешево, курьезно дешево. А кроме того и общее положение и прочее. Посмотрите, как постепенно облегчается труд рабочего! Собственники, буржуа не заботятся об облегчении труда рабочих, зато рабочие сами заботятся об этом и хорошо заботятся.

Тут мне задали целый ряд вопросов однородного характера:

«Могут ли и должны ли писатели принимать участие в строительстве? Могут ли принимать в нем участие писатели царского времени?»

Вот я — писатель царского времени, я всегда принимал и принимаю участие в этом деле. То же самое можно сказать про Сергеева-Ценского, Сергея Городецкого и многих других поэтов и писателей. Все они принимают участие в строительстве.

Вопрос. Следует ли писать романы для легкого чтения или же с уклоном на политические темы?

ГОРЬКИЙ. Конечно надо писать и художественные романы для того, чтобы людей приучать сначала к легкому чтению.

Вопрос. Как относятся за границей к нашим пролетарским писателям?

ГОРЬКИЙ. Заграничная литература и пресса относятся к ним в высшей степени внимательно, перепечатаывают произведения нашей молодежи, издают массу книг, издают все, что можно получить отсюда. Но надо сказать, что хорошие книги пролетарских писателей из России не достаются рабочим: буржуа не дает их читать рабочим, если они написаны под известным уклоном.

Вопрос. Нужна ли нам поэзия?

ГОРЬКИЙ. Я полагаю, что нужна. Я сам стихов не пишу, но думаю, что поэзия так или иначе нам нужна. Песни все любят, музыку любят, красивое слово или красивых женщин все вы любите, это я очень хорошо знаю. Как же здесь обойтись без поэзии? Ведь вся культура начата на этой почве. И мы с вами, товарищи, занимаемся поэзией, о чем же спрашивать.

Вопрос. Какие произведения иностранных писателей пользуются популярностью и какие нам читать?

ГОРЬКИЙ. Я точно не скажу. У нас очень охотно читают О. Генри. Писателей примиренческого направления, я бы сказал, — мало любят, мало ими интересуются, но левыми интересуются гораздо больше. Затем читают Джека Лондона. Джек Лондон очень хороший писатель, он всегда изображал людей боевых, сильных.

Очень много у меня записок, в которых спрашивают о Есенине. Собственно, по этому поводу мне несколько раз приходилось говорить. Что же сказать? Отличный поэт, писал прекрасные стихи. Его немного перехвалили, а в общем, можно сказать, что это трагедия глиняного горшка: глиняный горшок стукнулся о чугун — город. Наш деревенский человек, лирик, мечтатель, мягкий парень, не вынес суровой городской жизни, где работают очень энергичные люди, поставившие перед собой крайне высокие задачи, и вот Есенин просто не нашел себе места среди них...

Вопрос. Интересно узнать мнение Алексея Максимовича о художественной литературе, которую создают рабкоры.

Вопрос. Какое значение имеет для пролетарской литературы художественная форма?

ГОРЬКИЙ. Я думаю, что эти ваши вопросы потребуют для ответа целой лекции. Дело в том, что это вопрос о литературной критике, об оценке литературы. Тут происходит явление, я бы сказал, в высшей степени неприятное, и виновниками его являются отчасти такие же молодые люди, как вы: люди слишком торопятся выявить себя. Двинуться вперед звучными словами и всякой всячиной. Из этого получаются такие отношения, о которых я раньше говорил, — некоторая поспешность суждения и прочее. И поэтому говорят о нашей литературе неправильно. Я считаю себя не вправе говорить об этом потому, что для этого потребовалась бы большая речь, нужны соответствующие материалы; я хотел бы с книгами в руках говорить о фактах, показать, до какой степени неправильно ценят писателей, какие делают поспешные выводы, как плохо критикуют, как плохо читают книги. Я бы взял предисловие к книге и содержание книги и показал бы, насколько они не соответствуют, как неправильно идет воспитание молодняка. У нас молодой начинающий писатель обставлен крайне плохо, редакторов хороших пока нет, таких редакторов, которые могли бы взять рукопись, прочесть ее внимательно и сказать — написана она плохо или хорошо, почему плохо или хорошо, указать автору рукописи, что писать надо так, а не этак, надо избегать таких-то ошибок. Но надо принять во внимание, что всего шесть лет как у вас сравнительно спокойная работа и за этот срок в высшей степени трудно было достичь желаемых результатов. Однако за эти шесть лет мы создали литературу, которой можем похвастаться перед Европой. Напи-

сали целый ряд прекрасных книг и каждый год даем два-три талантливых романа. Вот, например, «Тихий Дон» Шолохова. Шолохов написал прекрасную книгу.

У нас сейчас такая масса литераторов, что следить за всеми нет никакой возможности; я сам внимательно читаю новую литературу, но и у меня нет возможности уследить за всем. Однако я скажу, что читаю больше, чем любой редактор московского журнала. И винить редакторов не приходится. Возьмем, например, «Рабочую газету» Москвы. Она получает в среднем пять тысяч писем в месяц, а в состоянии ответить только на три процента этого количества. Остальные письма лежат громадным ворохом. Нет возможности прочесть все и поэтому отвечают только на три процента, и, чтобы ответить даже на это количество, редакции приходится иметь огромный коллектив людей, которые читают письма и направляют ответы в различные учреждения, дают советы, и это они могут сделать только с тремя процентами писем, потому что шестьдесят тысяч писем в год — это такое количество, разобраться в котором буквально невозможно.

То, что творится сейчас у нас, выходит из рамок обычного. Вот, когда мы на Кельнской выставке показали цифру тиража наших книг, немцы не поверили: «Миллионы томов, и все эти книги расходятся, тогда как читать их должен безграмотный народ», — говорили немцы, потому что они считали русских неграмотными. А ведь эти цифры — факт. «Цемент» Гладкова — 110 тысяч моментально разошлись. Разве раньше это могло быть? Конечно, нет. Я принадлежу к наиболее читаемым писателям, но не могу сказать, чтобы в моем прошлом опыте был такой случай.

Товарищи, все, что у нас выражено в цифрах, принимает фантастические размеры.

Вот интересная записка: «Достаточно ли у нас темпы развития нашей культуры и скоро ли мы сможем догнать Запад?»

Я уже говорил по поводу темпов развития нашей культуры. Они у нас принимают фантастическую быстроту. Я говорю это, не преувеличивая. Я знаю, чем была Россия, когда мне было 20—25 лет. Я знаю, что в то время любили газету «Русские ведомости», которая расходилась в 20—25 тысячах экземпляров, не больше. Когда мне было 45 лет, то появилось «Русское слово», которое расходилось в 300 тысячах экземпляров. Даже этот прыжок в ту пору казался необычайным, а теперь, когда в одной Чувашской республике, где меньше миллиона населения, в республике, которая всего семь лет назад получила свою письменность, издается десять газет и каждая газета имеет 10 тысяч подписчиков и тысячи корреспондентов, — это действительно является чудесным, сказочным.

А вас не удивляет такой факт, что наш солдат из Красной Армии — образованный человек? Посмотрите на председателя сельсовета, он тоже образованный человек. Теперь красноармеец выходит из казармы обязательно грамотным, этого раньше не было. Раньше солдаты из армии, из царской казармы, возвращались в деревни, извините за грубое слово, с известной болезнью, а кроме того возвращались в деревни прежними мужиками. Теперь совсем не то. Разве это явление не является показательным?!

Обратите внимание также на то, что простой рабочий от станка у нас занимает «губернаторскую» должность, причем председатель губисполкома выполняет работу гораздо более сложную, чем губернатор старого, царского правительства, который был только администратором, тогда как председатель губисполкома, управляя губернией с населением в полмиллиона человек, должен знать экономику и хозяйство своей губернии... Обратите внимание на тот факт, что у нас 19 тысяч изобретателей. В этом отношении мы даже перегнали Европу. Это в достаточной мере свидетельствует о темпах нашего культурного развития.

Вопрос. Будете ли вы писать за границей о достижениях наших и как отнесется к этому европейская буржуазия?

ГОРЬКИЙ. Европейские буржуа — люди не глупые и по этой причине никаких дифирамбов и славословий нам печатать не будут. Я вам скажу, что всякий раз, когда мне приходилось говорить что-нибудь о России, меня там цитировали, например, в немецких газетах, но всегда с комментариями, добавляли: «Конечно, во-первых, он идеалист, во-вторых, поэт, а в-третьих, живет за границей и не знает настоящего положения дел в России».

РАБКОР (с места): Я хочу несколько критикнуть вас по-рабкоровски, вы не обидитесь?

ГОРЬКИЙ: Нет, нет.

РАБКОР. Вот, вы говорите, что рабкоры теребят наших хозяйственников, принимают в отношении них грубый тон. Я с этим согласен, но когда возглавляющие наши учреждения товарищи не видят такого хозяйственника, который не любит свое дело, мы должны об этом писать. Конечно не так, чтобы ему голову оторвали, а только, чтобы указать ему правильную дорогу, чтобы на производстве дело шло хорошо.

Когда мы пишем разоблачающую заметку, администрация сообщает редакции, что якобы приняты меры, а через два дня мы видим, что дело стало еще хуже. Вот таких хозяйственников мы и стараемся поставить на правильный путь, но, конечно, не так, чтобы отбить у них охоту работать.

ГОРЬКИЙ. Давайте поговорим на эту тему. Возьмем, например, такой факт: в одном городе хозяйственник построил мост через овраг, и по этому поводу в газете и на собрании пробрали здорово этого хозяйственника. Ему говорили: на кой чёрт вы строите мост, на который затрачиваете 10 тысяч рублей? Великолепно можно обойтись и без моста. Но не было никем учтено, что мост сокращал дорогу рабочим на завод на 22 минуты. Умножьте это на тысячу рабочих и получите большую экономию...

Рабочий от станка берется за огромное государственное дело, он понимает, что работать надо ему не на чужого дядю, а на свой класс. Естественно, что у него появляется боязнь лишнего не потратить, появляется нерешительность... А затем надо обратить внимание на такую вещь: в том огромном деле, которое сейчас делается, до такой степени все сложно и трудно, что только руками разводишь, видя, как рабочий класс, советская власть и партия работают в этой обстановке: денег нет, враждебность буржуазии отчаянная, ненавидит вас буржуазный мир так, как никого еще никогда не ненавидел. А внутри разве нет людей, которые тоже смотрят на вас, как на врага, хотя и живут вместе с вами? Конечно, есть...

Когда я говорю, что не надо особенно резко выступать против своего брата по духу, я говорю это просто потому, что это ведь крайне ценный новый человек. Когда я смотрю на тот кусочек энергии, который вы тратите не на то живое дело, на которое должны тратить, я думаю, что этот кусочек энергии — потерянный для дела, а между тем эта энергия могла быть направлена в более полезную сторону.

Не подумайте, товарищи, что я против критики. Отнюдь нет, я только против вашего тона, я говорю, что тон должен быть другой, более дружеский, более товарищеский.

«Товарищ» — это не формальное словечко, а настоящее, это — символ классового единения, символ сознательного отношения друг к другу.

Всякий человек, который берется за какое-нибудь дело первый раз, естественно, ошибается, он действует нерешительно, неуверенно, мало ли что бывает. А учиться трудно, очень трудно, и вы это прекрасно знаете лучше меня. Вот тут-то и нужно иметь в виду лозунг культурной революции. Вы должны изменить отношение друг к другу. Я согласен, что с хозяйственником надо сердито разговаривать, но не обижая его так, как вы это делаете. Это, по существу, очень важно.

У меня есть записка такого характера: меня спрашивают, какого я мнения о женщине и какова ее очередная задача?

Я думаю, что ее очередная задача такая же, как и задача мужчины, и что в некоторых отношениях женщина даже как будто пошла на шаг, может быть — два вперед по сравнению с мужчиной. Я видел много таких примеров и знаю из писем, которые я получал за границей, а кроме того говорю о том, что я сам вижу. Достаточно привести, к примеру, мусульманку, которая не только сняла чадру и открыла свое лицо, но и председательствует в сельсовете, ведет огромную работу. Это явление совершенно исключительное. Раньше этого никогда никто не наблюдал.

Вопрос: Будет ли журнал «Наши достижения» издаваться на национальных языках и кто будет принимать в нем участие?

ГОРЬКИЙ. Все советские республики должны принять то или иное участие в этом журнале в меру своих сил. По этому поводу я уже переговорил с армянскими, грузинскими, украинскими и другими писателями. Все национальности будут давать в журнал материал о той культурной работе, которую они делают, будут писать как бы историю культуры в ее развитии, в ее движении. Так что, само собой разумеется, участие так называемых нацменьшинств должно быть безусловно. Было бы прямо недопустимым и прямо преступлением, если бы мы — москвичи, русские, продолжали относиться к национальностям, входящим в состав Союза Советских Республик так, как относилось царское правительство, то есть игнорировать их: это, конечно, недопустимая вещь.

Должен вам сказать, что кроме журнала «Наши достижения» я затеваю еще другой журнал, в котором литература нацменьшинств получила бы полное отражение. Этот журнал будет печататься на русском языке, но остальные национальности, такие как армяне, грузины, тюрки* и другие, вольны печатать его на своем родном языке. Но мы обязательно должны дать в журнале полную картину всего того, что творится на всей территории Советского Союза.

* Имеются в виду азербайджанцы.

Вопрос. Почему у нас нет крупных писателей за последнее десятилетие?

ГОРЬКИЙ. Это совершенно неверно. Последние десять лет дали ряд крупных имен: Константин Федин, Бабель, Сергей Семенов, возьмите его роман «Наталья Тарпова», хорошая вещь, Пильняк, Андрей Платонов, Шолохов, о котором я говорил, это отличный писатель. Я не знаю, сколько вам их надо.

У нас есть целый ряд любопытнейших работ. Русская литература за последние десять лет совершила, я бы сказал, чудеса храбрости. Например, в нашей литературе не было авантюрных романов, мы не писали их раньше, а вот явились молодые люди и стали писать приключенческие романы, и у нас есть многие такие, которым позавидовали бы английские писатели. Таковы: Никулин — «Никаких случайностей», Мариэтта Шагинян, которая написала книгу «Месс-Менд». Эти книги не могли быть написаны десять лет тому назад. Юмор у нас есть, хороший юморист в лице Зощенко. И еще много имен можно назвать очень крупных. Константин Федин — это писатель, который в течение нескольких лет сделал себе крупное имя. Я забыл упомянуть о Всеволоде Иванове. Вот вам совершенно законченный писатель, который не хуже многих литераторов моего поколения. Есть целый ряд таких писателей, которые являются крупными современными писателями, так что ваша оценка совершенно неправильная. Тут просто недоглядели вы чего-то, тут опять-таки желание найти какие-нибудь недостатки.

Вы без денег начали превосходное дело, предприятия ваши идут отлично, людей талантливых сколько угодно во всех областях. Вот тормоз изобрел простой рабочий Казанцев, и этот тормоз приняла специальная комиссия. Делаются многие открытия в области науки, в сельском хозяйстве сколько новшеств, издаются прекрасные книги, в чем же дело? Все, что вы говорите, есть просто недооценка настоящего и происходит она потому, что вы мало знаете (извините меня) из того, что творится в Советском Союзе. Надо вам больше знать об этом, и журнал «Наши достижения» должен дать материал, который послужит для всей массы рабочих, во-первых, прекрасной агитацией, а во-вторых, успокоит вас, приведет в рамки, потому что вы мчитесь с быстротой дикой лошади, вам надо, чтобы уже завтра все было бы благополучно. Этого не бывает. Так что с этими оценочками должны быть осторожнее. А похвастаться многим можете, не подавляйте своего оптимизма, как люди — вы прекрасные ребята.

Вот у меня записка, которая ставит серьезный и конкретный вопрос: «Что надо делать для того, чтобы улучшить формы работы рабкоров и селькоров?»

Это действительно нужно. Дело в том, что большинство из вас страдает недостатком литературной техники, проще говоря — неумением писать. Часто вы излагаете вашу мысль в тяжелой форме, не русским языком, не потому, что вам так хочется, а потому, что у вас иначе не выходит. Я думаю, что следовало бы время от времени устраивать курсы для рабкоров и селькоров, на которых бы преподавалась литературная техника, чтобы вы научились писать.

Я по собственному опыту говорю, что очень трудно уметь писать. В моей практике встречались такие факты: получаешь письмо и с первых слов чувствуешь, что пишет человек даровитый, что он разбирается в вопросе, но пишет языком таким, что никуда вещь не годится, так написано, что и поправить нельзя.

Надо учиться, надо устраивать какие-то курсы, на которых бы преподавали это умение писать. На курсах можно заставить человека написать, как он провел день. Указать ему на его ошибки, поправить обороты и т. д. Возьмите мой пример: я нигде не учился, но я же писатель и умею писать, научился. Почему же другие не научатся?

Вопрос. Говорят, что кружки самодеятельности будто бы отжили свой век и что пора выбрать другую форму. Правда ли это?

ГОРЬКИЙ. Какую же форму? Школу? Нет, я думаю, что кружки самодеятельности не отжили, они нам нужны и должны быть в селах, на заводах.

Я должен, товарищи, кончать по той причине, что надо идти в другое место и там разговаривать.

Само собой разумеется, я не так самонадеян, чтобы думать, что все, что мною было сказано, вы слушали с удовольствием. Тем не менее, по характеру вопросов, которые вы задавали, я должен сказать еще раз вам то, что уже говорил: да, товарищи, культурный процесс рабочей массы идет с поразительной быстротой. Написать столько записок, поставить столько вопросов в течение полутора часов, задать столько важных вопросов устных в это же время — было бы невозможно десять лет назад. Это я говорю вам вполне серьезно, с полным убеждением в том, что действительно раньше это было бы невозможным. И тот факт, что это сделалось теперь возможным, является достижением рабочего класса и его руководителя — компартии.

Это сделала старая большевистская гвардия, которая сумела зарядить своей энергией трудящиеся массы.

Вот теперь всех нас волнуют вопросы глубокой важности, которые десять лет тому назад не могли волновать наши массы. Были тогда отдельные едини-

цы, которые работали героически. Вот они-то организовались, взяли в свои руки и орудия производства, и всю государственную, политическую власть. И вот результат их героической работы — прошли шесть сравнительно спокойных лет, и эти люди, в крайне тяжелой обстановке, одной своей энергией добились так многого, стали творцами великого дела, такого великого, что его значение вы еще не совсем понимаете. А вам надо это понять, надо обнять все то, что уже сделано и что сейчас происходит. И когда вы это поймете, вы почувствуете в себе еще больше силы, еще больше умения, почувствуете себя еще более выпрямленными людьми, действительными героями нашей действительности, а эта действительность должна быть героизирована, и она героизируется вами.

Пожелаю вам, товарищи, и дальше идти вперед такими же шагами и строить так хорошо начатое великое дело. (Бурные аплодисменты заглушают последние слова Горького).

М. Нефедов,

главный экономист «Тбилгорпроекта»

Газификация Тбилиси

I

С тех пор как в Тбилиси появилось электричество, — а это случилось больше 60 лет назад, — в энергетике города не произошло ничего нового. Дрова, керосин, уголь, мазут оставались неизменными элементами его топливного хозяйства, хотя на фоне таких технических достижений, как радио, авиация, кино, телевидение и, наконец, атомная энергия, они выглядели старо и примитивно.

Из газет и журналов мы знаем об огромном развитии газовой промышленности в СССР и за границей.

В 1944 году, когда гремели орудия Великой Отечественной войны, началось скоростное строительство дальнего газопровода Саратов — Москва.

В 1950 году мощный газо-сланцевый комбинат, выстроенный недалеко от маленького эстонского города Кохтла-Ярве, дал газ Ленинграду.

Примерно в те же годы газеты сообщили о газификации Киева. Мощное газовое месторождение в Западной Украине — Дашава, откуда г. Львов получал газ с 1930 года, питает сейчас не только Львов и Киев, но и Брянск и даже Москву, не говоря уже о многих других населенных пунктах.

Наконец, совсем свежи в памяти декабрьские сообщения газет о досрочном завершении работ по строительству сверхдальнего газопровода Ставрополь — Москва, одного из крупнейших в мире и самого крупного в Европе. Его протяженность — 1.300 км., диаметр труб — 720 мм., полная пропускная способность — 20 миллионов кубометров газа в сутки. Сооружение этого гиганта осуществлено в рекордно короткий срок — менее чем за 2 года.

Первый советский газопровод был проложен в 1942—1943 годах от Элшанки к Саратову всего лишь на протяжении 50 километров. А сейчас прокладываются газопроводы на сотни и даже тысячи километров. Так шагнула вперед наша техника за последние четырнадцать лет!

Но к концу шестой пятилетки она ста-

нет еще более совершенной. В течение пятилетки каждый год будет вступать в строй свыше двух тысяч километров одних только магистральных газопроводов, не считая газопроводов местного значения и внутригородских газовых сетей.

Названные цифры красноречиво говорят о том, что газификация городов развивается бурными темпами. Сравнительно недавно разведанные богатейшие месторождения природного газа на Северном Кавказе, на Украине, в Приуралье и новые методы получения различных искусственных горючих газов открывают перед народным хозяйством широчайшие перспективы. На газ будут переведены не только квартиры и коммунально-бытовые учреждения, но и промышленные и энергетические предприятия.

Можно было бы назвать десятки городов, в которых в настоящее время проводится газификация. Газ в этих городах уже несколько лет настойчиво пробивает себе путь к домашнему очагу, избавляя население от дорогостоящих дров, керосина и угля, от копоти и грязи.

Взглянув на карту соседних республик, краев и областей, мы можем убедиться в том, что газификация проводится на подступах к Грузии и охватила города значительно меньшего масштаба, чем Тбилиси. В 1953 году небольшие газовые месторождения в районе Малгобека дали газ Орджоникидзе. Газифицируются Грозный, Краснодар и Ростов-на-Дону.

Уже много лет Тбилиси испытывает недостаток топлива и электроэнергии. Однако разговоры о газификации столицы Грузии велись до недавнего времени лишь в узком кругу научных работников и работников городского хозяйства.

XX съезд партии наметил обширную программу работ по газификации страны. Большое место отводится широкому строительству газопроводов, в частности, прокладке газопровода Грозный—Тбилиси.

II

Вопрос об обеспечении Тбилиси газом имеет свою историю. Он возник впервые

в 1867 году. К этому времени некоторые крупные города дореволюционной России уже имели газовые заводы и пользовались горючим газом для освещения улиц, квартир, фабрик, заводов и железнодорожных станций. В 60-х годах прошлого столетия в стране насчитывалось 210 газовых предприятий¹. Газовое дело считалось очень прибыльным, и за него охотно брались частные предприниматели. Однако, вопрос газоснабжения Тбилиси в те годы не был разрешен, главным образом, из-за отсутствия железной дороги, по которой можно было бы доставлять каменный уголь на газовый завод. Ничего практического в этом направлении не удалось сделать и на протяжении последующих 33 лет XIX века. Правда, в 1910 году городская управа одобрила проект договора с князем Н. А. Чолокашвили, возглавлявшим акционерное общество, на устройство и эксплуатацию в Тбилиси газового завода. В Навтлуги был даже выделен участок земли под строительство завода. Но часть гласных городской Думы оказала сопротивление², и дело сорвалось.

После Великой Отечественной войны бурное развитие городского хозяйства и промышленности Тбилиси вызвало большую нужду в обычных топливных ресурсах и особенно в электроэнергии.

Возникла необходимость в применении новых, более современных видов топлива, в частности, наиболее теплоценного из них — природного газа.

На территории республики горючий газ был найден в размерах, не обеспечивающих его использование в промышленных масштабах, а мелким месторождениям вначале не придавали значения. В 1953 году перед союзными органами был поставлен вопрос об использовании Ткибульских углистых и липтобиолитовых сланцев для газификации Тбилиси и других городов республики. Опыты, проведенные Институтом металла и горного дела Академии наук Грузинской ССР, показали полную пригодность этих сланцев для получения высококалорийного горючего газа. Это дало возможность ленинградской проектной организации «Ленгипрогаз» разработать технико-экономический доклад о строительстве в Грузии газосланцевого завода.

В то время как в Грузии разрабатывался вопрос об использовании местных сланцев, в Москве, в Совете Министров СССР было принято решение о широком использовании природного газа Ставропольского месторождения для газификации городов и промышленных предприятий. И тогда Энергетический институт Академии наук Грузинской ССР занялся изучением вопроса: как снабдить крупные города и промышленность Грузии ставропольским природным газом?

¹ Энциклопедия местного управления и хозяйства. М.—Л. Госиздат. 1927 г., стр. 565—571.

² «Известия Тифлисской городской Думы» за 1910 г. № 11, стр. 129.

Так впервые зародилась идея строительства газопровода Ставрополь—Тбилиси.

В 1954 году специальная экспедиция провела первые изыскания трассы газопровода через Главный Кавказский хребет. С большим волнением собирались в путь по Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорогам участники экспедиции (в том числе и автор настоящей статьи).

Экспедиция работала с 13 по 22 октября 1954 года. Она подробно ознакомилась с картографическими материалами и данными различных изысканий в районе Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог, произвела обследование в натуре двух вариантов трассы, пригодной для строительства газопровода.

Результаты этих изысканий показали, что трасса газопровода должна пройти вдоль Военно-Грузинской дороги.

В январе 1955 года «Укргипрогаз» представил Министерству нефтяной промышленности СССР доклад об условиях строительства газопровода для подачи ставропольского газа в Тбилиси. Трасса газопровода намечалась в виде продолжения магистрального газопровода Ставрополь — Невинномысск—Минводы и проходила через г. Орджоникидзе. Впоследствии газопровод на Тбилиси проектировался в виде ответвления магистрального газопровода Ставрополь — Грозный протяженностью в 305 километров.

В докладе «Укргипрогаза» обосновывались два положения: во-первых, полная техническая возможность прокладки газопровода высокого давления через Главный Кавказский хребет вдоль Военно-Грузинской дороги и, во-вторых, целесообразность организации снабжения Тбилиси ставропольским газом.

Расчеты показали, что по газопроводу в Тбилиси может быть подано до 950 тысяч кубометров газа в сутки, или 221 миллион кубометров в год, т. е. в три раза больше, чем мог бы дать газосланцевый завод (с учетом калорийности газа). Таким образом, использование природного газа дает возможность осуществить газификацию города в больших масштабах. Помимо этого, природный газ даже на месте его потребления, в г. Тбилиси, будет в одиннадцать раз дешевле искусственного сланцевого газа Ткибульского месторождения. Снабжение Тбилиси природным газом потребует в четыре раза меньше обслуживающего персонала, чем снабжение искусственным газом (330 чел. против 1.339 чел.). Наконец, эксплуатационные расходы при искусственном сланцевом газе так высоки, что потребовали бы от государства дотации в размере 35 млн. рублей в год, в то время как снабжение города природным ставропольским газом будет давать экономию до 16 млн. рублей.

Природный газ — самый дешевый вид топлива. Сравнительные данные о стоимости природного газа и эквивалентного ему количества угля показывают, что использование в народном хозяйстве 100 миллионов кубометров природного газа дает по

сравнению с углем экономию в 12,9 миллиона рублей. За шестую пятилетку прирост природного газа составит по СССР 90 млрд. кубометров. Это заменит 120 миллионов тонн донецкого угля и даст государству общую экономию в размере 11,6 млрд. рублей. На эти средства можно будет газифицировать несколько десятков городов с населением в 35 млн. человек.

Это важнейшее, но не единственное преимущество природного газа. Другое преимущество заключается в самом процессе сжигания. При сжигании газа его теплоотворная способность используется на 60—65 процентов, тогда как другие виды топлива в домашних печах и плитах используются не больше чем на 15 процентов. Один кубометр ставропольского природного газа заменяет в быту 6 кг. каменного угля или 12 кг. дров. Потребление газа при существующих ценах на топливо в 4—5 раз выгоднее угля и в 10—12 раз выгоднее дров.

Переход на газ оздоровит город, так как газ значительно меньше отравляет воздух, чем все другие виды топлива.

Ставропольский газ даст возможность населению и городскому хозяйству Тбилиси сэкономить в течение одного года свыше 60 миллионов рублей.

В плане газификации Тбилиси предусматривается массовая установка в квартирах газовых плит и водогрейных колонок, полная газификация коммунально-бытовых предприятий, больниц, поликлиник, детских садов, школ, вузов, столовых и ресторанов, а также существующей ТЭЦ, ряда промышленных предприятий и части автотранспорта.

Строительство газопровода Грозный — Тбилиси будет начато в 1959 году и закончено в конце 1960 года.

Основные изыскания по трассе газопровода Грозный—Тбилиси выполнены тбилисским филиалом «Гидроэнергопроекта» в 1956 году. В текущем году «Тбилгорпроект» и киевской организацией «Укрэнергопрокоммунэнерго» ведутся проектно-изыскательские работы по разработке системы газоснабжения города. В 1958 году уже можно будет приступить к строительству первых сооружений городского газового хозяйства.

С этой целью Тбилисский горсовет, по решению Совета Министров Грузинской ССР, создал специальную организацию «Тбилгаз».

Группа молодых инженеров, окончивших Грузинский политехнический институт, направлена в Москву для получения специальной подготовки в одной из крупных московских проектных организаций. Другая группа для той же цели должна быть отправлена в Киев.

Наряду с проведением больших работ по газификации Тбилиси на базе ставропольского газа Совет Министров Грузинской ССР вынес в декабре 1956 года постановление «О мероприятиях по использованию сжиженного газа Батумского нефтеперерабатывающего завода для целей га-

зификации». Незначительное переоборудование батумского завода даст возможность получить в год до трех тысяч тонн сжиженного газа типа пропанбутан, пригодного для газобаллонного снабжения городских квартир. При соответствующей реконструкции газового хозяйства завода выработка этого газа может быть доведена до 10 тысяч тонн в год. Его энергетическая ценность — 11.000 больших калорий на килограмм.

Уже в 1957 году батумский сжиженный газ поступит в Батуми и Тбилиси. В Батуми газ будет подаваться по двухсотметровому газопроводу на газораздаточную станцию, а со станции доставляться в баллонах потребителям.

В Тбилиси батумский сжиженный газ будет доставляться по железной дороге в специальных цистернах и сливаться в особые резервуары на газораздаточной станции.

Проекты газораздаточных станций для Тбилиси и Батуми разработаны «Тбилгорпроект» по образцу аналогичных станций Украины. Строительство их должно быть завершено в 1957 году.

До сооружения газораздаточных станций перевозку газа из Батуми в Тбилиси намечено производить непосредственно в баллонах.

Установка газовых плит в Батуми уже началась. В скором времени в Грузию поступит новая партия газовых плит. В дальнейшем производство газового оборудования должно быть налажено на одном из заводов местной промышленности.

Газобаллонное снабжение являлось начальной стадией газификации многих городов Советского Союза и других стран. Такой путь удобен и, главное, не требует на первом этапе затраты крупных средств и металла на прокладку многих километров магистральных и местных газопроводов, а также на устройство разветвленных внутридомовых газовых сетей.

15 кг. газа достаточно на месяц для средней семьи в четыре человека.

Совет Министров Грузинской ССР наметил еще один путь газификации топливного хозяйства Тбилиси: использование горячего газа нефтепромыслов в Норико (менее 20 км. от Тбилиси). Газ выходит здесь из недр земли в качестве спутника нефти. До сих пор он никак не использовался. Количество его здесь не велико, но все же превышает 10 тысяч кубометров в сутки. Норийский газ может обеспечить снабжение некоторой части городских квартир, если его ресурсы будут носить перспективный характер.

В Тбилиси насчитывается свыше 100 тысяч квартир, сотни предприятий и много других возможных потребителей газа. Сжиженный батумский и природный норийский газ, естественно, не решают проблемы газификации города. Оба эти источника покрывают не больше 5% его общей потребно-

сти. Но использование их явится первым практическим шагом в области газификации, позволит теперь же развернуть на месте подготовку кадров и организовать инструктаж населения, наладить производство газовой аппаратуры и измерительных приборов, одним словом — провести в сравнительно короткий срок так называемую «малую газификацию», за которой последует большая, т. е. полная газификация столицы Грузии.

Путем «малой газификации» могут пойти и другие города Грузии, так как природные горючие газы встречаются в разных количествах почти на всей ее территории от Колхиды до Южной Кахетии. По сообщению доктора геолого-минералогических наук М. Дзвеляя («Заря Востока» от 28 декабря 1956 г.), «буровые скважины сплошь и рядом вскрывают глубоколежащие газоносные отложения, откуда горючий газ вырывается непрерывной или кратковременной струей на поверхность».

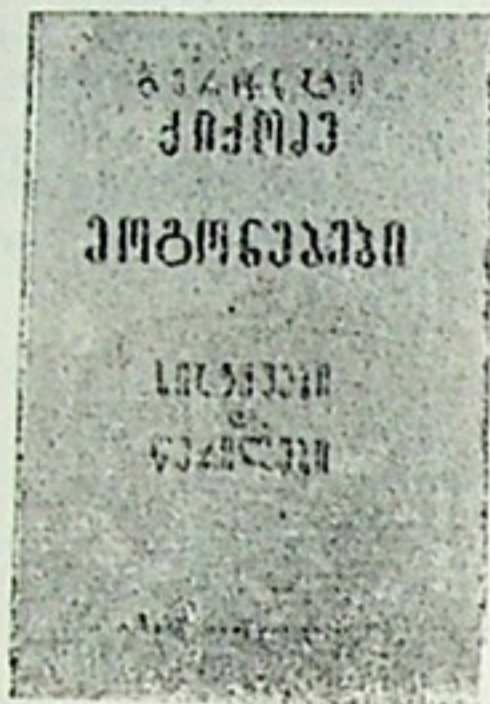
Целый ряд ученых и специалистов—проф. Н. А. Кудрявцев в 1935 г., геолог А. М. Гижимкрели в 1937 г., проф. А. М. Овчинников в 1939 г., проф. А. В. Ульянов в 1948 г. поднимали вопрос об использовании месторождений нефти и газа в Грузии для нужд газификации. Проф. А. В. Ульянов, в частности, предлагал осуществить газификацию Сухуми, используя газовые месторождения Абхазии.

Имеются сведения о наличии газа в районе Ланчхути, в Мирзаани, а также в гаре-кахетинском, горно-кахетинском, гурийском и других районах. Все эти месторождения должны быть тщательно обследованы на газоносность и использованы для народного хозяйства республики. Пусть ни одно из них не окажется равным по мощности дашавскому, ставропольскому или шебелинскому, но в совокупности они сыграют крупную роль в оздоровлении и обогащении топливного хозяйства Грузии.

Воспоминания и статьи ГЕРОНТИЯ КИКОДЗЕ

Почти полвека работает Геронтий Кикодзе в грузинской литературе. Написано им немало, и все же трудно определить, в каком жанре с наибольшей полнотой проявляются творческие возможности умудренного жизненным опытом писателя.

Небольшая книжка, вышедшая в издательстве «Сабчота Мцерали», знакомит нас с последними работами Г. Кикодзе. В них, как всегда, проявляются тонкий вкус и яркое своеобразие писателя. Его критические статьи напоминают скорее очерки, чем классические формы критического произведения. Кикодзе-критик далек от всякой риторики, назидательности—каждое его суждение подтверждается тщательным анализом конкретных фактов литературы и искусства. В этом секрет большой убедительности работ Г. Кикодзе.

Широта интересов, целеустремленность, эрудиция — все это приходит на помощь писателю, говорит ли он о великом грузинском поэте XVIII в. Давиде Гурамишвили или о рано ушедшем из жизни нашем современнике, выдающемся скульпторе и живописце Тамаре Абакелия, о памятниках эпистолярной литературы или встающих перед нами сегодня больших проблемах творчества. Эти качества проявляются не только в критических статьях и монографиях. Переводы Г. Кикодзе донесли до грузинского читателя ясность, лаконичность, равно как и блеск стиля французской классической литературы, а перевод «Тристана и Изольды» может служить образцом грузинского литературного языка.

Деятельность Г. Кикодзе-переводчика не ограничивается рамками художественной прозы. Ему принадлежит перевод важнейшей философской работы В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

Геронтий Кикодзе. Воспоминания, речи, статьи. На грузинском языке. Редактор Г. Маргвелашвили. Изд-во «Сабчота Мцерали». Тбилиси, 1956 г.

Нужно сказать, что философская мысль Грузии имеет свою многовековую историю, свои традиции. Сложная терминология Платона, Сократа, неоплатоников и схоластов средневековья находила точное выражение в трудах грузинских философов, прекрасно обходившихся словарным фондом родного языка и прибегавших к заимствованиям лишь в исключительных случаях. Однако работа по созданию грузинских терминов, с наибольшей полнотой передающих новейшую философскую терминологию, использованную В. И. Лениным, была начата именно Г. Кикодзе. И хотя перевод «Материализма и эмпириокритицизма» неоднократно совершенствовался, принцип, положенный Г. Кикодзе в основу его работы, не устарел и выдержал все испытания.

В сборнике напечатаны первые главы воспоминаний Г. Кикодзе. Эти фрагменты названы им «От зари и до полудня». Заря жизни — безмятежное детство, полдень — начало раздумий, иногда сомнений, которые рождают в авторе не безысходность и печаль, а перспективы и дерзания. Перед читателем проходят события и люди 1905 года. Со страниц воспоминаний веет ароматом гор и долин Гурии, горячий ветер революции прорывается сквозь строй скупых фраз. Как в годы революции, так и в пору черной реакции Г. Кикодзе — революционер, разделяющий с большевиками участь узника царских застенков, потом — все трудности эмигрантской жизни.

С большой любовью и уважением рассказывает автор о встречах с видными деятелями революционного движения в Закавказье — Филиппом Махарадзе, Михаилом Давиташвили, Степаном Шаумяном. Финал этой своеобразной симфонии — встреча с Лениным. «Как-то вечером я и Паоло Яшвили зашли в гостиницу к знакомому грузину-эмигранту. Там нас встретил Михаил Давиташвили, работавший на одной из парижских фабрик простым рабочим. От него-то мы и узнали, что завтра по просьбе русских студентов В. И. Ленин прочтет реферат по национальному вопросу. «Пойдемте вместе, послушаем Ленина», — сказал Михаил. ...В докладе В. И. Ленина содержалась резкая критика идеи культурной автономии. В. И. Ленин говорил, что для большевиков не существует перворазрядных и второразрядных наций. Каждая угнетенная нация должна получить право

на самоопределение. Это право предполагает ее полную независимость, но будущая русская революция даст столько угнетенным нациям, что они не пожелают отделяться от России... В. И. Ленин затем говорил о роли гурийских крестьян в революционном движении 1905—1907 гг. Он сказал, что гурийцы в 1905 году обнаружили высшую сознательность и организационный талант. В своей республике¹ они уничтожили всякое насилие и преступления и воочию показали всем, что полиция русского царя вносит только дезорганизацию в общественную жизнь.

Книга Геронтия Кикодзе, свидетеля и очевидца многих памятных событий, с большим интересом читается сегодня — в канун всенародного празднования 40-летия Великого Октября.

Вл. МАЧАВАРИАНИ.

¹ Во время революции 1905—1907 гг. в Гурии были созданы органы крестьянского самоуправления. Они провели ряд революционных мероприятий, упразднили царскую администрацию, установили народовластие, навели революционный порядок во всей округе. В статье «За что бороться?» В. И. Ленин писал: «Советы солдатских депутатов в армии, крестьянские комитеты в Гурии и в других местах, наконец, мимолетные «республики» в нескольких городах России. — все это было НАЧАЛОМ завоевания политической власти пролетариатом, опирающимся на революционную мелкую буржуазию, в особенности на крестьянство». (В. И. Ленин. Соч. т. 16, стр. 149). (Примечание автора).

ГЕРОИ БЕССМЕРТНЫ

«Тридцать шесть военнопленных, бежавших из лагеря, напали на след Ковпака еще в Сумской области под Конотопом, но не успели его догнать и по следу пошли за ним в Брянские леса.

Это был преимущественно командный состав, который в дальнейшей деятельности соединения Ковпака сыграл большую роль... Они встретились с разведчиками Ковпака под Конотопом. Группу разведчиков возглавлял Берсенеv. Они столкнулись ночью лицом к лицу на дороге и приняли друг друга за противников. Дело кончилось несколькими вы-

Давид Бакрадзе. «Кровью героев». Перевод с грузинского первой книги — Н. Аккермана и П. Вершигоры; второй книги — Н. Аккермана. Редактор Эм. Фейгин. Издательство «Заря Востока». Тбилиси, 1956 г.

стрелами, никто не был ранен. Скоро, найдя общий язык, они, предводительствуемые Берсенеvым, пришли в Брянские леса.

Выделялся среди них высокий, широкоплечий грузин Давид Бакрадзе. Он был инженером, но в армии служил сержантом артиллерии... Бакрадзе первое время был командиром орудия. Он ходил большими медленными шагами, и комиссар Руднев с восхищением смотрел на его широкие плечи, высокую грудную клетку и хлопал его по плечу:

— Ну, как, Давид, познакомился с немцами?

— Да, — отвечал Бакрадзе, — знакомство наше на всю жизнь отмечено, — и раскрывал рот, показывая челюсть, из которой с одной стороны были выбиты все зубы. — Стулом меня немец ударил по зубам.

— За что же? — спросил Руднев.

— Сам не знаю, плохо понимаю я по-ихнему, но, кажется, за то, что я земляк Сталина».

Эти строки, рассказывающие о появлении в знаменитом отряде Ковпака Д. Бакрадзе, умного и храброго командира, взяты из книги П. Вершигоры «Люди с чистой совестью».

Д. Бакрадзе — участник героических партизанских рейдов дивизии Ковпака — давно вернулся к мирному труду. Но чистая совесть подсказала герою, что необходимо рассказать будущим поколениям о товарищах по оружию, о душевном богатстве и красоте обыкновенных советских людей, о силе благородной любви и верности своему народу, партии, Родине.

Жанр произведения Д. Бакрадзе можно определить словами П. Вершигоры, так охарактеризовавшего свою книгу «Люди с чистой совестью»: «Это не роман и не повесть, а просто записки-воспоминания».

Со строгой последовательностью, напоминающей дневниковые записи, воскрешается история партизанского отряда — с его первых боевых действий в районе Путивля в сентябре 1941 года до значительных и слаженных выступлений огромной партизанской дивизии. Тысячи километров прошли легендарные партизаны по поруганной и сожженной, но не покоренной врагом советской земле.

Просто, правдиво, искренне повествует Бакрадзе о прославленных партизанских рейдах отряда из Брянских лесов до берегов Днепра, по Украине и Белоруссии, в суровых Карпатских горах. Он не затушевывает трудностей и испытаний фронтовой жизни, когда почти каждый бой приносил тяжелые утраты, когда партизаны, еле державшиеся на ногах от усталости, не зная отдыха, снова выходили на выполнение боевых заданий, когда темнело в глазах от голода и в течение долгих дней карпатская черника заменяла завтрак, обед и ужин.

Тепло и задушевно рассказывает Бакрадзе о юной партизанке, комсомолке Нине Созиной, возглавившей в одном из боев партизанскую группу, о замечательном

политруке Рагуле, о четырнадцатилетнем партизанском связном Васе Мирошкине, который «мог пройти сквозь огонь и воду, лишь бы вовремя передать приказ и донесение», о разведчике Ясоне Жоржолани, умевшем выходить невредимым из самых затруднительных положений, о десятках других, так же преданных партии и Родине народных мстителей.

Плечом к плечу в рядах украинских партизан сражались русские и грузины, армяне и узбеки, туркмены и белорусы. «Сломают свою поганую хребтину чёртов Гитлер об нашу дружбу», — говорили партизаны.

Большое место в книге уделено образам партизанских руководителей — Ковпака, Руднева, Вершигоры, Базимы.

Книга Д. Бакрадзе не лишена отдельных недостатков. Язык произведения местами беден. Не всегда запоминаются, написанные одинаковыми красками, боевые эпизоды, и потому порой создается впечатление однообразия и растянутости.

Но в целом книга «Кровью героев», хорошо проиллюстрированная художником И. Гурро, — интересное и правдивое повествование о боевом пути партизанского отряда, о его будничных и легендарных делах.

Л. БРАИЛОВСКАЯ.

ИСТОРИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ОЧЕРК ГРУЗИИ

Краткий историко-экономический очерк Грузии написан коллективом сотрудников Института экономики Академии наук Грузинской ССР.

Книга открывается описанием исторического прошлого нашей республики. Многочисленные и разнообразные памятники свидетельствуют о древней и богатейшей материальной и духовной культуре грузинского народа, прошедшего большой и сложный путь исторического развития. Грузинский народ в тяжелых испытаниях пронес сквозь века свою неугасимую волю к свободе, свою самобытность и высокую национальную культуру.

Читатель узнает о плеяде крупных писателей, философов и историков, сыгравших значительную роль в развитии грузинской, а также мировой науки и культуры.

Однако многочисленные нашествия и войны, бесконечные феодальные междуусо-

«Грузинская ССР». Краткий историко-экономический очерк под редакцией проф. П. В. Гугушвили. Госполитиздат. Москва, 1956 г.

бицы ослабили и обескровили страну. Только связав свою судьбу с русским народом, грузинский народ спас себя от угрозы физического истребления. Как подчеркнуто в книге, «для грузинского народа важнейшее значение имело то обстоятельство, что он присоединился к стране, которая впоследствии всем ходом исторического развития превратилась в центр мирового революционного движения, колыбель первой в мире социалистической революции, в страну социализма».

Читатель знакомится с основными этапами социалистического строительства республики и перспективами ее дальнейшего развития.

В единой семье братских народов СССР Советская Грузия за 36 лет своего существования из колониальной отсталой окраины царской России превратилась в индустриально-колхозную республику с развитой промышленностью и механизированным сельским хозяйством. Очерк рассказывает также о достижениях грузинского народа в области науки, литературы, музыки, театра, кино, изобразительного искусства.

Проследить в кратком научно-популярном очерке сложное историко-экономическое развитие Грузинской ССР — дело весьма трудное. Естественно, что первый опыт такой работы имеет и свои недостатки. Так, например, несмотря на разнообразие фактического материала, иллюстрирующего развитие отдельных отраслей промышленности и сельского хозяйства, очерк не дает полного представления о комплексном развитии народного хозяйства республики в целом.

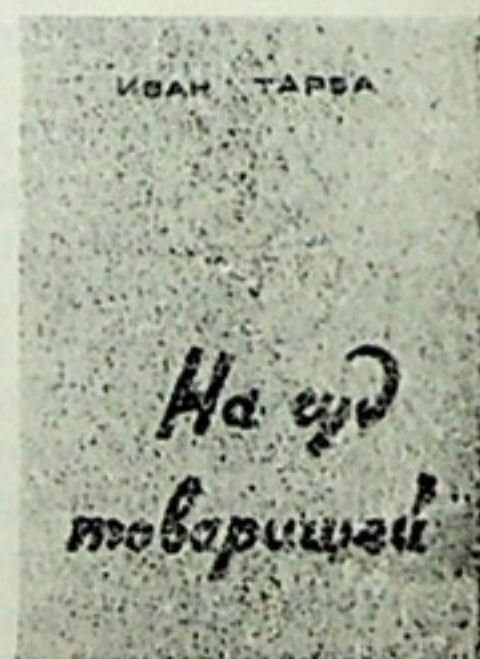
В общем же издание историко-экономического очерка «Грузинская ССР» — полезное и нужное дело. Следовало бы издать этот очерк и в переводе на грузинский язык.

М. АНДРЕЕВ,
Т. ХОШТАРИЯ.

НА СУД ТОВАРИЩЕЙ

С творчеством Ивана Тарбы русский читатель достаточно полно познакомился в 1953 году, когда московское издательство «Советский Писатель» выпустило книжку переводов его стихов «С первых дней». Поэт запомнился, полюбились простые, идущие от сердца строчки, стал близким его лирический герой — наш современник, ровесник

Иван Тарба. «На суд товарищей». Перевод с абхазского. Редактор А. Зурбов. Издательство «Заря Востока», Тбилиси. 1957 г.

Советской Абхазии. Характерна его биография.

...1921 год.

Победители в полночь
На берег взошли каменистый,
Где с винтовкой заморской
Убитый лежал меньшевик.
Опоясаны лентами,
Шли по селу коммунисты,
И светились патроны
От вспышек зарниц грозových.
Из Абхазии дымные тучи
Уже уходили.
В бедной хижине — пацхе —
В тот час родился человек,
Словно близкие выстрелы
К жизни его пробудили,
Обещая ему
Беспокойный и радостный век.

(«С первых дней»,
перевод М. Максимова).

А дальше — как у тысяч и тысяч —
школа, интернат, комсомол, широкие доро-
ги «беспокойного века», радость побед и го-
вечь неудач, дружба, любовь, воспитание
характера.

В степных долинах и меж скал отвесных
Кормила хлебом нас одна земля,
И широко,
порою в классах тесных,
Учили мыслить нас учителя.

И, приближая лет грядущих дальность,
Учили нас с мальчишеских годов
Любую уважать национальность
В единстве дел, и помыслов, и слов.

(«На суд товарищей»,
перевод Я. Козловского).

Поэма «На суд товарищей» в какой-то
мере определила лицо сборника. Она наме-
тила в творчестве Тарбы новое направле-
ние — наряду с утверждением и воспева-
нием всего передового, рожденного социа-
листическим строем, поэт обращается к ору-
жью сатиры в борьбе с людьми, цепляющи-
мися за старое.

Композиционно поэма распадается на две
части. В первой — автобиографической —
рассказывается о детстве, юности, станов-
лении характера героя, о его друзьях и учи-
телях. Во второй — вереница уродов, от-
щепенцев, рвачей, пьяниц и, наконец,
зазнавшихся карьеристов и бюрократов,
которым хотелось бы «сильнейшую из всех
идеологий в подсобное хозяйство превра-
тить».

В поэме есть хорошие, сильные строки,
и все же, на наш взгляд, композиционный
эксперимент не оправдал себя. Вместо глу-
бокого решения жизненных проблем чита-
тель находит в конце поэмы, по сути дела,
мелочную полемику поэта с редактором.
Удивляет небрежность переводчика, кото-
рый часто навязывает стиху ложную пате-
тику, не свойственную Ив. Тарбе.

У Тарбы-лирика немало хороших стихов
(«Снова мы с балкона днем погожим...»,

«Ты в первый раз увидела его...» в перево-
де А. Кронгауза, «Ты стихов не пишешь...»
в переводе Б. Дубровина и другие). Поэт
широко распахивает свое сердце — он в
шахтах Ткварчели, в море с рыбаками, в
степи с колхозниками Алазанской долины,
со строителями Цимлянского водохранили-
ща. Постоянные поездки, бесчисленные
встречи приводят его к более глубокому
осознанию гигантского размаха наших ра-
бот, силы и могущества нашей Родины.
Тема советского патриотизма органически
входит в его творчество.

В Сухуми я,
или в Тбилиси
Или в дороге я —
Мне всюду видно в синей выси
Созвездие Кремля.

(«Московское небо»,
перевод А. Кронгауза).

Хочется пожелать Ив. Тарбе новых боль-
ших творческих успехов, верности всему хо-
рошему, что было положено им в основу
поэтической работы, верности принципам,
провозглашенным в лучших его стихах

В. ГОЦИРИДЗЕ.

ТАК ПЕЛОСЬ МНЕ...

Облаков шатер чудесен,
Дышит небо тишиной.
Слышу говор, звуки песен —
Кончен в поле труд дневной.

Аист вдаль плывет без шума...
Дождь закапал в тишине...
Я об этом и не думал —
Это просто пелось мне.

(Перевод П. Железнова).

Такими строками
заклучил поэт Миха-
ил Квливидзе свою но-
вую книгу. Он под-
черкнул их особый
смысл, назвав и весь
сборник «Так пелось
мне...» Стихи эти, дей-
ствительно, во мно-
гом характерны для
поэта, который умеет
видеть мир во всей
его яркости, неисчер-
паемой щедрости кра-
сок. Много, очень много может стать
предметом поэзии, если, конечно, рассмот-
реть не замеченную прежде глубинную
сторону явлений.

Этот взгляд на мир закономерно отра-
зился и в самом построении нового сборни-

Михаил Квливидзе. «Так пелось
мне...». Редактор М. Лохвицкий. Изда-
тельство «Заря Востока», Тбилиси, 1957 г.

ка. Здесь нет ставшего уже традиционным деления на циклы, разделы: стихи о детстве естественно сменяются стихами о Рустави — городе металлургов, а акварельно ясная зарисовка летнего дня — грустной песней о разлуке с любимой. В этом, и только в этом, думается, следует искать секрет цельности книги М. Квливидзе, лучшие стихи которой сразу запоминаются своей точностью рисунка.

Луч солнца зажегся
На куполе Светицховели.
Арагва несется,
Ворочая серые камни,
Бурля и вскипая.
А Джвари — сама неподвижность.
Застыл, точно сокол,
Когтями вцепившись в добычу.
Меня удивляет
Его неподвижность. Я жду,
Когда он расправит
Могучие гордые крылья
И горы подхватит,
И пронесется над Мцхетой...

(Перевод Е. Елисеева).

И не случайно к стихотворению «Мцхета», из которого мы привели первые строфы, дается подзаголовок «Два рисунка». М. Квливидзе пишет о том, что видит. Образы его емки, они словно сплетаются в цепь раздумий о жизненном призвании нашего современника. Ведь сказать, что «если бросить в небо камень, то услышишь звон стекла», значит сказать хорошо, но недостаточно. Образ этот в стихотворении «Весна» — не самоцель, а средство. Живописью словом стремится поэт передать свое видение обновленной природы, нового расцвета. А потому не кажется неожиданной и концовка стихотворения, где очень точные ассоциации заставляют вспомнить весну сорок пятого года, весну Победы. Мы радуемся, как открытию, каждому удачному стихотворению, точному образу, верно схваченной картине природы. Их немало в книге. Запоминается и великолепно переведенное Н. Заболоцким стихотворение «Подняться на такую высоту...», и описание вечера, полного ясности, «как стакан с гранеными краями», и пейзаж Кахетии, и картина Алазани в стихотворении «На камнях Сигнаха».

Но образ, повторяем, — не цель. Его ценность измеряется, прежде всего, глубиной постижения жизни. Отступления от этого закона и дают как раз те, не очень яркие строчки, которые при описании холодного ручейка, например, завершаются отнюдь не блестящей новизной концовкой: «Холодок напомнил мне о ней...»

Ясно, что подобные стихи мельчат само представление о лирической поэзии. Но, к счастью, не они определяют звучание новой книги Квливидзе, и заговорили мы о значении глубокой поэтической мысли лишь потому, что иногда даже о хорошем поэте-лирике можно услышать суждение, что он,

мол, поэт хоть и своего, но все же небольшого голоса. Причем говорится это с явной долей снисхождения. О лучших стихах Квливидзе так не скажешь, несмотря на то, что тщетно было бы искать в них героический пафос и ораторские интонации. Стих Квливидзе — задушевный и мягкий. Но эти качества поэтического голоса отнюдь не суживают горизонты интересов поэта и не нарушают того ощущения современности, без которого даже удачно срифмованные строчки так и остаются упражнением в версификации. Задушевность и мягкость — свойства поэтической индивидуальности, они проявляются, понятно, и в гражданской лирике. Прочитайте стихотворение «Личное дело», которое, несомненно, принципиально важно для поэта.

Мне в жизни уже недалёко до полдня,
И если не хватит вам сведений тех,
Пусть строки стихов мое «дело»
дополнят,

В них есть и раздумье,
и слезы,
и смех...

(Перевод Е. Елисеева).

Поэт рассказывает нам о дружбе народов нашей страны, об их стремлении к миру, о красоте нового Тбилиси и о вечной молодости Москвы. Рассказывает по-своему, но стараясь пристально всматриваться в жизнь. В стихах, определяющих звучание его новой книги, мы находим «и раздумье, и слезы, и смех...».

М. ЗАВЕРИН.

НОВЫЕ ВСТРЕЧИ, НОВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Когда встречаешься со своим добрым знакомым, которого не видел вот уж несколько лет, всегда подмечаешь какую-то новую черту в его облике, в его характере. А порой бывает и так, что словно узнаешь его заново: внешне он будто и не изменился, но в действительности стал совершенно иным.

То же самое часто происходит, когда через много лет вновь возвращаешься к по-

А. Белашвили. «Рассказы». Редактор А. Чеснокова. Издательство «Советский писатель», Москва, 1956 г.

любившемуся произведению. Как будто ничего не менялось в нем: тот же заголовок, те же строчки, и стиль автора знаком, но все же что-то новое, не увиденное прежде, открывается в книге.

Такая, может быть, не совсем точная аналогия возникла у автора этих строк при чтении сборника рассказов Акакия Белиашвили, изданного недавно в Москве.

Многие из вошедших в книгу рассказов, написанных автором еще в тридцатые и сороковые годы, читаются ныне по-новому. И то, что они будят новые чувства и настроения, несомненно свидетельствует об идейно-художественной значимости этих произведений, об их актуальности и в наши дни.

Прежде всего хочется отметить удачный выбор произведений для настоящего сборника. Тематическое и жанровое разнообразие, которым характеризуется книга, отражает не только многосторонность творчества самого Акакия Белиашвили, но помогает читателю, даже мало знакомому с литературной жизнью нашей республики, в определенной мере познакомиться с особенностями развития жанра рассказа в грузинской литературе. Рассказы «Кровники», «Циала», «Соперники», исторические новеллы «Сказ о Руставели», «Находка юноши», «Мечты и действительность», «Последнее желание», юмористические рассказы «Соседи» и «Превратность судьбы», грустный этюд «Гривастый», острая, беспощадная сатира «Выборы в старину» и «История одного «деятеля» — все эти произведения в различном преломлении отражают взгляд писателя на нашу действительность, на историческое прошлое.

Думается, следует упрекнуть автора и составителей сборника в том, что книга эта, вышедшая в канун 40-летия Великого Октября, слабо отражает борьбу грузинского народа за свое освобождение от капиталистического и помещичьего гнета. В сборник вошел лишь один рассказ «Спартаковец», представляющий собой бегло очерченный эпизод из жизни профессионального революционера. А между тем известно, что А. Белиашвили является автором ряда произведений, запечатлевших славные страницы революционной борьбы грузинского народа.

Необходимо остановиться и на переводах рассказов, так как эти переводы представляют пример удачного творческого сотрудничества переводчиков и автора.

В переводах почти полностью сохранены особенности стиля писателя. Удачно, на наш взгляд, переведены юмористические рассказы А. Белиашвили. Вот небольшой отрывок из рассказа «Соседи»:

«Баграт наклонился к Исмаилу и тихо прошептал:

— Если двадцать пять рублей предложат, не отдашь?

Исмаил косо глянул на него.

— Сорок рублей дам, если хочешь, — обратился Куджа к Исмаилу и опять сел у камин.

Исмаил чуть не подскочил от радости, но виду не подал и опять заговорил. Он совершенно разорил себя клятвами, умертвил семью, обесчестил своих родственников и, наконец, договорился со своим хозяином за семьдесят пять рублей».

В последнем абзаце отрывка три грузинских идиоматических оборота: «разорил себя клятвами», «умертвил семью» и «обесчестил своих родственников». В данном случае переводчики (А. Тихонов и автор) поступили совершенно правильно, бережно сохранив в переводе все особенности грузинской идиоматики. Они как бы открыли русскому читателю особенности грузинской разговорной речи. И рассказ, конечно, только проиграл бы в колорите, стань переводчики на путь замены грузинской идиоматики даже близкими русскими идиомами.

А вот другой, противоположный пример, взятый нами из рассказа «Радость отца», переведенного А. Тихоновым и автором:

«— Куда бежишь, подлец? — сердито кричал Китеса. — Домой не думаешь возвращаться? Не будь я Китеса, если я не выколочу тебя на манер лезгинской бурки!.. Скажите на милость! — обращался Китеса к соседям. — Разве для того рожден человек, чтобы только есть? Заставил я его буйволов попасти, а он, подлец, выпустил их в поле!»

Как режут ухо в данном контексте эти «на манер» или «скажите на милость». В устах крестьянина Китесы они звучат особенно искусственно и, по сути дела, разрушают языковую ткань рассказа. Но, к счастью, повторяем, переводы в целом весьма удачны и колоритны. Особо следует отметить переводы рассказов «Гривастый», «Превратность судьбы», «Выборы в старину» (перевод А. Тихонова и автора) и «Циала» (перевод Эм. Фейгина и автора).

Слабее переводы рассказов «Последнее желание» (перевод автора) и «Находка юнши» (перевод А. Тихонова и автора).

Особое место в сборнике занимает большой художественный очерк «Путешествие по Сванетии», рассказывающий о новой Сванетии, о ее замечательных, мужественных людях. Писателю удалось нарисовать также обаятельные образы прославленных грузинских альпинистов Алеши и Александры Джапаридзе.

Сборник рассказов А. Белиашвили интересная, хорошая книга. Отрадным является и тот факт, что московские издательства художественной литературы за последнее время все чаще и охотнее издают произведения грузинских советских писателей. Этот факт свидетельствует о возросшем интересе русского читателя, а также читателей других братских республик к нашей литературе, об укреплении русско-грузинских литературных связей.

Д. СТУРУА.

ДОРОГАМИ ЖИЗНИ

Издательство «Заря Востока», выпустившее сборник Эм. Фейгина, указало даты написания как обеих вошедших в нее повестей, так и рассказов (за двумя исключениями). Повести — это «Мзеона» (1955 г.) и «В добрый путь» (1953 — 1955 гг.), а рассказы — их одиннадцать — написаны в период между 1941 и 1948 годами. Это необходимо отметить потому, что сами произведения, включенные в сборник, расположены в порядке, обратном хронологическому.

Сначала о рассказах, с которых начал свой путь Фейгин-писатель. Главный герой их один — солдат Великой Отечественной войны. И хотя рассказы эти неравны по своим художественным качествам, в них явственно ощущается верная идейно-творческая позиция автора. Война изображена в них как подвиг народа, как величайшее испытание, с честью выдержанное Советской страной.

По-видимому, рассказы, включенные в книгу, в своем большинстве представляют собой дальнейшую разработку записей, заметок, сделанных в годы войны автором, корреспондентом военной газеты, по свежим следам событий. Отсюда особенность стиля этих рассказов, иные из которых хочется назвать художественным очерком. Именно таков один из лучших рассказов Фейгина — «Маяк на скале».

Два советских лейтенанта, Жуков и Никитин, высадились с подлодки, чтобы ввести в строй маяк. Они выполнили задание, но погибли. Просто и строго повествует об этом писатель, и как нельзя более уместны здесь и эта сдержанность, и страстный публицистический призыв финала.

Большую жизненную правду чувствуешь в рассказе «Третий заход», подтекст кото-

Эммануил Фейгин. «Мзеона». Редактор С. Бабаевский. Издательство «Заря Востока», Тбилиси, 1955 г.

рого — полемика автора с парадным изображением войны и ее героев.

В короткой рецензии нет возможности остановиться на всех рассказах, а тем более проанализировать их. Одно замечание все-таки хочется сделать — иногда автор прибегает к так называемому газетному стилю, который, увы, не украшает повествования. Особенно заметно это в рассказе «Тропа Бражникова».

Героем рассказов Фейгина была война. Героем, вернее, героиней его повестей стала юность — прекрасная и неповторимая. В «Мзеоне» автор раскрывает тему первой любви, раскрывает ее по-своему и интересно. В «Мзеоне» голос писателя уже окреп и приобрел индивидуальность. Выдержанная в едином ключе, повесть эта радует верными психологическими деталями, мягкостью колорита.

Но наибольшей удачей нам кажется повесть «В добрый путь». Если характеры обоих юношей, полюбивших Мзеону, — Васо и Реваза — только намечены одним-двумя штрихами, то в «Добром пути» автор не только более полно и ярко выписал характеры своих героев — Алеши и Павлика, которые предстали перед читателем в своей неповторимой мальчишеской индивидуальности, — он показал их развитие и становление, сделав, таким образом, читателя свидетелем этого интереснейшего процесса.

Алеша и Павлик — действительно славные парнишки. Понятна и несомненна авторская к ним симпатия. Но нет в повести того любования героями, которое у иных авторов граничит с сентиментальностью и портит порой неплохие в целом книги.

У обоих мальчишек не очень легкая жизнь, и, вместе с тем, их юность можно назвать счастливой, ибо есть у них главное. И это главное, рожденное нашей жизнью, — вера в то, что они нужны своей стране, своему народу.

Куда большей, по сравнению с военными рассказами, стала «мера сил», проявленная автором в «Добром пути». Помимо всего, в повести экономнее и точнее язык, значительно более индивидуализирована речь персонажей.

Очень хорошо, когда о писателе можно сказать, что мера его сил постоянно растет. Это значит, что читатель с интересом будет ждать его новых книг.

С. ГВЕЛЕСИАНИ.

К ИСТОРИИ ОДНОГО ЗНАКОМСТВА

Есть вещи, которые имеют свою особую историю. Они служат приметам времени, памятниками событий и встреч, а чаще всего — крепкой дружбы людей.

О знакомстве Владимира Маяковского с Василием Васильевичем Канделаки остались свидетельства: строка в автобиографии поэта, более поздние страницы воспоминаний самого Василия Васильевича и еще одна, с виду незаметная вещь, бережно хранимая семьей Канделаки. Это — деревянная рамка с рисунком, выжженным и раскрашенным Маяковским. О чем она рассказывает?

Летом 1906 года Маяковские переехали из Кутаиси в Москву. Сняли квартиру в доме 11/18 по Большому Козихинскому, ныне Спиридоньевскому переулку, а месяцев через десять перешли на другую квартиру. Жили по обыкновению в двух комнатах, третью сдавали. Однажды у них поселился студент Московского университета Канделаки, «свой, кутаисский».

В автобиографии Маяковского есть такое место: «С едами плохо. Пенсия 10 рублей в месяц. Я и две сестры учимся. Маме пришлось давать комнаты и обеды. Комнаты дрянные. Студенты жили бедные. Социалисты. Помню — первый передо мной «большевик» Вася Канделаки».

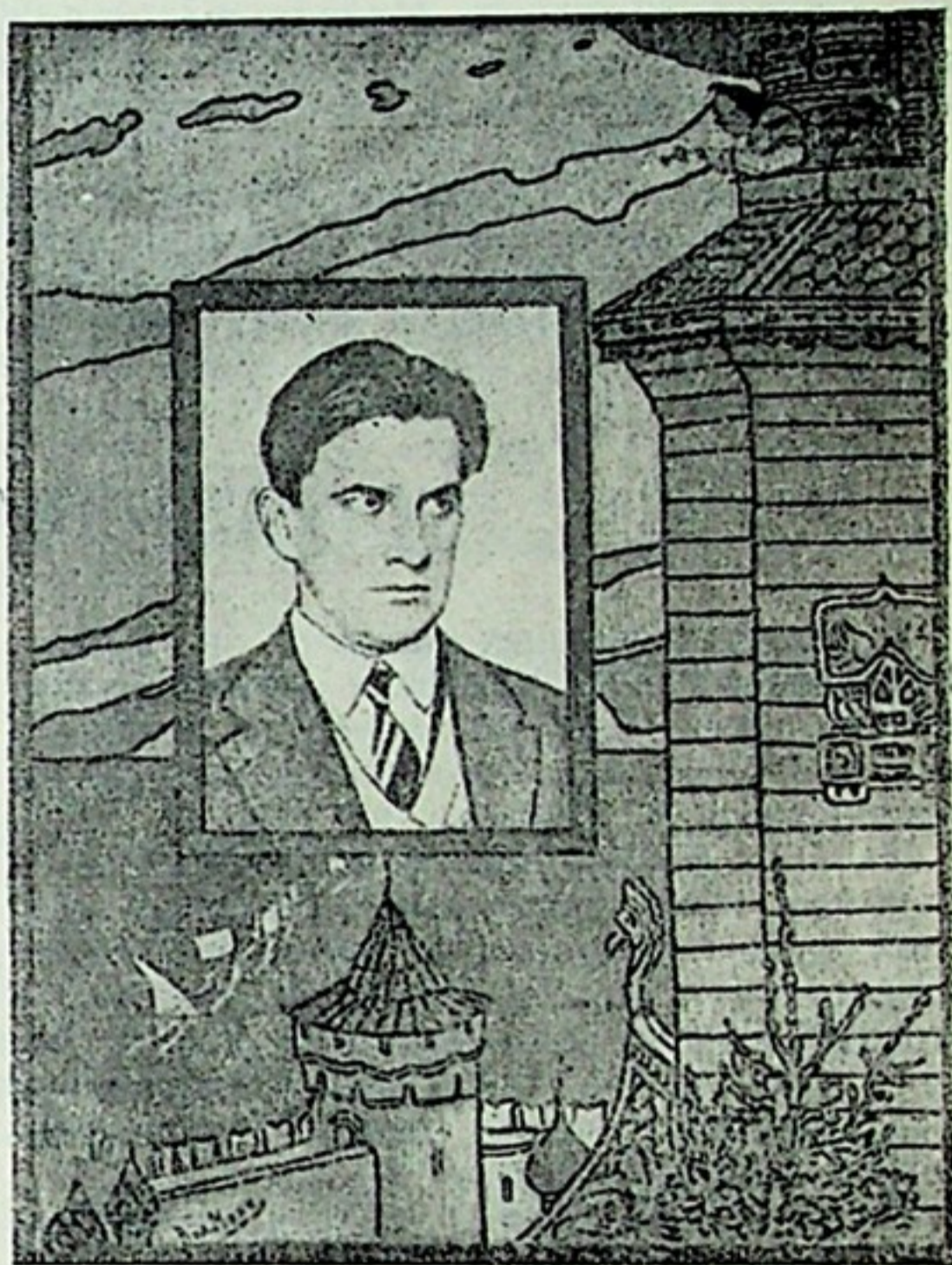
По поводу этих строк В. В. Канделаки писал потом: «В действительности он увидел вскоре много большевиков в своей комнатке. Это были студенты Московского университета...»

Как только кончались уроки в гимназии, Владимир Маяковский спешил домой. Его влекло в комнатку, в которой поселился новый жилец — Василий Канделаки. У Василия собирались товарищи, горячо спорили, читали нелегальные книжки. Иногда, как бы спохватившись, оглядывались на сидящего неподвижно долговязого подростка.

— Это сын хозяйки, Володя Маяковский, свой, — успокаивал товарищей Канделаки.

В пылу споров и обсуждений студентам было не до «мальчика», каким еще считали Володю. А он, не по летам возмужавший, вначале робко брал почитать «что-нибудь революционное», а затем перестал спрашивать, просто брал, глотал.

Часто, собираясь у Канделаки, студенты заставляли Маяковского за выпиливанием, разрисовкой или выжиганием по дереву.

Занимался он этим не ради развлечения: готовые деревянные вещицы — коробочки, рамки, шкатулки и пасхальные яйца — Володя относил в магазин кустарных изделий на Неглинной. Л. В. Маяковская вспоминает, как протекала работа: «В холоде, за полутемной лампой, в дыму и копоти сидели мы за столом и работали... Часто сидели до утра... Несмотря на то, что Володя эту работу не любил, он выполнял ее хорошо. Эти работы нас выручали». Сам Маяковский писал по этому поводу в автобиографии: «Денег в семье нет. Пришлось выжигать и рисовать». Выжигать он научился еще в Кутаиси. В 1905 году, в одном из писем к сестре он сообщал: «Я купил спиртовую лампочку и учусь выжигать».

Когда в Москве Маяковские перебирались на новую квартиру и с Василием Канделаки пришлось расстаться, Володе Маяковскому захотелось подарить ему что-нибудь на память. И вот он сел делать рамку. Сначала выпилил в доске «окошко»

для карточки, потом стал выжигать рисунок. Вскоре появились очертания башни сказочного замка. Впереди морские волны, по ним плывет вереница парусных кораблей. Совсем как в сказке Пушкина о царе Салтане: «Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет».

Покончив с рисунком, Маяковский взялся за кисть. На доску легли белые облака, появились и другие краски, и рамка ожила.

Рисунок этот, сделанный в 1907 году, интересен как одна из самых ранних работ Маяковского-художника.

Характерна выжженная на рамке, подаренной Маяковским Василию Канделаки, подпись: Вол. Маяк. Еще будучи учеником Кутаисской гимназии, Маяковский любил, когда его звали просто Володя Маяк. Став взрослым, бывало, на вопрос: «Кто там?», откликался «Маяк».

Вспоминая о подарке Маяковского, В. В. Канделаки писал: «Володя тщательно сделал «на память» большую рамку, с выжиганием...» И когда, спустя год, Кан-

делаки узнал, что Маяковский арестован полицией, он поразился. Ему все еще казалось: Володя — мальчик. Но потом он узнал, что его юный друг связан с подпольной большевистской организацией, распространял нелегальную литературу, втянулся в революционную работу.

В 1924 году, когда Маяковский и Канделаки встретились уже в последний раз, в Тбилиси, Владимир Владимирович вспомнил рамку «Вол. Маяк», первое знакомство. Рассказывая об этом в своих воспоминаниях, Канделаки замечает: «Мне показалось, что в теплоте его тона было нечто, относившееся не лично ко мне, а к тому периоду его жизни, которым он, видимо, дорожил и как-то по-своему, скрытно, гордился».

С течением времени в рамочке, подаренной Маяковским, менялись открытки, и, наконец, в ней заняла место фотография самого поэта. И по сей день она в рамке, сделанной его руками.

Г. ВЕБУТОВ.

СТРАНИЧКА ПРОШЛОГО

В государственных архивах и музеях Грузинской ССР хранится немало документов, раскрывающих перед исследователем широкую картину культурных связей грузинского и русского народов.

Наряду с Пушкиным, Лермонтовым и другими представителями передовой русской мысли, жизнь и творчество которых зачастую оказывались тесно связанными с жизнью Грузии, нам особенно дорога память Александра Сергеевича Грибоедова, выдающегося русского драматурга, искреннего друга грузинского народа.

Среди обнаруженных недавно документов, воссоздающих картину культурной жизни грузинского общества грибоедовских времен, немалый интерес представляют воспоминания генерала от артиллерии Алексея Петровича Опочинина, одного из многочисленных почитателей и друзей А. С. Грибоедова.

Алексей Петрович Опочинин большую часть своей жизни провел в Грузии. Это был культурный, высокообразованный человек, близкий друг известного грузинского писателя Григола Орбелиани.

Обладая удивительной памятью, А. П. Опочинин часто запоминал наизусть целые художественные произведения и декламировал их друзьям.

Сам он тоже писал стихи. Переписанный им сборник его произведений до недавнего времени оставался неизвестным, затерянным в архиве Евгения Вайденбаума. («Стихи, писанные мною в продолжении всей моей жизни, начиная с 1828 года, и теперь переписанные в одну тетрадку. 1883 г. А. Опочинин»).

На последнем листе сборника любопытная приписка: «Конец. Вероятно больше

не буду стихи писать. Апреля 6-го, 1883 года».

В одном стихотворении, написанном А. П. Опочининым в августе 1874 года в Коджори и посвященном Дмитрию Орбелиани, он среди других известных грузинских деятелей упоминает Григола Орбелиани: «Незабываемый общий друг и замечательный грузинский поэт».

Сам Гр. Орбелиани в своих письмах часто с любовью отзывался как об А. П. Опочинине, так и о его супруге Варваре (Барбалэ) Яковлевне Орбелиани.

Именно в этом сборнике стихов сохранились написанные на отдельном листе, ранее неизвестные, воспоминания Алексея Петровича Опочинина об Александре Сергеевиче Грибоедове.

Автор сообщает:

«Чтобы было понятно, почему я придаю цену пропавшей у меня тетрадке с рукописью всей комедии «Горе от ума», я должен сообщить следующее:

Осенью, в 1826-м году, я приехал на службу в Грузию прямо из кадетского корпуса. А. С. Грибоедов был тогда в Тифлисе. Молва о «Горе от ума» и о том, что эта комедия автором окончена, превратилась уже, в это время, в несомненную известность. Вскоре стали появляться в обществе, у знакомых с автором лиц, списки всей комедии. В батарею, куда я поступил, служил тогда штабс-капитан Рюмин, приятельски знакомый с Грибоедовым. В одно из моих посещений Рюмина, я увидел на столе у него тетрадки из грубой синей бумаги, с заголовком на оборотном листе: «Горе от ума», комедия А. С. Грибоедова». Я попросил позволения взять тетрадку к себе для прочте-

ния. Трудно описать то чувство напряженного и все усиливавшегося внимания, возбужденного во мне чтением комедии. Меня бесила неразборчивость почерка, испещренного поправками. Я прочитал всю тетрадку два раза сряду и уже многое знал наизусть, благодаря необыкновенно хорошей памяти, какая была у меня в юности, да и после еще долго. Отдавши тетрадку Рюмину, я беспрестанно опять брал ее у него; читал, да читал и не надоедало мне; везде, где было можно, я декламировал монологи из «Горе от ума», восторгаясь ими. Рюмин, коротко познакомившийся уже со мною, как с близким сослуживцем, и видя во мне такого ярого почитателя этой комедии, подарил мне, во время походов наших по Персии, тетрадку, объяснив, что списывал ее он сам, а поправки сделаны рукою Грибоедова. В конце 1840-го года, вследствие служебного назначения, я должен был совсем перебраться из Закавказья на линию. Как у человека женатого, у меня оказалось много вещей; так что почти в начале тогдашней прямой дороги из Джелал-оглы в Тифлис пришлось по обстоятельствам часть багажа оставить на казачьем посту в Самисе. В числе оставленных вещей был сундук с книгами, а в нем и роковая тетрадка. Пока я во Владикавказе устраивался, самисский казачий

пост был упразднен и все оставленные мною вещи, вместе с постом, исчезли бесследно. Пробовал я разыскивать, но оказалось это невозможным. А тут пошла на много лет самая горячая возня с горами и беда понемногу забылась. Потом, уже не далеко от настоящего времени, пришлось схватиться за голову, сознавая, какую цену имела бы эта тетрадка теперь. Но утешением осталось то, что всю комедию, по этой самой тетрадке, я выучил с самого начала наизусть. Теперь, когда полвека после того прошло, я, конечно, не могу безостановочно произносить монологи на память; но если в руках у меня книга, то, читая ее, увижу всякий раз, если что-нибудь не так, как врезалось в моей памяти. Но надо иметь в виду, что после того, как эта синяя тетрадка была написана, до смерти А. С. Грибоедова прошло тогда три года, то странно бы было утверждать, что автору ни разу не вздумалось делать в своем сочинении новые поправки или изменения. А потому и предоставляю весь этот рассказ мой суду знатоков и любителей, не считая себя вправе полагать, что весь текст комедии, сохранившийся у меня в памяти, был оставлен автором окончательно без изменения».

Ш. ГОЗАЛИШВИЛИ.

ПЕРВАЯ ПЕЧАТНАЯ ГРУЗИНСКАЯ КНИГА

В Государственной республиканской библиотеке имени К. Маркса собраны редчайшие книги многовековой давности.

Особенно интересны ранние издания грузинских книг.

В хранилищах библиотеки находится уникальный экземпляр первой грузинской книги, напечатанной более трехсот лет назад — за 80 лет до возникновения книгопечатания в Грузии. Это — грузино-итальянский словарь, составленный итальянцем Стефано Паолини и грузином Никифором Ирбахи (Николозом Чолокашвили) и изданный в Риме в 1629 году.

Николоз Чолокашвили, высокообразованный для своего времени человек, был послан царем Теймуразом I в Западную Ев-

ропу с особыми полномочиями политического характера. В Италии он принял монашеский сан, стал именоваться Никифором Ирбахи и совместно со Стефаном Паолини создал грузино-итальянский словарь.

В словарь вошло более трех тысяч грузинских слов. Начинается он с грузинского алфавита, затем следует собственно словарь.

Последние 48 нумерованных страниц отведены своеобразно построенному указателю, благодаря которому словарь можно использовать и как итальяно-грузинский.

Г. ДЕМИРХАНОВА,

старший библиотекарь Государственной республиканской библиотеки имени К. Маркса.

ПЕРЕД ДЕКАДОЙ

В связи с предстоящей декадой грузинской литературы и искусства в Москве наш сотрудник обратился к директорам четырех крупнейших издательств республики с просьбой рассказать, как они готовятся к декаде, познакомить с планами издания художественной литературы.

Вот что сообщил директор Государственного издательства Грузинской ССР («Сахелгами») В. К. Мгалоблишвили:

— К декаде издательство выпускает много книг классиков грузинской и русской литературы. Вновь переиздается бессмертная поэма Ш. Руставели «Витязь в тигровой шкуре». На русском языке эта книга выходит в переводе Ш. Нуцубидзе. Вышли из печати первые книги двухтомников избранных произведений В. Белинского и Н. Гоголя. Печатается 12-томное собрание сочинений М. Горького. Подготовлены к изданию «Былое и думы» А. Герцена, «Анна Каренина» Л. Толстого, «Преступление и наказание» Ф. Достоевского, «Поединок» А. Куприна.

Наше издательство готовит к печати и книги современных грузинских писателей. Многие произведения печатаются впервые, в частности книга А. Белиашвили «Рустави» и роман Л. Авалиани «Новый горизонт», повествующий о жизни грузинских шахтеров.

Кропотливая работа ведется по изданию на грузинском языке произведений писателей братских республик, прогрессивных зарубежных литераторов, классиков мировой литературы. Читатели уже получили первую книгу романа М. Шолохова «Тихий Дон», сборник избранных стихов М. Бажана, «Потерянный рай» Д. Мильтона, «Путевые картины» Г. Гейне. Подготовлены к печати «Царь Эдип» Софокла, «Пармская обитель» Стендаля, стихи П. Неруды и многие другие произведения.

Запланировано издание на грузинском и русском языках лучших критических, литературоведческих и искусствоведческих работ. В их числе — сборник «Грузинская советская архитектура» и первый том «Истории грузинской монументальной живописи» профессора Ш. Амиранашвили.

Печатаются «Очерки из истории грузинского реализма» Д. Гамезардашвили, книга Д. Джавришвили «Грузинские народные танцы», «Графика Советской Грузии» Б. Гордезиани.

Планами работы Издательства переводной художественной литературы Союза писателей Грузии «Заря Востока» поделился директор издательства М. И. Златкин.

— Нам предстоит выпустить к декаде свыше ста наименований произведений художественной литературы, критики, публицистики и две серии очерков — о грузинских писателях и о художниках. Из классиков грузинской литературы вышли на русском языке избранные произведения Г. Церетели и Д. Клдиашвили. Подготовлены к печати трехтомник сочинений И. Чавчавадзе, произведения А. Церетели, Э. Ниношвили, А. Казбеги, Важа Пшавела, Ш. Арагвиспирели. Переводы этих произведений на русский язык заново отредактированы; в книги дополнительно включены рассказы, стихи и статьи, еще не известные русским читателям. Впервые на русском языке издается книга — публицистические статьи выдающегося грузинского общественного деятеля Нико Николадзе.

Из намеченных в связи с декадой к изданию книг уже вышли роман Л. Киачели «Человек гор» и книга Героя Советского Союза Д. Бакрадзе «Кровью героев». Находятся в производстве сборник рассказов Б. Чхеидзе, роман А. Кутатели «Лицом к лицу». Подготовлены к печати книги А. Белиашвили, Д. Шенгелая, С. Тавадзе, Т. Донжашвили, П. Лория, О. Чхеидзе, сборники рассказов А. Ломидзе, Г. Натрошвили, Г. Чиковани, Э. Кипиани и многих других.

Переводится на русский язык роман Ш. Дадиани «Семья Гвиргвиллиани».

Издаются книги Э. Фейгина, А. Кузьмичева, Ю. Рышкова и других литераторов, живущих в Грузии и пишущих на русском языке.

К декаде будут выпущены сборники грузинской драматургии, грузинской детской литературы, произведений русских писателей, а также курдских писателей и поэтов, живущих в Грузии.

Среди книг, которые издательство готовит к декаде, большое место занимает поэзия. Готовы к печати сборники грузинской классической и современной поэзии в переводах Н. Тихонова, Б. Пастернака и Н. Заболоцкого, сборники стихов Г. Леонидзе,

Д. Гулна, А. Абашели, Г. Абашидзе, А. Мирцхулава, И. Нонешвили, О. Челидзе, Х. Берулава, А. Гомнашвили, молодых поэтов М. Мачавариани, А. Сулакаури и Н. Киласония.

Без сомнения, читатели с большим интересом встретят книги стихов Тициана Табидзе и Паоло Яшвили, в которые включены многие малоизвестные стихотворения, а также статьи и письма, публикуемые впервые. К работе над переводами новых стихов привлечены Н. Тихонов, Н. Заболоцкий, М. Луконин, А. Твардовский, Б. Пастернак, В. Тушнова, А. Межиров, Е. Евтушенко, И. Снегова, Е. Николаевская.

Готовятся к выпуску 30 названий книг по литературоведению, искусствоведению, критике, а также мемуарная литература. Среди них можно назвать воспоминания о В. И. Ленине старейшего писателя Д. Сулиашвили, «Историю грузинского театра» Д. Джанелидзе, «Пути развития грузинской советской литературы» С. Чилая, «Литературно-критические статьи» Б. Жгенти, сборник «Грузинские писатели о дружбе народов». Подготовлена к изданию работа доктора филологических наук В. Шадури «Декабристская литература и грузинская общественность». В ней подробно рассматривается пребывание в Грузии Пушкина, Грибоедова и декабристов, их произведения об этом крае, связи с местными писателями и общественными деятелями А. Чавчавадзе, Г. Орбелиани, Н. Бараташвили, С. Додашвили и другими. Выйдет в свет и труд доктора филологических наук А. Чхеидзе «История Пугачева» Пушкина».

Директор издательства «Сабчота Мцерали» Союза писателей Грузии А. Р. Тевзадзе рассказал:

— В связи с предстоящей декадой наше издательство выпускает в этом году в два раза больше книг по сравнению с прошлым годом. Уже вышли из печати сборники пьес драматурга Миханла Мревлишвили, роман «Незабываемый» С. Тавадзе, новые стихи поэтессы А. Каландадзе, исторические рассказы Л. Готуа. Находятся в печати романы и рассказы Уиараго, собранные в двух томах, а также «О мудрости вымысла» Сулхана Саба Орбелиани. Подготовлены к изданию сборник рассказов «Хороший день» Т. Гоголадзе, рассказы Д. Шенгелая, А. Чеишвили, Г. Чиковани, молодых писателей М. Гвасалия, Р. Бежанишвили, Е. Маисурадзе. Читатель познакомится и с новыми стихами Маквалы Мревлишвили, Ш. Апахидзе, М. Микеладзе. Будут выпущены первые книги стихов молодых поэтов О. Шаламберидзе, Ш. Ломсадзе, М. Абрамишвили. Впервые на грузинском языке выйдут рассказы армянских писателей, работающих в Грузии, Б. Сейраняна и М. Асланяна.

Выпускается ряд книг по вопросам лите-

ратурной критики. Подготовлены к печати «Статьи о литературе» С. Чиковани, сборник литературно-критических статей Г. Маргвелашвили, «Очерки о советских писателях» Л. Каландадзе, «Язык писателя» Ш. Дзидзигури. В активе издательства и переводная литература. Это новеллы К. Чапека (перевод с чешского Ш. Гвинчидзе), пятый том 10-томного собрания сочинений В. Шекспира (перевод с английского В. Челидзе, и Г. Гачечиладзе). Впервые на грузинском языке будут изданы драмы Г. Лессинга, переведенные В. Бецукели, новеллы австралийского писателя Г. Лоусона, перевод которых осуществлен Ц. Хачидзе, и сборник стихов дагестанского поэта Расула Гамзатова.

— А что выпускает к декаде издательство детской и юношеской литературы? — спросил наш корреспондент у директора «Детюниздата» А. М. Габескирия.

— Много красивых и хорошо оформленных книг. Юные читатели получают сказку М. Ю. Лермонтова «Ашик-Кериб», «Три медведя» Льва Толстого. Издаются также сборники грузинских народных сказок «Комбле», «Нацаркекия», детские рассказы Важа Пшавела, «Отарова вдова» И. Чавчавадзе, сборник стихов «Шалуны» Ш. Мгвимели, стихи поэтов И. Гришашвили, И. Сихарулидзе, сказка Э. Шаншашвили «Мальчику Гиголе».

Впервые выходят на грузинском языке сборник сказок великого датского писателя Г. Х. Андерсена и бирманские сказки.

Над оформлением и иллюстрациями для детских книг работают народный художник Грузии У. Джапаридзе, художники И. Габашвили, Р. Стуруа, К. Махарадзе, Ш. Цхададзе, Д. Хахуташвили, Г. Поцхишвили и Г. Чиринашвили.

★ ★ ★

В беседах с нашим корреспондентом все директора издательств с беспокойством говорили о том, что типографии Тбилиси неудовлетворительно выполняют их заказы. До сих пор большая часть запланированных книг еще не издана. Несвоевременно отпускаются бумага, краски. Многие типографии, в частности типографии Главполиграфиздата Министерства культуры Грузинской ССР, ссылаются на перегруженность в связи с выпуском школьных учебников, но очевидно, что дело не только в этом. Многие зависят от расторопности руководителей типографий. Так, «Детюниздат», например, должен был выпустить рассказы М. Джавахишвили, «На берегах Севана» В. Ананяна, «Д. Гурамишвили» Д. Косарика еще в середине прошлого года. Однако по вине работников типографии эти книги не вышли в свет до сих пор.

Коротко об авторах

БЕРУЛАВА Грузинский поэт. Родился в 1924 году. Учился в Сухумском педагогическом институте, затем в Московском литературном институте им. Горького. В последние годы вышло 15 сборников его стихов и поэм. Хута Берулава принадлежат многие переводы стихов советских и зарубежных поэтов на грузинский язык.

ДАИАНИ Грузинский драматург и романист. Родился в 1874 году. Перу Ш. Дадиани принадлежит около 50 пьес, поставленных на сцене советских и зарубежных театров. На протяжении ряда лет Ш. Дадиани возглавляет Театральное общество Грузии. Публикуемый в журнале роман «Семья Гвиргвилиани» вышел в этом году отдельной книгой на грузинском языке. На русский язык переводится впервые.

СУЛЕЙМАН Родился в 1906 году. Принадлежит к первому поколению азербайджанских советских поэтов, воспевавших социалистическую революцию и строительство нового мира. С 1923 года Сулейман Рустам выступает со своими стихами и переводами классиков русской литературы. Его перу принадлежат сборники стихов «От печали к радости», «Шаги», «Огонь», «Звезды», «Чапаев», «Романтика ночи», поэма «Хороший товарищ».

Стихотворение «Новая песня моя» прислано автором специально для первого номера нашего журнала.

АБАШИДЗЕ Грузинский поэт. Родился в 1909 году. Первый сборник стихов вышел в 1931 г. Циклы его стихов «Цветет Гурия», «Ночь охотника», «Песня жатвы» и др. посвящены нашим современникам — людям Советской Грузии. И. Абашидзе принадлежат многие переводы стихов В. Маяковского и других советских поэтов на грузинский язык.

В результате поездок по Индии и Европе И. Абашидзе были написаны книга стихов, ряд очерков и путевые записки.

ТАБИДЗЕ Грузинский поэт. Родился в 1893 году. В 1917 г. окончил Московский государственный университет. Первая его книга была издана в 1928 году. В 1936 г. стихи Т. Табидзе вышли на русском языке отдельной книгой в переводе Н. Тихонова, Б. Пастернака, П. Антокольского и др.

ТИХОНОВ Родился в Ленинграде в 1896 году. Первые же книги стихов, опубликованные после Великой

Октябрьской социалистической революции, выдвинули его в ряды лучших советских поэтов. В дни войны Тихонов — в осажденном Ленинграде. Там написаны многие патриотические статьи, очерки, рассказы, стихи, поэма «Киров с нами».

Стихи Н. Тихонова о Грузии, так же как и его многочисленные переводы из грузинской поэзии, способствовали укреплению братской дружбы советских народов инискали ему любовь и уважение трудящихся нашей республики.

ВАЖА Литературный псевдоним классика грузинской литературы — поэта Луки Разикашвили (1861 — 1915). Стихи «Жалоба меча» и «Ожидание» печатаются в новом переводе.

МИРЦХУЛАВА Грузинский поэт и драматург. Родился в 1903 году. С 1923 по 1927 год учился в Высшем литературно-художественном институте им. Брюсова, затем в Московском коммунистическом институте журналистики. В 1921—1922 годах на страницах грузинской прессы были опубликованы стихи молодого поэта-комсомольца — «Ленин», «Рикша», «Марш ударных бригад» и др. В 1956 году Алио Мирцхулава побывал в Китайской народной республике и написал книгу путевых очерков.

НАТРОШВИЛИ Грузинский писатель — критик и прозаик. Родился в 1911 году. С 1930 года, еще будучи студентом Тбилисского государственного университета, начал публиковать критические заметки и статьи на страницах журнала «Мнатоби» и газеты «Ахалгазда коммунисти». Перу Г. Натрошвили принадлежат книги «На западном фронте», «Литературные этюды», «Рассказы» и др.

ЛЕБАНИДЗЕ Грузинский поэт. Родился в 1922 году. Первая книга его стихов вышла в 1950 г. В 1957 г. вышел сборник избранных стихотворений. Публикуемые в нашем журнале стихи взяты из его новой книги, издающейся на русском языке в Издательстве ССП Грузии «Заря Востока».

ГАФЕЗ Осетинский поэт. Родился в 1913 году. После первой книжки стихов, вышедшей в 1940 г., выпустил несколько поэтических сборников. Переводы Гафеза познакомили осетинского читателя с лучшими произведениями русских и грузинских поэтов.

ЛАКЕРБАИ Абхазский писатель. **Михаил Александрович** Родился в 1901 году. В 1926 г. окончил Грузинский политехнический институт, а в 1929 г. поступил на Высшие курсы киносценаристов. На сцене Сухумского государственного драматического театра с успехом идут его пьесы. Изучение народного творчества сказалось как на драматургических произведениях М. Лакербая, так и на его новеллах, часть которых публикуется в нашем журнале.

САЛУКВАДЗЕ Грузинский поэт. **Георгий Григорьевич** Родился в 1922 году. Живет и работает в городе Батуми. Высшее образование получил в Батумском педагогическом институте. С первыми произведениями выступил в 1938 г. Работает также в области детской литературы и художественного перевода.

БРОЕВ Курдский поэт. **Тогар Теджирович** Родился в 1923 году. Ныне живет и работает в Грузии. Студент - заочник Киевского института гражданского воздушного флота. С 1935 года начал писать стихи на родном языке. Регулярно печатается в курдской газете «Рйа Таза» (Ереван), а также в грузинских республиканских газетах и журналах. Участвовал в сборниках курдских поэтов, изданных в Ереване и в Тбилиси на армянском и грузинском языках.

МРЕВЛИШВИЛИ Грузинская поэтесса. **Маквала Александровна** Первый сборник стихов вышел в 1940 году. В 1949 г. отдельной книгой издана большая поэма М. Мревлишвили

«Урожай». Значительное место в творчестве М. Мревлишвили занимает литература для детей. Детям посвящены ее книги «Доброе утро», «Ирмиса», «В сердце Картли».

СТАЦЕНКО Родился в 1932 году в **Семен Сергеевич** городе Днепропетровске. С 1945 г. живет в Тбилиси. Работал на заводе литейщиком. Первые стихи молодого русского поэта были напечатаны в 1954 году. Летом 1956 года по комсомольской путевке работал на целинных землях Казахстана.

ЛОХВИЦКИЙ Русский прозаик. **Михаил Юрьевич** Родился в 1922 году. В 1952 г. окончил филологический факультет Тбилисского государственного университета. Участник Великой Отечественной войны. Несколько лет работал в республиканской комсомольской газете «Молодой сталинец», печатал очерки, рассказы, фельетоны. Первая книга рассказов «Встречи в пути» вышла в 1955 г. М. Лохвицкий работает в области художественного перевода с грузинского на русский язык.

ДУБИНСКИЙ Журналист. Родился в **Илья Моисеевич** 1911 г. в городе Херсоне. С 1939 года живет и работает в Грузии. В 1957 г. вышла книга очерков «Ими сильна родина».

ЛОМИДЗЕ Литературный критик. **Георгий Иосифович** Родился в 1914 году. Высшее образование получил в Москве, окончил Литературный институт им. Горького, а затем Академию общественных наук при ЦК КПСС, где защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата филологических наук. В последние годы Г. Ломидзе издано несколько сборников критических статей.

Технический редактор Ю. Земский.

Подписано к печати 25 мая 1957 г.

Формат бумаги $70 \times 108^{1/16}$.

4,375 бум. листа = 11,99 печ. лист. + 1 вкл.

Заказ № 755

Тираж 5.000.

УЭ00286.

Цена 5 руб.

Типография «Заря Востока» имени А. Ф. Мясникова
Издательства ЦК КП Грузии, Тбилиси, пр. Руставели, 42.

0.130/916

34735730
313-410133

Открыта подписка

на новый литературно-художественный и общественно-политический журнал

„ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ“

(Орган Союза советских писателей Грузии)

В журнале будут публиковаться новые произведения грузинских писателей в переводе на русский язык, а также произведения русских писателей, работающих в республике.

В журнале принимают участие выдающиеся деятели русской культуры и братских литератур Союза ССР.

В текущем году выйдет 6 номеров. Подписка принимается в отделах «Союзпечати», во всех конторах и отделениях связи.